ГВАРДИЯ СОВЕТСКОГО ФУТБОЛА

Павел Васильев
Олег Лыткин

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

Annotation

В книгу вошли биографии одиннадцати выдающихся советских футболистов, ставших легендами еще при жизни, и не только из-за своего футбольного мастерства. Михаил Якушин и Андрей Старостин, Григорий Федотов и Константин Бесков, Всеволод Бобров и Никита Симонян, Лев Яшин и Игорь Нетто, Валентин Иванов, Эдуард Стрельцов и Валерий Воронин — каждый из этих великих мастеров прошлого составляет эпоху в истории отечественного спорта. Авторы книги ограничивают свое повествование шестидесятыми годами XX столетия. То есть тем временем, когда наш футбол оставался еще грозной и уважаемой силой во всем мире, а футболисты — как это ни покажется удивительным сегодня — выходили на поле не ради денег, но для того, чтобы порадовать своей игрой зрителей и принести славу своему клубу и своей стране.

знак информационной продукции 16+

- П. А. Васильев, О. Ю. Лыткин
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - МИХАИЛ ЯКУШИН
    -
    - Над техничкой поработай!
  - АНДРЕЙ СТАРОСТИН
  - ГРИГОРИЙ ФЕДОТОВ
    -
    - Валентина Федотова: «Он так любил жизнь…»
  - КОНСТАНТИН БЕСКОВ
  - ВСЕВОЛОД БОБРОВ
  - НИКИТА СИМОНЯН
  - ЛЕВ ЯШИН
  - ИГОРЬ НЕТТО
  - ВАЛЕНТИН ИВАНОВ
  - ЭДУАРД СТРЕЛЬЦОВ
  - ВАЛЕРИЙ ВОРОНИН
  - ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
  - ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФУТБОЛА (1897–1967)

    - БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
    - 1
    - 2

П. А. Васильев, О. Ю. Лыткин
Гвардия советского футбола

Авторы и издательство выражают благодарность Владимиру Ергакову за предоставленные фотоснимки из личного архива.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В детстве футбол для нас занимал место где-то между мороженым, купанием и каникулами. Вот именно такой ряд обозначал верх блаженства, момент полного счастья и гармоничность мира: футбол, мороженое, каникулы, купание. Порядок слов можно и поменять. Тут важен набор, а не порядок.

В нашем дворе торец одного из домов служил складом. Туда привозили холодильники, стиральные машины, лампы и прочие нужные хозяйственные вещи. Для магазина, что был этажом выше. Привозили и разгружали, открывая тяжелую железную дверь. Возвращаясь из школы, я точно знал, что холодильники уже привезли. Напротив, у помойки, валялась деревянная тара, которую мы тоже очень уважали и использовали для костра — вечерами на нем так хорошо было печь принесенную из дома картошку! Но самое главное: на двери висел тяжелый амбарный замок и на всю неделю эта стенка становилась нашей. Завоз — раз в неделю, раньше не привезут! Мы выходили и играли в одно касание — в дурака. Каждый промах прикреплял к тебе еще одну обидную букву. Игра простая. Но азартная! Первый бьет в стену, а следующий за ним должен одним ударом направить отскочивший мяч в ту же цель. Останавливать, подправлять мяч нельзя. Надо зорко следить за движением бьющего и быть готовым к любому отскоку. За вторым бил третий, четвертый, пятый… Никому не хотелось стать дураком! Мы играли на асфальте до темноты, и скучно не было.

Ну а когда народу собиралось побольше, мы устраивали настоящие матчи. Команды собирались тут же: дом на дом, двор на двор, школа на школу. Пыль стояла столбом, велись бои нешуточные. Лишь бы мячик не подкачал.

…Летом на даче, среди заботливо собираемых книг, я обнаружил две старенькие. Одна была в крепкой зеленой обложке с фотографиями посередине, автор — сам Старостин! Андрей Петрович! А у второй книжки и обложки-то не было. Она распадалась на листочки, торчали тут и там серые ниточки. Зато в ней были рисунки, посвященные вратарскому мастерству. Как принять мяч, как отбивать, как правильно падать. И рассказывал об этом сам Анатолий Акимов. Про которого в книжке Старостина — целая отдельная глава! Не было каникул, чтобы я не приезжал на дачу. И не было лета, чтобы я не перечитал в очередной раз

эти книги. Я знал их чуть ли не наизусть, честное слово. И еще во втором классе решил, что когда вырасту, стану вратарем или хотя бы центральным защитником. А чтобы не подвести любимых авторов, надо усердно тренироваться…

Так вот, постепенно, в прейскурант детского моего счастья добавились книги. Футбольные — в том числе. Как и многое прочее, их было нелегко доставать, но поиск только подогревал интерес. Это как азарт грибника. Тоже знакомый с детства.

Это уже потом, по мере взросления, мы потихоньку становились разными. А тогда, давным-давно, все мы, не сговариваясь, выбрали бы — футбол, мороженое, купание и каникулы.

*

Предложение — написать книгу об одиннадцати лучших советских футболистах прошлого — мы с соавтором Олегом Лыткиным приняли с нескрываемым удовольствием. Тревоги пришли позже.

Во-первых, отбор. Над ним мы корпели больше месяца. В 1967 году заслуженные футбольные люди составляли символическую сборную СССР за прошедшие полвека. Непростая задачка! Но всё же в отборе этом, опубликованном в ежегодном футбольном справочнике, на каждую позицию отбирались три кандидата. 33 фамилии! Нам было труднее.

Мы хотели составить не просто команду лучших, но и сделать наш субъективный выбор понятным читателю. Пусть читатель не согласится, но хотя бы поймет, почему мы включили в наш список Воронина, а, допустим, Метревели и Численко — нет.

Во-вторых, нам хотелось, чтобы получилась самая настоящая команда лучших, выдающихся игроков — пусть и тяготеющая к забытой ныне системе «дубль вэ». То есть чтобы в ней, как и положено, имелись вратарь, защитники, игроки центра поля и нападающие.

Мы брали ручку, писали столбиком имена и фамилии, обменивались написанным, спорили, вычеркивали, волновались, кипятились и требовали друг у друга доказательств.

В конце концов мы выработали следующие требования к себе.

Гвардия наша — 11 футболистов, заслуженных мастеров, ставших легендами не только по футбольному мастерству, но и в результате незаурядно прожитой жизни.

При этом мы с Олегом твердо решили избегать популярной теперь

желтой краски. А заодно не усердствовать с черной. Как-то, знаете ли, утомили скороспелые разоблачения… Приелось панибратство с историей и ее героями. Раздражают назидательные персты из настоящего в прошлое.

Мы хотели придерживаться тех правил и того языка, которыми были наполнены книжки нашего детства.

В-третьих, мы решили остановить свое повествование на шестидесятых годах XX века. И вот почему. В семидесятые — восьмидесятые мировой, а потом и советский футбол стал меняться. Он всё больше становился товаром, продуктом, мировым зрелищем, шоу, которое надо продать. Что-то волшебное, неуловимое, искреннее, любительское — осталось в прошлом, в шестидесятых, в тех временах, когда наши футболисты не отставали от остального футбольного мира, а были в нем грозной и уважаемой силой. От романтики систем «пять в линию», «дубль вэ», «а нам плевать, у нас — четыре два четыре», как пел Высоцкий, мир двинулся в сторону надежности, оборонительности, когда четыре защитника и два опорника при единственном чистом форварде уже никого и нигде не удивляли.

Ну и наконец, собственно работу мы разложили таким образом. Олег, как энциклопедист, пишет основную партию, а я фантазирую аранжировки. Олег болеет за «Спартак», уважает «Динамо», знает историю ЦСКА, и лишь в торпедовском блоке он, что называется, уступил мне лыжню… По роду службы легко было сбиться на журналистику: ведь с некоторыми нашими героями или, по преимуществу, знакомыми героев мы когда-то встречались, виделись, разговаривали, иногда на бегу, а иногда и подолгу.

Мы надеемся, что для кого-то эта книжка станет добрым воспоминанием. А для кого-то — неожиданным открытием. Мы работали над ней не спеша… «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости» — эту пушкинскую фразу мы старались не забывать.

Павел Васильев

МИХАИЛ ЯКУШИН

Молодой тренер Валерий Газзаев выступал перед футбольной общественностью. Доказывал, что надо не бояться ставить трех форвардов на поле. А то и четырех. И даже, если нужно, выпустить сразу пятерых! Лично он, Газзаев, не побоится…

В тишине прозвучал вдруг негромкий голос Михаила Якушина:

— Я только не понял, Валера, кто у тебя мяч отбирать будет? Прежде чем атаковать, я слышал, надо мячик у себя иметь…

Первопроходец

Михаил Якушин считается основоположником отечественной тренерской школы. Однако сам Михаил Иосифович с подобным утверждением не согласился бы, ибо всегда считал себя учеником Михаила Степановича Козлова. Пусть будет так, это нисколько не умаляет величие фигуры Якушина. Шесть раз он приводил московское «Динамо» к победам в чемпионатах СССР и трижды выигрывал Кубок. Именно он руководил динамовцами во время знаменитого британского турне осенью 1945 года. Первые послевоенные чемпионаты — прежде всего противостояние двух тренерских гениев — динамовца Михаила Якушина и армейца Бориса Аркадьева. И ведь Михаил Иосифович оставил о себе добрую память не только у болельщиков ставшего родным динамовского клуба. Именно он в Тбилиси заложил фундамент чемпионства 1964 года, а в Ташкенте не просто помог «Пахтакору» закрепиться в классе «А», но и сделал его очень неплохим клубом. И это только беглый взгляд на тренерскую карьеру «хитрого Михея», как называли Якушина коллеги по цеху. Он был не только тренером. Он и сам играл очень недурно.

Причем не только в футбол, но и в хоккей с мячом. И в хоккей с шайбой тоже. Более того, Якушин был одним из тех, кто прививал канадскую игру на Русской земле. Во время британской поездки «Динамо» он нашел время сходить на хоккейный матч. А уже в 1947 году 37-летний Михаил Якушин стал первым чемпионом СССР по хоккею с шайбой. Михаилу Иосифовичу принадлежит уникальное достижение — он стал первым чемпионом страны сразу в трех игровых дисциплинах — футболе, хоккее с мячом и хоккее с шайбой. Причем каждый раз в составе

московского «Динамо».

Кстати, хоккей с шайбой Михаил Иосифович не особо жаловал — считал, что скорость и атлетизм подавляют в игре мысль. «Я ведь больше тогда увлекался хоккеем с мячом, а футбол шел у меня под вторым номером. Задумка была такая: летом работаю в деревне, а зимой, когда практической работы нет, знай составляй планы да карты, можно и в хоккей поиграть. Русский хоккей был моей любимой игрой. Хорошая игра. Жалко, загнали ее в тупик. Всё этот хоккей с шайбой. А я вот считаю, что по соображению своему это менее интеллектуальная игра, чем футбол. Как говорят? „Трус не играет в хоккей“. А я добавляю: „Умный играет в футбол“».

И он имел право так говорить. Футбол от Якушина всегда был умным, творческим. Под словами известной песни: «…Не только ноги нужны в футболе, нужна в футболе, между прочим, голова» — Михаил Иосифович мог бы подписаться.

Юность

А ведь его судьба могла сложиться иначе. Ибо в юности Якушину пришлось выбирать между спортом и кинематографом. Вот как описывает свое увлечение важнейшим из искусств сам Михаил Иосифович в книге «Вечная тайна футбола»:

«У футбола нашелся серьезный соперник. По другую сторону стадиона „Унион“ располагалось знаменитое тогда в России киноателье Ханжонкова. Огромное по тем временам здание, две стены которого были сплошь из стекла. Там постоянно шли съемки. Могли ли мы, окрестные мальчишки, обойти вниманием столь увлекательное зрелище?! Ведь кинематограф считался чудом XX века!

Футбол или кино? Чему отдать предпочтение? И то и другое интересно. Стадион был ближе, и это обстоятельство в конце концов победило. Впрочем, и второе увлечение не прошло для меня бесследно — я стал впоследствии завзятым театралом».

Киноактером Михаил Якушин не стал. Театром баловался, было дело. «Так, на любительском уровне играли. „Свои люди — сочтемся“, у меня там роль стряпчего была. А театром я на самом деле увлекался. В Москве в обязательном порядке ходил во Второй МХАТ, в Малый, в театр Революции Мейерхольда».

А ведь поверни судьба иначе — и стал бы Якушин знаменитым

актером. И наверняка режиссером. Столь же выдающимся, как Якушин-тренер. Кто знает? Но история не любит частицу «бы». Михаил Иосифович выбрал спорт и никогда об этом не пожалел.

Правда, была у него и вполне земная, в прямом смысле земная, профессия. Землемер-геодезист.

«Закончил техникум землеустройства. Отправили на работу в Уральскую область — землю в колхозе нарезать. Я в Ялано-Катайский район попал. Приезжаешь в колхоз: „Сколько членов у вас в коллективном хозяйстве? Все сто процентов? Вся земля ваша, делить ничего не буду, распоряжайтесь сами“. А потом вышло разъяснение Сталина, что вступление в колхозы — дело добровольное. И пошло — куда ни приедешь, в колхозе осталось 20 процентов крестьян, не больше. Ну и начинаешь делить — где хорошая земля, отрезаешь ее колхозникам из расчета на человека, как тогда говорили, едока.

Середняки были, как говорится, хладнокровны к этому процессу. В деревне Буланово председатель стал таскать их к себе по одному: „Почему в колхоз не вступаешь?“ — „Я-то не против, да вот баба моя не хочет“. А какие меры к ним принимать, физическое воздействие ведь возбранялось. Я тогда молодой человек был, 19 лет. Теоретически, конечно, коллективное хозяйство более выгодно, если в нем работают добросовестно. Плюс еще трактора, машины всякие, то, чего в деревнях еще не было».

По воспоминаниям современников, Михаил Иосифович всегда был открытым и общительным человеком, обладал превосходным чувством юмора. Но при этом не переносил хамства и панибратства. В середине девяностых на стадион «Динамо» заглянул один актер, стремительно ставший популярным благодаря рекламным роликам. И был атакован толпой фанатов, желавших заполучить автограф, а то и сфотографироваться с новоиспеченной звездой телеэкрана. Купающийся в славе актер заметил высокого благородного старика с тростью: «Хотите сфотографироваться? Или автограф желаете? Подходите, не стесняйтесь». Михаил Иосифович, а это был именно он, поставил актера на место: «Может быть, я с вами и сфотографируюсь. Потом. Когда-нибудь. Если будете очень просить. А автограф, так и быть, я могу вам дать сейчас».

А теперь самое время приступить к более подробному знакомству с Михаилом Якушиным. Михаил Иосифович родился в Москве 15 ноября (2 ноября по старому стилю) 1910 года. Отец Иосиф Владимирович приехал в Москву из Калужской губернии на заработки. Работал он сначала разносчиком газет в районе Сокольников, затем устроился учеником в типографию, а освоив профессию печатника-накладчика, трудился у

известных тогда издателей Сытина, Левинсона, Кушнарева. Там Иосиф Якушин повстречал свою будущую супругу, работавшую портнихой.

«Мне не было и пяти лет, когда я узнал, что такое футбол. Осенью 1914 года наша семья перебралась на жительство из Оружейного переулка Москвы в Самарский. Заняли мы там крохотную квартирку на первом этаже во флигеле, принадлежавшем домовладельцу Зяблову. Буквально в пяти-шести метрах перед нашими окнами возвышался забор, за которым находилась спортивная площадка клуба „Унион“. Немудрено, что уже со следующей весны я по примеру старших ребят из нашего и соседних дворов забирался на дерево возле забора и внимательно наблюдал за тренировками, а по воскресеньям и за играми футболистов „Униона“. Постоянно находясь на этой импровизированной „трибуне“, я внимательно прислушивался к репликам взрослых парней, понимавших толк в игре и знавших всех футболистов по имени и фамилии. Особенно мне запомнился центр нападения Леонид Смирнов. Это был лучший игрок клуба, любимец местных болельщиков. „Леня, давай жизни!“, „Смирнов, шутуй по воротам!“ — выкрики подобного рода то и дело слышались во время игр „Униона“. Поясню: раньше многие футбольные термины заимствовались из английского языка, а от них образовывались новые слова — некий футбольный жаргон. „Шут“ — удар по мячу; следовательно, „шутуй“ означало „бей“».

Снегурки и мяч

«Всё, что творилось на спортивной площадке, мы затем старательно копировали. Мячи делали сами, набивая старый чулок ватой и тряпками. Тренировали удары по воротам, били штрафные и пенальти и конечно же проводили матчи — двор на двор, переулок на переулок».

Жили Якушины в Самарском переулке, а первые удары по мячу Миша делал на стадионе «Унион», расположенном там, где сейчас находится спорткомплекс «Олимпийский». Родители с одобрением относились к увлечению спортом. Отец любил повторять, что это полезно.

Семья жила небогато. Особенно после того, как летом 1916 года отца забрали в армию. Через полтора месяца Иосиф Владимирович вернулся с фронта без ноги. Работать по старой специальности он уже не мог, пришлось устроиться счетоводом. Вскоре началась одна революция, затем другая, потом Гражданская война.

Но даже в столь тяжелые времена Миша не расставался со спортом —

летом играл в футбол, зимой в хоккей. Кататься на коньках он научился в шесть лет — бабушка подарила на день рождения скромные «снегурочки». Но у многих друзей коньков не водилось, поэтому ребята играли в хоккей в обычной обуви. Чтобы никому не было обидно.

Спортивный клуб «Унион», расположенный по соседству с домом Якушиных, был очень известен в дореволюционной Москве. Основанный финансистом Миндером и финансируемый землевладельцем Соколовым, «Унион» был одним из основателей московской футбольной лиги, в его составе играли городские знаменитости, например вратари сборной России Дмитрий Матрин и Александр Мартынов. После революции «Унион» лишился хозяев, но сохранился. Правда, уже как команда Союза советских торговых служащих. Даже сменив название на «Моссовет», знаменитый клуб был привлекателен для юных московских спортсменов. Для ребят были организованы детские футбольные команды. Кстати, форму для одной из них раскрашивал Иосиф Владимирович. Вот только унионовской сиреневой краски у него не оказалось, пришлось довольствоваться голубой. Юным футболистам понравилось. Может быть, из детства у Михаила Иосифовича любовь к бело-голубой, динамовской гамме цветов.

Летом — футбол, а зимой — хоккей, который Миша любил сильнее. Но вот беда: детских хоккейных команд у «Моссовета» не было. Пришлось тринадцатилетнему Михаилу приписать себе пять лет. Да и другим ребятам тоже: самому старшему было семнадцать. Но играли со старшими. И иногда проигрывали. После одного из проигрышей Якушин был так огорчен, что его утешали всей раздевалкой. «Не плачь, Михеич». Так и появилось прозвище «Михеич», сокращенное потом до «Михея». Но стать «Хитрым Михеем» ему еще только предстояло.

Футбол и хоккей были постоянными спутниками Михаила Якушина, когда он учился в школе и в техникуме. Играл Якушин в нападении, где выделялся своим ростом. Это сейчас метр восемьдесят — рост как рост. А на рубеже двадцатых и тридцатых игрок с такими габаритами считался едва ли не самым высоким в команде. Известность молодого спортсмена постепенно распространялась по столице. И когда юный землемер уехал проводить коллективизацию на Урал, любители спорта то и дело интересовались: «Где же этот длинненький?»

Якушин вернулся в Москву через полтора года и снова стал играть за бывший «Унион», сменивший к началу тридцатых не одно название. Теперь он именовался ССТС — Союз советских торговых служащих. Неплохая команда, но Михаилу хотелось большего.

Динамовец

«Клубов, подобных нашему, насчитывалось в Москве в ту пору несколько десятков. Став ведущим игроком первых команд „Совторгслужащих“ по хоккею и футболу, я начал задумываться о своем спортивном будущем. Хотя у нас были и крепкие команды, но до лучших коллективов столицы им все-таки было далеко. Я все чаще возвращался в мечтах к „Динамо“, где мне так пришлась по душе обстановка в тот год, когда я играл там по воле случая. Я понимал, что, тренируясь с классными футболистами и хоккеистами, мог бы быстрее повысить свое мастерство. Кроме того, в „Динамо“ был целый комплекс современных, удобных спортивных сооружений. Не скрою, меня тогда прельщала даже такая на сегодняшний взгляд мелочь, как возможность после каждой игры и тренировки принимать горячий душ. На всех других стадионах Москвы в то время не было ничего подобного.

Но вот вопрос: возьмут ли меня к себе динамовцы? Долго робел, не решаясь к ним обратиться, но как-то, встретив на улице работника отдела футбола и хоккея московского „Динамо“ Ивана Ивановича Хайдина, набрался смелости и выложил ему свою просьбу. Он, как мне показалось, даже обрадовался. „Конечно, Михеич, — сказал Хайдин, — приходи к нам“. Тут как раз подоспело время идти мне на службу в армию, и определили меня во внутренние войска.

Однако не так легко мне было бросать и родной коллектив. Пришел я к руководителю клуба Виктору Николаевичу Прокофьеву для объяснений. Известие он принял с грустью, но сказал, что решение я принял правильное — переход будет способствовать моему спортивному росту, и пожелал мне успехов. И с ним, и с товарищами по клубу расстался я по-доброму.

Так в июне 1933 года я стал московским динамовцем. В коллективе меня приняли очень тепло, относились ко мне доброжелательно, особенно Константин Павлович Квашнин (он был тренером футбольной команды и играющим тренером хоккейной) и знаменитый в ту пору футболист Федор Ильич Селин.

Сама обстановка в клубе вызывала большое желание тренироваться, совершенствоваться. В хоккее меня определили в первую команду, в футболе — во вторую.

В полку, где я служил, на меня возложили обязанности физрука. Много приходилось работать по разделу ГТО, проводить тренировки и полковые соревнования практически по всем видам спорта, подбирать и составлять

сборные для участия в войсковых спартакиадах».

В «Динамо» судьба свела Михаила не только с новыми партнерами, которых он хорошо знал по матчам чемпионата Москвы, но и с человеком, благодаря которому он стал выдающимся тренером, — Михаилом Козловым.

«Я тогда играл за динамовский дубль, служил в армии. Пришел как-то на тренировку сборной Москвы, готовившейся к турниру трех городов. На входе встретился с Михаилом Степановичем Козловым, тогдашним тренером сборной. Козлов меня очень хорошо знал по хоккею, не раз друг против друга играли. Михеич, говорит, у нас на тренировку Андрей Старостин не пришел. Может, сыграешь за него в двусторонней игре? Какие вопросы?! Я бегом в казарму за формой. Сыграл неплохо, взяли меня на сбор. А потом и на турнире сыграл. Забил даже два гола Харькову. Как сейчас помню, защищал у них ворота Бабкин. Красивым у меня второй гол получился. Показал Бабкину в одну сторону, а сам ударил в другую. Аккуратно так закатил. Дебют мой всем понравился. А почему? Не старался я ничего разэтакого показать, делал, что умею. Считал своими извилинами целесообразные действия. Старался играть технично, для глаза ласкательно. Взяли меня потом в Париж, где проводился международный слет рабочих-спортсменов».

От Михаила Степановича Козлова у нас в стране началась профессия футбольного тренера. До него в клубах и различных сборных обязанности эти брали на себя от случая к случаю или капитаны команд, или игроки с солидным стажем, или даже спортивные деятели. Тренировки большей частью состояли из того, что футболисты в отведенное для них время били по воротам, а затем проводили двустороннюю игру.

Козлов первым придал тренировкам организованный и систематический характер.

Он был прежде всего хорошим организатором. Умел не только отобрать лучших игроков, но и выбрать из них тех, кто наиболее удачно сможет выступить в основном составе сборных Москвы или страны, первым официальным тренером которых и был Михаил Степанович.

При нем установки на игру и разборы матчей стали обязательными. Ввел он в обиход сборных команд и целенаправленную подготовку к важным матчам и турнирам. В нее входили занятия по технике и тактике, тренировка физических качеств. Козлов, в частности, разработал различные игровые упражнения. В ходе их футболисты совершенствовали свое умение владеть мячом, учились лучше взаимодействовать друг с другом. «Помню, отучал он любителей ударить „посильней и повыше“,

настаивая, чтобы передачи производились главным образом низом. И в этом был резон, поскольку такие пасы более точны и быстрее доходят до адресата, чем те, которые делают по воздуху».

Так по инициативе Козлова наш футбол начал постепенно переходить от примитивного тренинга к более сложному и разнообразному учебно-тренировочному процессу.

Позднее Козлов написал множество учебных и методических пособий по спортивным играм. «В одном из них имеется и киноограмма моего хоккейного удара „нахлюпом“, который я, без ложной скромности скажу, выполнял действительно здорово, о чем Михаил Степанович всегда помнил. По его просьбе этот прием и был запечатлен на пленку».

«Жиденице» и «Рэсинг»

В тридцатые годы Советский Союз не входил в ФИФА и советская сборная не участвовала в официальных соревнованиях. Тем не менее наш футбол не варился в собственном соку. Сборная СССР выезжала за рубеж, где играла товарищеские матчи, как правило, с рабочими или любительскими командами. Первая встреча с профессионалами прошла в 1934 году. Советские спортсмены отправились в Чехословакию. Немногим ранее чехословацкая сборная заняла второе место на чемпионате мира.

Правительство Чехословакии без особой радости восприняло весть о приезде сборной Страны Советов. Ведущим клубам страны — пражским «Спарте» и «Славии» — было рекомендовано не играть с советскими футболистами. Однако и «Жиденице» из Брно был весьма сильным соперником. В октябре 1934 года эта команда, располагавшая четырьмя игроками сборной, лидировала в первенстве страны.

Встреча собрала аудиторию в 20 тысяч зрителей. Первыми успеха добились наши футболисты, и мяч записал на свой счет не кто иной, как Якушин. Причем это был тот редкий случай, когда Михаил Иосифович забил головой. Как признавался сам нападающий, игра головой не была его сильной стороной. На перерыв команды ушли при счете 2:0. Но в начале второго тайма чехи забили два мяча и были близки к тому, чтобы забить третий.

«Мысль тут у меня мелькнула: увлекаются они наступлением. Как бы их поймать на контратаке? Решил выдвинуться вперед, поискать шанс. Минут десять оставалось до конца игры, и тут сложилась такая ситуация. Мячом завладел Владимир Степанов. Я краем глаза замечаю, что два

защитника „Жиденице“ расположились на одной линии, но на почтительном расстоянии друг от друга. Остальные же их игроки задержались в атаке. Кричу: „Володя, дай на вырыв!“ Не знаю, услышал он или нет, но пас дал отменный — точно между двумя защитниками мне на ход. Грудью проталкиваю мяч вперед и устремляюсь один к воротам. Соперники за мной. Перед тем как войти в штрафную, подумал: надо решать дело, а то могут догнать. Мяч в этот момент чуть скакнул, и я, не дав ему приземлиться, с полулета, как тогда говорили, „хавалеем“, левой ногой нанес удар в левый от вратаря угол. Видел, что мяч летит точно в цель, но затем меня сбили с ног запоздавшие защитники. 3:2! Это была уже победа. Надо ли говорить, сколько радости она нам доставила».

После одной из успешных поездок за границу Михаил Якушин получил приглашение, которое он не мог принять. «Николай Петрович Старостин звал в „Спартак“ в 35-м, когда мы ездили во Францию с „Рэсингом“ играть. Соблазнял поездкой на рабочую Олимпиаду в Антверпен. Но нет, цыгана не купишь. Куда же я из команды пойду, в которой всю жизнь мечтал играть? Николай Петрович попросил меня тогда никому не говорить о нашем разговоре. Я обещание пятьдесят лет хранил. Только тогда его нарушил, когда надо было давать пример молодым футболистам».

В 1935 году нашим футболистам неоднократно доводилось выезжать за границу. Авторитет их рос с каждой успешной встречей. Советский футбол перерос прежний уровень, для дальнейшего развития нужен был полноценный чемпионат страны среди клубов. И первый такой турнир состоялся в 1936 году.

Борис Аркадьев

Весенний чемпионат 36-го года был скоротечен — команды провели всего по шесть встреч. Столичное «Динамо» выиграло все шесть матчей, Михаил Якушин принял участие в пяти играх и забил один гол.

Он проявил себя не столько в роли бомбардира, сколько в качестве организатора атак. Не убежать от соперника и не обыграть его с помощью финтов, а перехитрить своевременным пасом, найти партнера, находящегося в выгодной позиции, резко изменить направление атаки. Мяч у Якушина задерживался ненадолго, но все действия «Михея» были отточены, продуманы и крайне полезны. Именно в эту пору довоенных чемпионатов «Михей» и стал «Хитрым».

Довоенные чемпионаты — это противостояние «Динамо» и «Спартака». Три раза чемпионом становились «красно-белые», три раза — «бело-голубые». Причем динамовцам недоставало стабильности — они откатывались и на пятое, и на седьмое места. Смена поколений, да и тренеры часто менялись. Но в 1940 году динамовцев возглавил Борис Андреевич Аркадьев. Это после Великой Отечественной войны Якушин и Аркадьев окажутся по разные стороны футбольных баррикад. Но соперничество двух выдающихся тренеров никак не сказывалось на отношениях Михаила Иосифовича и Бориса Андреевича. Они жили на одной лестничной площадке и, как говорится, дружили семьями.

«Никаких проблем в общении у нас не было. Вот только моя жена нервничала. Жена Аркадьева, он ее почему-то называл Утя или Крыса, часто общалась с моей супругой. Ну, знаете, как это обычно бывает у хозяек, то этой что-то нужно, то той. Так вот Утя при встрече не преминет пожаловаться на судьбу. Вот, мол, Боре моему тяжело, ведь сейчас они все под кустами валяются пьяные, ой, да наши хуже ваших будут, да вы выиграете и т. д. Та-то на футбол никогда не ходила, а моя исправно матчи посещала, кроме того, я с ней беседы проводил на темы футбола — разбиралась. Поэтому переживала, слушая такие разговоры».

Но до эпического противостояния было еще несколько лет. А в 40-м году Аркадьев и Якушин встретились как тренер и футболист. И надо сказать, приход Бориса Андреевича положительно сказался на игре «Динамо» — в 1940 году «бело-голубые» уверенно выиграли чемпионский титул, третий по счету. Самому же Якушину, уже решившему стать тренером, занятия Аркадьева дали немало. Ибо тренировки Бориса Андреевича были свежи и оригинальны.

«Аркадьев вообще уделял тренировкам много внимания и внес в них немало нового, — вспоминал позднее Якушин. — Так, в частности, ему принадлежит честь изобретения столь популярного до сих пор в среде футболистов игрового упражнения для совершенствования технического мастерства под названием „квадрат“. Разновидностей его сейчас существует множество. Любимым у Аркадьева был „квадрат 3×2“. На ограниченном участке поля — „квадрате“, размеченном белой лентой, — три футболиста владели мячом, а задачей двух других было отобрать его у них. На столь малой площади мяч сохранить очень сложно, поскольку обводка затруднена и в пас непросто сыграть. В основном идут бесконечные тяжелые единоборства. Собственно говоря, в этом и есть цель упражнения — научиться владеть мячом в ближнем бою с соперниками при постоянном их сопротивлении.

С этими „квадратами“ у меня связаны забавные воспоминания. Борис Андреевич, как натура артистическая, был забывчив, и каждый раз, когда на тренировке приходило время играть в „квадрате“, он виновато разводил руками, что означало одно — вновь ленты для разметки где-то оставлены. Следовала традиционная команда: „Доктор, бинты!“ И бедный доктор вынужден был Скрепя сердце отдавать нам перевязочный материал, с помощью которого и обозначался „квадрат“.

Было в арсенале у Аркадьева и одно чрезвычайно интересное упражнение, благодаря которому и крепились наши физические возможности — игра 4×4 на полполя без ворот в два касания. Сколько же мы пота в этой игре пролили! В чем ее сложность? Получая мяч, я первым касанием обрабатываю его, а вторым уже должен отдать партнеру. А отдать зачастую бывает некому, поскольку все закрыты. Поэтому надо бежать на помощь к тому, кто владеет мячом. А если партнер далеко (скажем, метрах в тридцати), то, чтобы выручить товарища, нужно сделать рывок метров на пятнадцать-двадцать. Так и происходили эти бесконечные быстрые перемещения, выматывавшие до предела.

Став тренером, я взял на вооружение это упражнение Аркадьева, правда, несколько видоизменив его: разрешил делать сначала три, а потом и произвольное число касаний, чтобы приблизить его к игровой ситуации. И применял его обычно в тех случаях, когда мне надо было резко повысить физическую готовность команды. У этого упражнения был и воспитательный эффект. Сразу выяснялось, кто готов к игре, а кто нет. Нарушители спортивного режима и те, кто тренировался недобросовестно, выявлялись мгновенно. Тут ведь обязательно каждый против каждого играет, и если хотя бы один из игры выпадает, то это сразу становится заметным. Не открывается, скажем, футболист — значит, плохо подготовился. Партнеры тут же начинают выказывать ему обиду — упражнение-то коллективное, здесь все зависят друг от друга. Мне, как тренеру, было уже легко отчитать игрока за нерадивость — она становилась очевидной.

Борис Андреевич Аркадьев во взаимоотношениях с футболистами был человеком деликатным и справедливым. Ко всем обращался на „вы“ и был сторонником сознательной дисциплины. Игроков он в некоторой степени идеализировал, считая, что, посвятив себя футболу, спортсмен должен строго выполнять свои обязанности перед командой. Сам Аркадьев в этом плане служил примером для всех. Футболистов за мелкие прегрешения он журил, но мог и поддеть с помощью какой-нибудь прибаутки, которых знал великое множество. Иносказательно любил порой выразиться, но так, что

становилось ясно, о чем идет речь. Грубого слова от него, по-моему, вообще никогда никто не слышал. Мог, правда, и возмутиться, когда кто-то подводил команду, что у нас, к счастью, случалось крайне редко. Самым сильным выражением, которое разрешал себе в такой ситуации Аркадьев, было: „Это хамское и недопустимое отношение к труду товарищей!“».

«Динамо» Бориса Аркадьева отлично начало и чемпионат 1941 года. Но планам команды помешала война. Первенство страны, в котором динамовцы шли на первом месте, не было доиграно. На фронт Якушин не попал: как и большинство динамовских футболистов, он проходил службу в тылу. Но с карьерой игрока пришлось закончить в 30 лет.

«Меня, капитана команды, вызвали к руководству Центрального и Московского городского советов общества „Динамо“ и предложили стать старшим тренером. Аркадьев ушел от нас в ЦДКА, а попытки найти ему подходящую замену кончились неудачей. В чемпионатах Москвы мы выступали не лучшим образом, а в розыгрыше Кубка СССР 1944 года потерпели поражение уже на начальной стадии от „Зенита“ в Ленинграде — 1:3. Порой просто сил не хватало играть по-настоящему — недоедали ведь постоянно! Если мой вес был обычно 80 килограммов, то в ту пору я весил всего 68.

Я долго отнекивался от тренерского поста, говорил, что хочу еще поиграть сезон, тем более что после долгих и тяжелых лет войны в 1945 году возобновлялся чемпионат СССР. Мне, однако, было сказано, что именно поэтому и надо взяться за серьезную подготовку команды: футболисты своей интересной игрой должны доставлять радость людям. Словом, нужно думать уже о возвращении к мирной жизни.

Прямо скажу, это назначение ничуть меня не смутило. С 1937 года, после того как Квашнин ушел от нас в „Спартак“, я заменил его на посту играющего тренера первой хоккейной команды московского „Динамо“».

Туманный Альбион

9 мая 1945 года, в День Победы, начался после четырехлетнего перерыва новый чемпионат СССР. 34-летний Якушин — главный тренер «Динамо». Его бывший наставник и сосед по дому Борис Аркадьев — во главе ЦДКА.

Якушин не боялся экспериментировать с составом, и почти все его новшества оказывались удачными. Крайнего нападающего Константина Бескова он перевел на позицию центрфорварда. В другом фланговом

игроке, бомбардире довоенного «Динамо» Михаиле Семичастном, увидел центрального защитника. Доверил место в основе неказистому на вид парeньку Василию Карцеву и был вознагражден за риск — Карцев на долгие годы стал одним из лидеров и бомбардиров столичного клуба. В ворота «Динамо» Михаил Иосифович отрядил самородка Алексея Хомича. Невысокий, склонный к игре на публику, Хомич стал одним из главных героев поездки в Британию. Ключевым игроком середины поля — опять же неожиданно для всех, кроме Якушина, — стал Александр Малявкин.

Кадры в футболе решают многое, но далеко не всё. Якушин применил в «Динамо» новую тактическую схему, остроумно прозванную «организованным беспорядком». Тем самым Михаил Иосифович первым в мировом футболе открыл и использовал на протяжении всего чемпионата 1945 года построение 1+4+2+4. Почти на десять лет раньше бразильцев…

Кадровая политика и тактическая оснащенность динамовской команды подкреплялись серьезной учебно-тренировочной работой. При этом Якушин наряду с коллективными занятиями широко ввел в практику метод специализации. Так, с вратарями работал Евгений Фокин, вратарь первого чемпионского состава «Динамо»; с защитниками — приглашенный на сборы Лев Корчебоков, игрок обороны довоенной команды; с полузащитниками и форвардами — сам Михаил Иосифович. Огромное внимание обращалось на совершенствование индивидуальной техники и групповых действий с мячом и без мяча. Значительное место в учебном плане отводилось атлетической подготовке. В качестве руководителя занятий по легкой атлетике был приглашен заслуженный мастер спорта Александр Пугачевский. Это сейчас никого не удивишь наличием в тренерском штабе специалиста по физподготовке, а в 45-м подобное было невиданным новаторством.

Якушин считал себя тренером-самоучкой. Занимаясь под руководством таких специалистов, как Михаил Козлов, Константин Квашнин, Михаил Товаровский, Борис Аркадьев, он по своему разумению определял, что в их работе будет полезно для его будущей тренерской деятельности, к которой он заранее себя готовил. Делал поначалу заметки, а потом, когда уже вник в дело, просто запоминал всё, что считал необходимым. Анализировал их уроки, упражнения, наблюдал, какой эффект дают, после чего и делал выводы.

Первый послевоенный чемпионат завершился победой «Динамо», опередившего ЦДКА на одно очко. Учитель Аркадьев взял реванш у своего ученика Якушина в финале Кубка страны.

Осенью 1945 года британцы пригласили чемпиона СССР провести ряд

встреч с английскими и шотландскими клубами. Вырученные средства должны были пойти на восстановление разрушенного Сталинграда. Предложение британской стороны последовало довольно неожиданно. Игроки «Динамо» к тому времени уже находились в отпуске, однако ради такой миссии команда собралась вновь и на своей тренировочной базе в Мытищах принялась готовиться к ответственной поездке. И хотя матчи были товарищескими, ударить в грязь лицом перед недавними союзниками и к тому же родоначальниками футбола было никак нельзя.

Зима пришла в Москву рано, в конце октября. Игрокам пришлось самим убирать снег с тренировочного поля, причем неоднократно. В таких жестких условиях проходила подготовка. Тренер Михаил Якушин усилил состав «Динамо» нападающим ЦДКА Всеволодом Бобровым и двумя ленинградскими одноклубниками — Борисом Орешкиным и Евгением Архангельским.

«Вопрос так не стоял, что, мол, проиграете — всю команду на Соловки. Меня как-то вызвали в Кремль, помню, были там Маленков, Берия и еще кто-то третий. Говорят, так, мол, и так, есть предложение поехать в Англию и сыграть там с местными профессионалами. Я, кстати, до сих пор не знаю, откуда растут ноги у этой поездки. Помню, попросил их дать нам возможность посмотреть их игру накануне, чтобы иметь хоть какое-то представление о сопернике. Что мы об англичанах знали? Знали, что сильные очень и дома у себя всех обыгрывают. Задали мне в Кремле вопрос: „Ну, хоть стараться-то вы будете?“ Ну в этом уж сомнений у меня не было. Впрочем, как и в том, что играть мы умеем в футбол неплохо», — вспоминал Михаил Якушин в своей книге «Вечная тайна футбола».

Московское «Динамо» ни в чем не уступило, а даже превзошло хозяев поля. Первая встреча с «Челси» завершилась вничью — 3:3. «Кардифф Сити» был разгромлен с двузначным счетом — 10:1. Сложнейший матч у «Арсенала», а фактически — у сборной Англии был выигран 4:3. Динамовцы досрочно одержали победу в турне. И наконец, единственная встреча в Шотландии с клубом «Глазго Рейнджерс» не выявила победителя — 2:2. Ладно, «Кардифф Сити» был откровенно слаб, зато остальные соперники — очень непросты. Динамовцы не растерялись, оказавшись в непривычных, даже некомфортных для себя условиях: судейская необъективность, густой туман, близко расположенные к полю трибуны. В стране, пострадавшей в ходе войны несравненно больше, чем Англия, оказывается, умеют играть в футбол, и не хуже, чем на берегах Темзы. В далекой России есть футболисты, способные украсить собой любой английский или шотландский клуб.

Поездка в Англию и Шотландию, знакомство с футбольным хозяйством Туманного Альбиона помогли развитию отечественного футбола. Об этом не говорилось громко, ибо за «перенимание буржуазного опыта» можно было и пострадать. Но именно после этой поездки на майках футболистов появились номера, а на стадионах — освещение. После каждого матча стал составляться протокол, куда вносились все события встречи. Наконец, успешное турне динамовцев показало, что СССР созрел для вступления в ФИФА. Советский футбол открывал для себя окно в мир.

«Выяснилось, что мы умеем хорошо играть в национальную игру британцев — футбол. И это их восхитило больше всего. „Ученики, приехавшие в Англию учиться, повышать класс футбола, более подходят на роль учителей“. Не будем преувеличивать значение этих слов, высказанных в то время в одной из английских газет. Но факт остается фактом: британцы смотрели на нашу игру, раскрыв от удивления глаза.

Помню, как только мы приехали в Лондон, нас пригласил к себе генеральный секретарь Английской ассоциации футбола Стэнли Роуз, будущий президент ФИФА. Он был очень любезен. В ходе беседы стали вместе с судьей Николаем Латышевым уточнять некоторые тонкости правил игры, с тем чтобы на поле не возникли разногласия. Роуз принялся сам показывать различные приемы и объяснять, как должен реагировать на них арбитр. В этот момент я про себя подумал: „По-видимому, он считает, что мы о футболе имеем смутное представление“».

В союзном чемпионате противостояние «Динамо» и ЦДКА продолжалось с переменным успехом. В 46-м — убедительная победа армейцев: четыре очка преимущества над вторым призером. 1947 год — при равенстве очков судьбу золотых медалей решает коэффициент соотношения забитых и пропущенных мячей. У ЦДКА он лучше на 0,01. 1948 год — за четыре минуты до конца последнего матча первенства динамовцы уже чувствуют себя чемпионами, счет 2:2 их вполне устраивает, но в этот момент Всеволод Бобров забивает третий мяч в ворота «Динамо»… 1949 год — московское «Динамо» на шесть очков опередило ЦДКА, в пятый раз в своей истории став чемпионом и установив рекорд результативности первенств, который не побит до сих пор, — 104 мяча.

Триумфальная семилетка. Яшин

А в 50-м Михаил Якушин ушел с поста главного тренера «Динамо».

Почему? «В силу разных причин. Один крупный руководитель в генеральском чине, сидевший в президиуме собрания, на котором нашу команду чествовали после победы в первенстве СССР, прослушав множество разных восторженных речей, отозвал потом меня в сторону и строго, но с какой-то грустинкой в голосе сказал: „Слушай, Якушин (он всегда обращался ко мне на ‘ты’), вот тут говорят и еще будут говорить, что московское ‘Динамо’ достигло своих успехов благодаря твоему мудрому и чуткому руководству. Не верь!“ И ушел.

Не верить тому, что сказано, или не верить тем, кто это говорит?

Я в общем-то никогда не был склонен к зазнайству, каких бы успехов ни добивался. И к похвалам относился критически — всегда смотрел, кто и за что меня хвалит, и делал, конечно, соответствующие выводы. Никогда я не выражал бурной радости по поводу победы, не показывал и переживаний при неудачах. Некоторые люди меня поэтому считали сухим и необщительным. Но они ошибались. Просто я таил всё в себе, считая, что не к лицу мужчине выплескивать наружу свои эмоции. Сделал хорошо дело — и ладно. Проиграл — веди себя достойно, учти свои ошибки, чтобы в следующий раз победить.

Вот уж точно подмечено, что беда не приходит одна. В начале 1950 года умер мой отец. С южных сборов я срочно выехал в Москву на похороны, отсутствовал дня четыре, а когда вернулся, то заметил, что команда чуть подраспустилась. К тренировкам кое-кто из футболистов стал относиться небрежно, а то и просто недобросовестно. Большинство ведущих игроков чемпионского состава были уже, что называется, в возрасте — под 30 лет и старше, и прежние физические нагрузки переносить им становилось тяжело. Я повысил требования, а они обиделись».

На старте чемпионата первый матч выиграли, затем — две ничьи и три поражения подряд. Заметив, что команда плохо двигается, Якушин решил увеличить нагрузки в тренировках, что вызвало общее неудовольствие. «Чувствую, расходимся мы с командой, а руководство клуба после бесед с рядом игроков стоит вовсе не на моей стороне. Как тут было не вспомнить: „Не верь!“ Дальше — больше. Едем на игру в Харьков. Я обнаруживаю, что некоторые футболисты, не спросясь, в поездку взяли своих жен, словно на экскурсию отправились. Это переполнило чашу моего терпения. Я понял, что дальнейшая совместная работа не может удовлетворить ни меня, ни футболистов, и подал в отставку. Кто тут прав, кто виноват?.. И обстоятельства так сложились, и у меня, может быть, педагогических навыков не хватило, и игроки, конечно, во многом неправильно себя вели.

Затягивать конфликтную ситуацию в ходе чемпионата было нельзя. Если контакт с футболистами у тренера потерян, он должен уйти».

Михаил Иосифович недолгое время работал в Центральном совете общества, а через два месяца принял приглашение тбилисского «Динамо». В 1952 году, после того как сборная СССР была подвергнута несправедливому разносу за проигрыш югославам на Олимпиаде, Якушин заменит своего оппонента Бориса Аркадьева на посту наставника главной команды страны.

В 1953 году Михаил Иосифович вернулся в московское «Динамо». Причем вернулся надолго — на семь лет. И эта семилетка оказалась не менее удачным периодом в тренерской карьере Якушина, чем послевоенный отрезок. А может, и более успешным. В противостоянии со столичным «Спартаком» динамовцы четыре раза выигрывали чемпионат страны и один раз взяли Кубок СССР.

«За те семь сезонов, что я проработал тогда старшим тренером динамовцев Москвы, команда четырежды становилась чемпионом, дважды серебряным призером, один раз бронзовым.

И „Динамо“, и „Спартак“ имели тогда хороший подбор игроков. Но особенно заметно они превосходили соперников в функциональной подготовке, что позволяло этим двум клубам иметь и устойчивое преимущество в техническом исполнении. В футболе всё взаимосвязано. Простой пример. Если, скажем, один из двух равных по классу игроков физически готов лучше, то это позволяет ему более уверенно работать с мячом, а раз так, то и тактические его возможности будут выше. То же самое можно сказать и о командах.

Среди спартаковцев в ту пору было немало популярных игроков. Имена Симоняна, Татушина, Исаева, Сальникова, который в 1955 году вернулся в „Спартак“ из „Динамо“, Ильина, Нетто, Парамонова, Маслёнкина, Огонькова, Тищенко не сходили со страниц газет. Ничего не скажешь, сто́ящие футболисты!

У московских динамовцев реклама была скромнее, но игроки у нас тоже подобрались хорошие, а главное, что очень хороший ансамбль из них сложился. По боевому духу, по содержанию игры (я имею в виду прежде всего коллективные действия) мы наших соперников, думаю, превосходили. Лучшим у спартаковцев в этот период был сезон 1956 года, когда они играли на хорошей скорости, комбинационно, результативно. Не случайно тогда многие из них в составе сборной СССР стали олимпийскими чемпионами. А у „Динамо“ я бы выделил сезон 1957 года, когда нам удалось показать удивительно цельную и гармоничную игру, что

и позволило команде преуспеть как в атаке, так и в обороне.

На протяжении всех этих семи лет состав „Динамо“, разумеется, периодически обновлялся, но акцент игры на коллективный футбол оставался неизменным».

Пожалуй, главной заслугой Якушина во второй динамовский период стало открытие для нашего, да что там нашего — мирового футбола великого вратаря Льва Яшина. Лев Иванович был воспитанником динамовского клуба, с конца сороковых входил в состав, но игроком основы не был. Яшин получал шансы, но воспользоваться ими не мог. К тому же в команде были прочны позиции сначала Алексея Хомича, затем Вальтера Саная. А Лев играл преимущественно за дублирующий состав.

Ситуация изменилась при Якушине, который поверил во вратаря, когда тому шел уже двадцать пятый год. «Из-за высокого роста (186 см) Яшин был несколько тягуч. И спринтерским стартом не обладал. Но с лихвой компенсировал он всё это умением выбрать позицию. Хорошо читая игру, Яшин чувствовал, где в скором времени может возникнуть самая горячая точка игры, и поспешал туда заранее, чем облегчал себе дальнейшие действия. Такие маневры позволяли ему зачастую предотвращать атаки соперников. Если бы он не выходил из ворот и не вмешивался в события, чуть позже ситуация могла быть уже критической.

В то время, когда мы начали с ним работать, Яшин порой еще был нерасчетлив в действиях. Сорвется, бывало, с места, убежит за линию штрафной, а мяч не достанет. Глядишь, соперник нам гол в пустые ворота и закатит. На трибунах свист и смех. А Яшин еще и артист в молодости был. Выбегает из ворот на высокую подачу, руками уже играть нельзя, так он свою кепку неизменную на ходу снимет, головой отобьет мяч и снова кепку наденет. Зрители веселились от души».

Якушин не стал «ломать» Яшина под себя; напротив, дал вратарю возможность играть так, как тот считает нужным. Лев Иванович получил полное доверие тренера, которого ему не хватало ранее. В результате вчерашний вечный дублер стал сильнейшим голкипером в истории футбола. Михаил Иосифович называл Яшина вратарем своей мечты.

Семь лет Якушин проработал во второй свой приход в московское «Динамо» старшим тренером, а по окончании сезона 1960 года расстался с командой. Опять-таки по своей инициативе. «Вновь начал контакт с футболистами терять. Что ни требую, в ответ ворчание. Да и нервно я истощился, честно признаюсь. Ведь все время руководители только первого места требовали. „А если второе?“— спрашивал у них. „Второго быть не должно“, — отвечали. А до моих трудностей никому дела не было. Игроков

в команде хороших, правда, было немало, молодые способные уже подросли — Численко, Короленков, Аничкин… Но дисциплина в команде начала резко падать, настало время жесткие меры принимать. Прикинул я всё и подумал: а ведь если останусь, дров могу наломать, лучше уйти. И подал в отставку. Пятьдесят лет как раз мне исполнилось, отпраздновали мой юбилей, вазу команда на память подарила. И распрощался я с московским „Динамо“ как тренер уже навсегда».

Тбилиси и Ташкент

Весной 1962 года Михаила Иосифовича во второй раз пригласили возглавить тбилисское «Динамо». На старте чемпионата страны команда потерпела ряд неудач, и руководители Спорткомитета Грузии обратились к тренеру, что называется, в пожарном порядке. Якушин трудился тогда в Федерации футбола СССР, занимался в основном административной деятельностью и поэтому на предложение откликнулся с охотой.

В то время в футболе уже дули ветры перемен. Кончилась эра безраздельного господства в чемпионатах страны прежней элиты: московского «Динамо», ЦДКА, «Спартака».

Михаил Иосифович по сути создал новое тбилисское «Динамо». Выдающийся тренер в очередной раз совершил очень важные для нашего футбола открытия. Так, девятнадцатилетний левый защитник Муртаз Хурцилава с легкой руки наставника стал оплотом центра обороны не только тбилисцев, но и сборной СССР.

«Не скрою, я относился к Хурцилаве с особой симпатией. Он сумел вырасти в футболиста высокого класса. Вроде бы и времени много прошло, и футбол изменился, но и среди нынешних центральных защитников не вижу, кто бы мог сравниться с ним в мастерстве. Прыгучий, выносливый, быстрый Муртаз срывался с места в мгновение ока. Соперник только собирался делать передачу, а Хурцилава был уже готов стартовать в том направлении, куда должен был полететь мяч, — так тонко он чувствовал игру. И в клубе, и в сборной я ему всегда давал задание персонально опекать самого сильного игрока противника, когда тот появится в зоне его действий. В матче 1967 года со сборной Шотландии Хурцилава не дал вообще ничего сделать знаменитому Деннису Лоу, обладателю титула лучшего футболиста Европы, который незадолго до этого блеснул великолепной игрой на „Уэмбли“ против англичан. В Глазго Хурцилава, действуя на перехватах или атакуя Лоу в момент приема им мяча, ведя

смелые и жесткие единоборства, начисто переиграл его. На второй тайм Лоу уже не вышел. Очень грамотно Хурцилава включался в атаку. Когда команда, в которой он играл, овладевала мячом, соперники оставались еще на чужой половине поля, а Хурцилава был уже там, у их штрафной площади, и наносил удар по воротам. Трех — пяти секунд хватало ему, чтобы начать и завершить свой атакующий выпад».

Перевод Хурцилавы в центр обороны — не единственное нововведение Якушина. Нападающий Шота Яманидзе также отправился в центр обороны. Больше свободы действий получил на левом фланге атаки Михаил Месхи. Ансамбль сложился с приходом из «Торпедо» Славы Метревели в 1963 году. Тот чемпионат динамовцы завершили на пятом месте. А в 1964-м тбилисцы впервые стали чемпионами СССР. Правда, поздравления принимал не Якушин, а Гавриил Дмитриевич Качалин, сменивший Михаила Иосифовича в начале сезона. К расставанию привели разногласия тренера со спортивными властями Грузии. Повод был пустяковый — место проведения товарищеских матчей. Но Якушин проявил принципиальность и твердость. Даже ценой отставки.

Третий тбилисский период Якушина был кратковременным — 1974–1975 годы. И на первый взгляд не слишком удачным. Но Михаил Иосифович успел провести смену поколений, подтянуть в команду молодых футболистов. Именно он заложил фундамент той команды, с которой Нодар Ахалкаци выиграет и чемпионат СССР в 1978-м, и Кубок кубков в 1981-м. Хорошую память оставил о себе Михаил Якушин и в Ташкенте. Дважды в карьере ему доводилось руководить местной командой «Пахтакор». В 1965 году он помог ташкентцам обосноваться в классе «А» и занять там видное место. В 1966 году клуб из города, разрушенного землетрясением, какое-то время лидировал в первенстве страны и шел без поражений. В Ташкенте Якушина боготворили и не хотели отпускать в сборную СССР. Но тренировать главную команду своей страны — высшая честь для тренера, считал Михаил Иосифович. Как же можно было отказаться?

Сборная СССР

Сборная СССР образца 1967–1968 годов была одной из сильнейших в истории отечественного футбола. Отборочный турнир к чемпионату Европы-1968, в котором нашими соперниками были сборные Греции, Австрии и Финляндии, советские футболисты выиграли с блеском — пять

побед в шести встречах. Всего сборная провела в 1967 году 17 встреч. В двенадцати из них были одержаны победы, в трех зафиксированы ничьи, две проиграны. По результатам сезона футбольный еженедельник «Франс футбол» присудил нашей команде первое место в Европе. Игорь Численко стал лучшим бомбардиром на континенте среди игроков национальных сборных с десятью мячами.

«Подвел коротко итог своей работы и я. Смело можно было сказать, что мы имели тогда сильную сборную, не без недостатков, конечно, но вполне способную бороться за высшие места в любых турнирах. Во всех линиях команды были лидеры, в составе преобладали игроки хорошего и высокого класса, хотя проблема крайних защитников всё еще оставалась. Общий принцип игры — надежность в обороне и острота действий в атаке — подкреплялся девизом: „Брать соперника и качеством и количеством“. Одному — двум даже выдающимся форвардам, скажем, не переиграть пятерых соперников, поэтому на помощь партнерам незамедлительно должны приходить (как в атаке, так и в обороне) остальные игроки, создавая численный перевес или в крайнем случае равенство».

Непросто складывался четвертьфинал с очень сильными в ту пору венграми. Первый матч, проходивший в Будапеште, завершился победой хозяев 2:0. В ответной игре дома нужна была победа с преимуществом не менее чем в три мяча. «Задача из категории самых трудных: никогда ранее с таким преимуществом сборная СССР у этого соперника не выигрывала. А был соперник именит и титулован по „высшему разряду“ — двукратный олимпийский чемпион, дважды вице-чемпион мира.

Тот день — день повторного матча сборных СССР и Венгрии — остался в памяти у всех любителей футбола как одна из самых ярких страниц.

К перерыву удалось „отыграть“ (ведь зачет-то общий: по сумме двух матчей) один мяч. Надо было забивать еще два. Второй тайм советские спортсмены играли с таким вдохновением, с такой страстью и в таком буквально вихревом темпе, что славившиеся нападением венгры сначала „попятились“, а затем и вовсе ушли в глухую оборону.

Удача сопутствовала тем, кто искал ее у ворот соперников. Тбилисец Муртаз Хурцилава, капитан сборной, забил второй гол, а спустя 14 минут киевлянин Анатолий Бышовец после блестящей передачи москвича Геннадия Еврюжихина — третий.

До финального свистка оставалось еще немало, и… вперед бросились гости, понимая, что выручит их даже один забитый ими гол. Отменно владея техникой, они организовали длительную осаду ворот хозяев поля.

Но защита наша — Альберт Шестернёв, Валерий Воронин и другие им под стать — в тот вечер была крепка. И хотя большие трудности выпали и на долю голкипера, распечатать свои ворота сборная СССР соперникам никак не давала. Пять минут до завершения матча. Четыре… Три..

Когда стрелке секундомера оставалось лишь дважды обежать циферблат, Юрий Пшеничников в отчаянном броске отбил мяч из самого уязвимого — верхнего — угла ворот. Отсчет времени шел уже на секунды.

Стадион — все сто тысяч, до отказа заполнившие трибуны, — почувствовал, что на большее у соперников не хватит ни сил, ни времени. И хотя финальный свисток еще не прозвучал, весь стадион встал в волной прокатившемся по овалу трибун порыве и в такт последним мгновениям великолепного матча горячо аплодировал всем действующим лицам — и побежденным (за красивую игру), и победителям — за огромную волю к победе, подкрепленную великолепным мастерством.

Когда судья поднял руки, подтверждая этим жестом момент окончания игры, аплодисменты переросли в овацию… Сборная СССР вышла в полуфинал первенства Европы».

Так писал об этой встрече выдающийся футбольный обозреватель и статистик Константин Сергеевич Есенин.

Финальная часть с участием четырех команд проходила в Италии. В первом полуфинале наша сборная играла с хозяевами турнира, во втором сошлись югославы и англичане.

120 минут тяжелейшего матча в Неаполе не принесли успеха ни одному из соперников. И итальянцы, и советские футболисты были достойны победы, но путевка в финал всего одна. Послематчевые пенальти в 1968 году еще не практиковались, и, согласно регламенту, пришлось выявлять победителя с помощью жребия.

«Эта церемония происходила следующим образом, — вспоминал Якушин. — В судейскую комнату были приглашены капитаны обеих команд — Шестернёв и Факкети, три арбитра матча и представитель Европейского союза футбольных ассоциаций (УЕФА) испанец Руйола. Я всеми правдами и неправдами тоже пробрался в это помещение. Иностранные участники жеребьевки недоуменно посматривали на меня, но так и не догадавшись, кто я такой, приступили к официальной процедуре. Вначале определяли, какой монетой бросать жребий — итальянской или французской. Выбрали французскую. Дальше события стали развиваться, как в трагикомедии. Руйола спрашивает у Шестернёва, какую сторону монеты выберет он. Я за это время успел внимательно осмотреть монету и заметил, что одна ее сторона, называемая „фигурой“, чуть выпуклая.

Поскольку в детстве я увлекался игрой „орел или решка?“, то сообразил, что шансов на то, что монета упадет вверх выпуклой частью, значительно больше. Подсказываю Шестернёву: „Выбирай ‘фигуру’!“ Он стоит отрешенный. Я ему: „Фигуру!“ Сцена напоминает мне эпизод из кинофильма „Музыкальная история“, когда главный ее герой, которого играл Сергей Лемешев, вышел впервые на сцену и, напугавшись зрителей, забыл слова оперной арии. Ему партнеры, зрители из зала, из-за кулис подсказывают, а он находится в состоянии прострации и ничего не слышит. Похожее произошло и с Шестернёвым. Я ему вновь говорю: „Фигура!“ Он никак не реагирует. Руйоле надоело ждать, и он обратился к Факкети — выбирай, мол, ты. Итальянец сразу смекнул, в чем дело, и произнес: „Фигура!“ Руйола подбросил монету, она упала на пол, и раздался торжествующий крик Факкети: „Фигура!“ Итальянцы вышли в финал чемпионата Европы, а нам предстоял матч, увы, лишь за третье место с англичанами, которые проиграли в другом полуфинале югославам — 0:1.

Не знаю уж, какой в этот момент у меня пульс был, но, думаю, очень далекий от нормального. Отошел я в сторону, присел где пришлось и долго еще не мог прийти в себя. Выбери Шестернёв „фигуру“, и серебряные медали у нас в кармане, а там, глядишь, и на золотые замахнуться можно — с югославами в то время мы все-таки удачно играли.

Тогдашний президент Федерации футбола Италии Артемио Франки заметил после того, как жребий вывел его соотечественников в финал: „Сборная Италии заслужила победу, но сборная СССР не заслужила поражения“.

Матч за третье место с англичанами, в составе которых выступало восемь чемпионов мира — Бенкс, Мур, Уилсон, Стайлз, Б. Чарльтон, Питере, Хант и Херст, — мы проиграли — 0:2».

Якушин еще немножко поработал со сборной страны, провел два товарищеских матча и передал команду Гавриилу Качалину. А сам отправился в «Пахтакор», где его приняли с радостью. Без Якушина ташкентцы сдали и балансировали на грани вылета из класса «А». Новый старый тренер сумел если не поднять команду, то приостановить падение. В оба якушинских сезона «Пахтакор» занимал места во второй половине таблицы, но борьбы за выживание не вел. Однако стоило по окончании сезона-70 Михаилу Иосифовичу вернуться в Москву, как в следующем году «Пахтакор» расстался с высшей лигой.

Пятое колесо

Московскому «Локомотиву» довелось стать предпоследним клубом в тренерской карьере Михаила Якушина. «Локомотив» был специфической командой, иногда его называли пятым колесом в телеге московского футбола. «Железнодорожники» лифтом курсировали из высшей лиги в первую и обратно. Сильные футболисты в команде не задерживались, зато в «Локомотив» нередко уходили доигрывать. Министр путей сообщения Борис Бещев готов был на всё, чтобы сделать ведомственную команду сильной; с этой целью и был приглашен Якушин.

Но романа с «Локомотивом» не сложилось. «Стартовали мы в чемпионате не очень удачно. После восьми матчей „Локомотив“ набрал восемь очков. И тут (было это в мае) приглашает меня к себе один из руководителей клуба и говорит: „У меня есть указание расторгнуть с вами договор“. — „Почему?“ — удивляюсь я. Он в ответ: „Есть указание!“ От кого, почему — не говорит. Я заявляю, что по собственному желанию уходить не собираюсь. И тогда он мне выкладывает: „В таком случае мы вас уволим“.

Приглашают меня на местком. Там разыгрывается прямо-таки опереточная сценка. Я спрашиваю: на каком основании меня собираются увольнять, какие ко мне претензии? Но про это вообще никто ничего не говорит. Старушка бухгалтер заявляет: „У команды мало очков, поэтому я за то, чтобы уволить!“ Я задаю вопрос членам месткома: „У вас что, тарифы существуют — с десятью очками оставляете в команде, а с восемью увольняете?“ Самое обидное, что в составе месткома бывшие спортсмены были. Я подаю заявление в суд о незаконном моем увольнении.

Дело слушалось в народном суде Сокольнического района города Москвы. Потешное было заседание. Впрочем, это сейчас я так говорю, а тогда пришлось изрядно понервничать. В качестве свидетелей ответчика выступало несколько футболистов „Локомотива“. Давая показания, они отводили от меня глаза и говорили, словно с чужого голоса, что я был к ним нетребовательным, увлекался занятиями по технике, а их, как они считали, „гонять“ надо больше… Комсорг команды так и сказал: „Мягкость Якушина расхолаживала нас. С нами так нельзя. Нам нужна палка…“ Судья подчеркнуто любезно и даже ласково обращалась к представителям „Локомотива“, а когда я пытался вносить уточнения, задать вопросы, резко меня обрывала.

Тем не менее решение суда было таким: уволить меня по причине недостаточной квалификации. Более оскорбительный вердикт трудно себе представить. Я тут же обжаловал его в Московском городском суде. Там на слушании прокурор резко отчитала представителей „Локомотива“ за

незаконные действия, и дело было передано на повторное разбирательство в новом составе суда.

Судья, которая должна была вторично рассматривать мой иск, пригласила меня на предварительное собеседование и прямо сказала: „Уволить вас я не могу, но войдите в мое положение — мне скоро уходить на пенсию, а обстановка вокруг вашего дела настолько накалилась, что у меня, если я восстановлю вас на работе, могут возникнуть неприятности. Вы же все равно не станете там трудиться. Может быть, все-таки уйдете по собственному желанию, а вам за время вынужденного прогула по взаимному согласию выплатят компенсацию?“ Жаль мне стало пожилую женщину, она действительно была ни при чем, а у нее и в самом деле могли быть неприятности. В то время руководители Московской железной дороги, с чьего благословения меня и увольняли, имели большой вес в Сокольническом районе. Согласился я с предложением судьи, компенсацию за три месяца получил, да и морально чувствовал себя победителем».

В середине семидесятых Михаил Иосифович вышел на пенсию, но с футболом не расстался. Он активно занимался общественной работой в федерации, выступал в роли эксперта в прессе, писал книги. И ходил на матчи, пока хватало сил. Незадолго до своей кончины, в феврале 1997 года, Михаил Иосифович следил за матчами Кубка Содружества. Было ему 86 лет.

Вот что говорил о Якушине Николай Петрович Старостин, с которым Михаила Иосифовича связывали не только многолетнее соперничество, но и приятельские отношения. Поэтому взгляд со спартаковской колокольни будет весьма уместен:

«Высоченный и ростом, и своими успехами как игрок и как тренер. Всегда иронический, часто насмешливый. На вопрос отвечающий вопросом. Что думает — не угадаешь. На откровенность не любитель. Прагматик до мозга костей. Дело тренерское знает, но методических статей не пишет. То ли не желает делиться опытом, то ли в тонкости методики не верит.

Футбол признает трезвый и суровый. Игрок ему нравится высокий, сильный, волевой и быстрый. Игру предпочитает по замыслу ясную: передачи вперед, отбор в момент приема мяча. Атаку — жесткую. Дисциплину — железную. Обязанности у него в команде строго расписаны. Оборона укреплена. Механизм и структура — как у часов-ходиков. Ничего лишнего, и всё прочно.

„Не подпускай близко. Заранее отдай“ — первая его заповедь. Вторая — „подскажи“. Сам это делает оригинально. „Мы сегодня в красном — не

каждый мяч отдавать белым“, — говорит в перерыве игроку, грешившему с пасом.

Самое красивое в игре счет — вот девиз Якушина.

Команды его всегда стабильны. Игроки, не вызывая эстетических восторгов, действуют логично и досады у зрителей не будят…»

Над техничкой поработай!

Одному из нас посчастливилось послушать и записать непринужденные, теплые воспоминания о Якушине компании динамовских ветеранов. По сию пору приятно вспомнить о том разговоре, проходившем конечно же на старом добром стадионе «Динамо» в Петровском парке.

«На встречу я опоздал. И сразу оказался внутри динамовского квадрата. Естественно, без мяча, то есть без первого журналистского вопроса, обозначаемого по традиции в конце материала — беседу вел такой-то…

Какое там вел! Эдуард Николаевич Мудрик, Владимир Петрович Кесарев, Валерий Иванович Короленков и солидно молчавший Валерий Борисович Зыков вмиг заставили меня не только вращать глазами, но и крутить головой в безнадежных попытках прервать передачу, точненько адресуемую партнеру.

Передачи, то есть упреки, заслуженных мастеров выглядели следующим образом.

Мудрик, сидящий слева, во главе стола:

— Что же ты опаздываешь? А? Вот Якушин никогда не опаздывал. И другим не позволял. Помнишь, Петрович?

Короленков, сидящий прямо напротив:

— Как ему не помнить? Петрович, расскажи, как ты на игру на трехтонке подъезжал. В автобус не садился, думал, что у тебя часы точнее якушинских. Автобус без него и уехал!

Кесарев, сидящий от меня наискосок:

— Да… А бакинцы? Ну, мы их так называли — бакинцы, Алика Мамедова и Борю Кузнецова, они же из Баку к нам пришли, такие поначалу вальяжные, неторопливые… Э-э, слушай, куда там спэшить, успеем, нэ уедут без нас, да?.. Тоже пару раз на электричке догоняли.

Мудрик:

— Да что далеко ходить? Вчера, на своем юбилее как Якушин сказал? Время — два часа, все собрались, расселись. А Коли Толстых и Воробьева все нет. Как быть, спрашиваем, Михаил Иосифович?

А Якушин: „Так ведь время! Начинай!“

Зыков, сидящий справа, молчал. Типа — нехорошо, брат, сам видишь, как нехорошо, так нехорошо, что и сказать тебе, непутевому, нечего…

Белый дом

— Эдуард Николаевич, по телефону вы сказали мне, что знаете Якушина с пяти лет…

— Если точнее, с 1945 года. Мы тогда жили в Мытищах, поселок Строитель был такой, по соседству с динамовским стрельбищем. Жили в двухэтажном беленьком домике. Его так и называли все — Белый дом. А рядом, метрах в семидесяти, стоял деревянный дом, где и жили тогда футболисты „Динамо“. Ну, вроде базы это было. Они собирались там перед игрой или на сбор, поле-то тут же было.

Кесарев: Поле было отличное!

Мудрик: Да, поле было хорошее. Траву для него Якушин из Англии привез. Он всегда говорил, что привез из Англии номера на футболки, раньше-то у нас без номеров играли, но вот и траву тоже.

Так вот… Время-то какое было… голодное, послевоенное, безотцовщина, шпана. А погреб, где для спортсменов питание хранилось, без замка стоял. Чего в нем только не было! А ведь никто из ребятишек, голодных-преголодных, и не подумал залезть, стянуть что-нибудь.

Кесарев: А еще там бык был. Племенной. Как же звали его?

Короленков: Борька!

Кесарев: Точно, Борька! Бывало, к нему телок водили для этого самого… для улучшения породы. А футболисты из окон увидят и давай кричать: „Борька, к тебе телку ведут! Борька, не подкачай!“

Мудрик: Да погодите вы! Якушин мне с детства каким запомнился? Высокий, строгий такой, нос горбатый. Нависнет так над тобой — страшновато. Но строгость его, как бы сказать, немного показная была. Идет после тренировки, завидит нас и скажет: „А ну становись взапуски! Первому — шоколадка, второму — булка, третьему — конфета!“ Вот так, не обижая нашего человеческого достоинства, он нас и угощал. Всех. А мы-то сопливые мальчишки…

Еще к ним на базу часто кино привозили…

Кесарев: Фильмы по репарациям: „Тарзан“, „Знак Зорро“, „Девушка моей мечты“.

Мудрик: Мы соберемся у крыльца толпой, просимся. А Якушин хмуро так на нас посмотрит, помолчит…

Короленков: Да, Якушин умеет паузу выдержать!

Мудрик: Мы уже дрожим: сейчас прогонит! А он: „Ну, живо под столы!“ И мы летим в комнату, на пол, под столы, стулья. Радость,

представляешь, какая! А как Синявского слушали! Все наши двенадцать комнаток в одной в кучу собирались — радио-то одно! А тут — вот они — герои Англии, рядом. А что главный герой Якушин, это всем ясно было. Все его так и звали промеж себя — „Хитрый Михей“.

Кесарев: А поле там отличное было. Немцы делали. Да.

Веточку достань!

Кесарев: Но я что сказать хочу? Может, это пригодится для статьи? Я не помню случая (а я знаю Якушина с 1951 года), чтобы он не вышел с командой на тренировку. В любую погоду: дождь там, снег, грязь — все равно. И чтобы он когда-нибудь болел. На жеребьевку со сборов сам никогда не уедет, всегда — начальник команды. Все сборы — от начала до конца он проводит, понимаешь?! И расписано всё на 30–40 дней вперед. Вывешено на стенды. В Леселидзе там или в Гаграх — всё одно. А тренировались как? В день ведь по три раза мылись!

Короленков: „Хитрый Михей“ — это очень про него. Вот когда он в Ташкенте работал, так знаешь, во сколько игру назначал? В три часа. Самое пекло. А еще автобус для гостей подгонит к гостинице, ну, чтобы на игру ехать. А автобус этот вымыт изнутри только что. Представляешь, да? Испарение-то какое! Мелочь? Совсем не мелочь. Пока до стадиона доедешь, уже пропотел, сердечко застучало чаще обычного…

Кесарев: А поле поливать заставлял. За два часа перед матчем.

Мудрик: А когда Михей в Тбилиси работал?!

Кесарев: Команда гостей у вокзала останавливалась. А там как раз трамвайные пути, стрелки разные. Так, говорили, он в эти дни запрещал рельсы маслом смазывать. Ты спишь в гостинице, а рядом трамваи грохочут. Без масла! Масленки-то все у Якушина, понимаешь?

Мудрик: А на тренировках? Разве спрячешься от него? Утаишь чего? Да ни в жизнь! Мы бежим по кругу, а он смотрит. Внимательно. И вроде принюхивается, когда ты мимо него бежишь. И сейчас же:

— Дим, а ты что, вчера котлеты с чесноком ел?

Шаповалов остановится, удивится:

— Да нет, ничего подобного, Михаил Иосифович!

А Якушину большего и не надо, перегарчик-то пошел!

— Давай, Дим, отойдем в сторону, потренируемся.

И начнет! То длинный пас, то короткий, то длинный пас, то короткий!

А потом еще скажет:

— Ты бы, Дим, пошел, свитерок шерстяной надел бы. А то всё же холодновато…

И опять — то длинный, то короткий. А если Шаповалов неточно мяч отдаст, то Якушин и скажет:

— Дим, что-то я не понимаю, кто кого тренирует? Ты же у нас вроде техничный футболист, а?

Короленков: Точно! Якушин по этому поводу никаких собраний не проводил. Всегда сам разбирался. „Ты проиграешь не десять лет, а пять, но свой уровень у меня покажешь!“ — вот как он говорил.

Мудрик: А еще любил повторять: „Ты мне документ покажи, что имеешь право в основном составе играть. Документик покажи“. В этом смысле у него все равные были, кто лучший, тот играет.

Мне запомнилось еще, что Якушин, как никакой другой тренер, обращал внимание на игру головой…

Кесарев: Точно. Бежим кросс, и вдруг команда: „Веточку головой достань!“ И достаешь веточку.

Мудрик: Выдумок у него хватало. Помните вешалки с теннисными мячами? То они выше — эти мячи. То пониже опустятся, а били по ним часами!

Кесарев: На лбу чуть не рога вырастали.

Мудрик: Я после такой тренировки домой еду. В электричке. А рядом бабушки сидят. Сумки свои на крючки повесили и сидят. Одна кошелка аккурат надо мной болтается. И рвется вдруг! А там банка с баклажанной икрой. Об мой лоб, об пол и вдребезги! А бабушки поохали-поохали, но видят, я спокойно сижу, и говорят мне: „Ну, ничего, сыночек, хорошо хоть по голове не попало!“ А я про себя думаю: „Да что там мне эта ваша банка после якушинских тренировок!“

Короленков: А установки на матч у него всегда предельно точные были. Как ни у кого другого. А есть с кем сравнить, уж поверь! Никаких там „за нами Москва, отступать некуда!“. Или — „деньги висят на штанге. Идите и возьмите!“. Ничего подобного у Якушина не было.

Мудрик: Его установки — это такая своеобразная мозаика. Никаких общих слов, никакого общего замысла, плана на матч я ни разу не слышал. Строго по человеку. Как кому и против кого играть. Детально так, четко. А стратегию — этим он не делился, при себе держал. Сам об этом сказал замечательно: „Я вас обманывал, но… в вашу пользу!“ Лучше не скажешь.

Кесарев: Я такую историю помню, может, ее и не надо в газету… Пошли мы раз на почту конвертов купить. Это в Леселидзе было, на сборе. А там — как входишь, две двери. Одна на почту, другая в ресторан. Идем,

смотрим, велосипед якушинский стоит. Поднимаемся и с Якушиным сталкиваемся.

— А-а, конверты купить, хорошо, очень хорошо. Правильно сделали. Вы вот что! Поглядите-ка за велосипедом, а то ребятишки разные крутятся, мало ли… А я тоже… сейчас, газетку куплю. Хорошо?

Ну, мы стоим у велосипеда, кумекаем. Хитрый Михей…

Короленков: А какой ресторан был на „Динамо“, на Южной! „Яр“ закрыли, вся обслуга сюда перебралась. Люстры в полметра, посуда, приборы серебряные!.. Э-эх! Кухня! Команда питалась там. И в нем татарин работал, не припомню уж, как звали его. Вот Михей зайдет в ресторан, руку у стойки в карман опустит, вроде бы за деньгами полез, и как бы невзначай спросит: „А из команды кто-нибудь был у тебя?“ Татарин взгляда от руки, от кармана оторвать не может! И говорит торопливо: „Была, да, Численка была, Короленка была, Федосова была“. — „Короленков, Федосов и Численко, говоришь? И всё?“ Усмехнется Якушин и на выход, так ничего и не взяв.

Мудрик: А помните, курировал нас генерал Переверткин?

Кесарев: Не просто генерал, а генерал-лейтенант. Или майор.

Мудрик: Да-да, кажется, генерал-лейтенант. Берлин брал, и всё такое. И вот ему некоторые футболисты на Якушина пожаловались. Мол, не советуется ни с кем, а мы люди тоже опытные…

Собрание перед игрой. Якушин хитро так смотрит на нас и говорит:

— А вот я хочу посоветоваться с вами. Кого ставить впереди будем — Коршунова или Мамедова?

— Мамедова, — шумят игроки.

— Мамедова, да? — задумывается Якушин. — Федосов, а кто лучше головой играет — Мамедов или Коршунов?

— Головой? — удивляется Федосов. — Если головой, то лучше — Коршунов.

— Вот он и будет играть, — удовлетворенно заключает Якушин.

Он посоветовался.

Кесарев: А накануне игры адъютант приезжал. И каждому игроку в тумбочку конверт подкладывал. Запечатанный. И смотреть нельзя было, и обсуждать — кому сколько. Но это, наверное, тоже не для газеты…

— Почему, Владимир Петрович?

Короленков: Действительно, почему? Тем более если проигрывали, то никаких конвертов в тумбочке не оказывалось. Адъютант шустрый был.

Мудрик: Все говорят, все знают: Михей — строгий тренер. Но важно и другое отметить. Он требовал то, что нужно. Никакого чванства,

фанфаронства, нарочитого оскорбления ради оскорбления он себе не позволял. Все эти его подначки думать заставляли. Думать о себе. Удивляться, как же хорошо он нас знает. Я еще и сам этого про себя не знаю, а Якушин — знает.

Короленков: Бывало, выйдешь от него и думаешь: какое же я — г…но. Но он-то так не сказал. Не унизил. Хотя вроде было за что… И другой на его месте так бы и сделал. Но это — другой. Не Якушин.

Свой маневр

Кесарев: Да… Уж что-что, а при нем каждый динамовец знал свой маневр.

Мудрик: И ведь что поразительно: Якушин ни для кого поблажки не делал. Помню, в 57-м, в Леселидзе, на сборах, играем. Дождь, грязь, мяч, понятное дело, тяжеленный, неприятный такой. И летит в штрафную, прямо мне на голову. Я почему-то в центре поставлен был. Совсем еще молодой… И вот, чтобы не отбивать этот тяжелый мяч лбом, решаю аккуратно его назад, Яшину, подрезать. А Лев Иванович из ворот вышел… Гол! Ну, естественно, старшие товарищи обложили меня как следует.

На следующий день Якушин проводит разбор игры.

— Да-а, Мудрила, красивый гол ты в свои ворота забил… Лев, а ты кричал ему?

— Чего, Михаил Иосифович? — спрашивает Яшин.

— Я говорю, ты кричал ему, Лев? Кричал, что выходишь?

— Ну, я… это…

— Нет, ты скажи, кричал или не кричал?

— Не кричал, Михаил Иосифович, — признается Яшин.

— Так вот, оказывается, почему гол получился, — вздыхает Якушин.

Теперь, смотри, кто такой в 57-м году Яшин и кто такой никому не известный Мудрик.

Короленков: А с Чиненовым случай, в поезде?

Мудрик: Нам как раз костюмы шерстяные выдали, на спине надпись „Динамо“ Москва. Ну, едем куда-то, а Олег Чиненов (он к нам совсем недавно пришел) заспорил с проводницей. Басит что-то на полвагона, то ли она ему сахар не принесла, то ли кипятку недолила. Якушин из своего купе высовывается:

— Олег, Олег, иди-ка сюда. Иди, иди, иди.

— Что, Михаил Иосифович?

— Олег, тут у тебя на спине „Динамо“ Москва написано, понимаешь?

— Ну.

— Да не ну, а „Динамо“ Москва. Ты еще для этой команды ничего такого не сделал, а славу ее уже унизить норовишь. Что о нас думать будут? Что все „Динамо“ вот такое скандальное?

— Да я, Михаил Иосифович… Да она…

— Ты вот что, Олег! Ты иди к себе, отдышись, успокойся. И подумай, что там у тебя на спине написано, хорошо?

— Хорошо, Михаил Иосифович.

— Вот и ладно. А с проводницей мы договоримся, не беспокойся. Без чая тебя не оставят.

Короленков: А помните, как Малявкин центральную линию переступил? Якушин сказал ему: „Твоя задача центральную линию не преступать. Твоя задача — съесть игрока, не дать ему развернуться у наших ворот“. И раз, в матче такой эпизод! Малявкин свободен, бежит подключаться. Центр поля! Он ногу занес и — как вкопанный! И головой на скамейку ведет. Показывает, что, мол, вспомнил! И обратно ногу-то, обратно. И на поле, на линию смотрит. С паузой так. Якушин не велел, и я ни шагу. Тот еще артист был, Малявкин…

…Если вы заметили, мяч в этом динамовском квадрате приходил ко мне не так уж и часто, редко, прямо сказать. Я задал всего лишь два вопроса, но лишним себя не чувствовал. И, поверьте, не удивился бы, появись вдруг Якушин с его резонным для всех времен и народов: „Над техничкой, над техничкой поработай!“».

АНДРЕЙ СТАРОСТИН

Олег Иванович Романцев не мог без смеха вспоминать такой эпизод.

В бакинской гостинице, где «Спартак» жил на выезде, Николай Петрович Старостин застрял в лифте. Андрей Петрович подошел. Прислушался:

— Сидишь, брат?

— Сижу.

— Давно?

— Пятнадцать минут.

— Ничего, я двенадцать лет сидел.

Самое поразительное, что вечером, перед выездом на игру, в лифте застрял уже Андрей Петрович. И Николай Петрович, узнав об этом, тут же отправился утешить «узника».

«Старостин по-русски означает футболист», — писала бельгийская пресса после рабочей Олимпиады в Антверпене в 1937 году. В этой шутке была изрядная доля правды — сразу четыре игрока советской команды носили фамилию Старостин — Николай, Александр, Андрей и Петр.

Все четыре брата были замечательными футболистами и яркими личностями, оставившими глубокий след в нашем футболе. Но Андрей Петрович был среди них, пожалуй, самым остроумным.

Он был не только прекрасным игроком, блестящим публицистом и талантливым организатором. Андрей Петрович благодаря своей коммуникабельности и дружбе с писателями, актерами, людьми других творческих профессий сделал футбол одним из элементов нашей культуры, а не просто самым популярным видом спорта. Обаяние, умение располагать к себе помогали Андрею Старостину быть связующим звеном между самыми разными людьми. Будучи одним из основателей московского «Спартака», Андрей Петрович способствовал возрождению «народной команды». Творческий союз таких антиподов, как главный тренер Константин Бесков и начальник команды Николай Старостин, был возможен только при посредничестве младшего брата Николая Петровича.

Егеря

Андрей Петрович Старостин родился в Москве 24 октября 1906 года в семье потомственных егерей. Отец Петр Иванович и дядя Дмитрий Иванович — уроженцы Псковской губернии — перебрались поближе к Москве в конце XIX века и поселились в деревне Погост Ярославской губернии. Авторитет Старостиных был огромен, они считались лучшими специалистами по охоте на зверя и пернатую дичь, а также по подготовке и дрессуре охотничьих собак, в первую очередь легавых.

Семья Петра Ивановича и Александры Степановны была большой — подрастало шестеро детей. Четыре сына — Николай (1902 года рождения), Александр (1903), Андрей (1906), Петр (1909) и две дочери — Клавдия (1905) и Вера (1914). Со временем у Старостиных появилось жилье в Москве. Зимой семейство проводило время в городе, а на лето Старостины уезжали в деревню Погост, где проживали родители Александры Степановны. Кроме того, семья снимала в деревне Ватутино дом у художника Кардовского. Несложно догадаться, что семья Старостиных не бедствовала, но и к богатым тоже не относилась.

«Мы были не барчуки, но и не крестьянские дети. Так, что-то среднее между ними. Про нас так и говорили — егерские. Если погостовские или вашутинские ребята с ранних лет несли все тяготы деревенских работ, с зарей вставали косить, бороновать, а то и пахать наравне со взрослыми, по заведенному во всех деревенских семьях порядку, то мы это делали, когда захочется, больше из желания похвастаться — „я тоже сегодня косил“. В охотку бывало встать деду в спину и в удовольствие помахать косой или пошевелить граблями скошенную траву на приусадебном участке», — вспоминал Андрей Петрович в одной из своих книг — «Встречи на футбольной орбите».

Старостины росли спортивными ребятами. «Соревновательный дух, царивший среди старших, глубоко проник в наши ребячьи сердца. Я в конечном счете состязался всю сознательную жизнь, то есть столько, сколько себя помню. Всегда хотелось быть лучшим. Позже убедился, что не чрезмерное честолюбие двигало моими чувствами. Наверно, это естественное желание каждого мальчишки, но подогреваемое окружающими. Отец поощрял единоборство между братьями. Лежала у нас во дворе чугунная до рыжины проржавевшая гиря. Она потеряла свое значение в лавке бакалейных товаров, но для наших соревнований была пригодна. Гиря, весом около десяти фунтов, много лет служила нам и ядром для толкания, и молотом для метания, и штангой для выжимания.

Я легко побивал Петра на пари: кто дольше протерпит, не дыша. Противник раздувал щеки, голова начинала трястись, лицо становилось

багрово-красным, а мои легкие еще были полны кислорода. Миф о собственной непобедимости развеялся, как только я стал соревноваться в более высоком разряде, со старшим братом Александром. Меня с ним разделяли по возрасту те же три года, что и с Петром. Крепко сбитый, для своего возраста дюжий подросток, Саня расправлялся со мной гораздо легче, чем я с Петром. Именно это обстоятельство я переживал больше, чем сам факт поражения. Петр выжимал гирю десять раз, я — пятнадцать, а Саня — двадцать пять».

Старостины участвовали и в кулачных боях, но глава семьи отрицательно относился к этому занятию. Другое дело гимнастика, коньки, бег. Футболом, еще не набравшим в дореволюционной России популярности, первым «заболел» старший из братьев, Николай. В коммерческом училище, куда он поступил в 1913 году, ученики вовсю гоняли мяч. Игра очень понравилась Николаю, и скоро между братьями начались футбольные баталии.

Николай и Петр составляли команду «московских», причем младший — а Петру тогда было чуть более четырех лет — действовал преимущественно в воротах. Александр и Андрей были «питерскими». Играли или резиновым, или тряпичным мячом, причем босиком. Ибо порванная обувь могла навлечь гнев отца. Не обходилось без травм. Николай однажды неудачно упал и угодил на несколько недель в больницу.

В то время мальчишки считали, что для футболиста главное — накачанные ноги. Мускулам Николая и Александра завидовали все ребята. А вот Андрей комплексовал из-за своей худобы и тонких ног. И из-за прозвища Тонконогий в том числе. Такова уж была его конституция — Андрей Петрович на протяжении всей жизни оставался худым и стройным. Но тогда худоба виделась ему чуть ли не трагедией. Впрочем, игре она не мешала. Начинавший как крайний нападающий, Андрей позднее переквалифицировался в центральные полузащитники. Именно на этой позиции он провел большую часть своей карьеры. Николай стал крайним нападающим, Александр нашел себя в центре обороны, а Петр играл в средней линии.

У мальчишек формировался не только стиль игры, но и свой кодекс поведения на поле. Удары по ногам, грубость, разные подленькие приемчики объявлялись вне закона. Преступивший этот неписаный устав становился Джиналом. Это прозвище носило яркий негативный окрас.

Кто же такой Джинал и чем он так прославился? Если помните, отец и дядя Старостиных занимались дрессировкой легавых собак — незаменимых помощников при охоте на боровую и болотную дичь.

Сеттеры и пойнтеры, подготовленные Старостиными, высоко ценились охотниками. Но и в собачьей семье не обходится без урода. Таким был пойнтер Джинал. Обратимся к воспоминаниям самого Андрея Петровича.

«Джинал остался в моей памяти по сие время как злой гений из собачьего мира. Черно-пегий пойнтер, статный красавец с породистой головой, Джинал обладал, кажется, всеми самыми отвратительными пороками. Он был ленив и обжора. Коварная изворотливость напрочь лишила его добросовестности. Скрытная злобность дополнялась у него необузданным подхалимством.

Пользуясь силой, которой он был награжден с избытком, этот лентяй первым, расталкивая остальных, кидался к отцу лизнуть руку, чтобы выпроситься на болото. Но когда, еще не будучи до конца разоблаченным, он прибывал на подозеру, то вместо работы „челноком“, нарушая элементарные требования тактики поиска, едва передвигался ленивой трусцой в разных направлениях, вспугивая дичь и демонстрируя ко всему прочему полное отсутствие чутья. Он доходил до такой наглости, что позволял себе во время натаски сесть на кочку отдыхать. Для сравнения представьте себе футболиста, прилегшего на поле отдохнуть во время матча.

Этот пес был способен на всё. Возвратясь с охоты отдохнувшим на свежем воздухе, он громче других собак лаял, требуя немедленной кормежки. Бросался к котлу с неудержимым напором и жрал пшенный суп с конским мясом, заглатывая куски не прожевывая, давясь, не давая конине даже остынуть, что лишало его мало-мальского чутья.

Джинал стал проблемой целого лета. Он не поддавался исправлению. Смирел после взбучки арапником, жалобно подвывая во время наказания. Но ни лени, ни обжорства, ни подхалимства, ни коварства не сбавлял и по-прежнему исподтишка кусал за ухо соседа по кормежке, если тот вдруг нацелился на облюбованный им кусок.

Судьба Джинала стала ясна, когда он сильно прокусил ногу самой талантливой суке Леде, стоявшей первым кандидатом на золотую медаль в предстоящих испытаниях.

Чашу отцовского терпения переполнил проступок, квалифицирующийся егерским уставом для охотничьих собак как самое тяжелое собачье преступление. Джинал на охоте сожрал подраненного бекаса и, несмотря на отчаянные приказы егеря: „Даун!.. Даун!..“ — сбежал домой.

Джинала решением семейного совета приговорили к изгнанию из охотничьего собачника, и он был передан во владение Кольке Злобину,

бездомному деревенскому бродяге. Колька хвастался, что на ярмарке в селе Романово, расположенном по другую сторону Вашутинского озера, он продал Джинала за десять рублей местному священнику.

На наши опасения, что Джинал прибежит обратно, отец шутливо, но не без оснований замечал, что пес слишком ленив, чтобы всю подозеру преодолеть. Впоследствии доносились слухи, что Джинал у романовского батюшки всех кур переел и посажен на цепь.

Джинал стал именем нарицательным во всей последующей жизни нашей семьи. Когда кто-нибудь нарушал установленные нормы — в голодное ли время за обедом или в чем-либо другом, казавшемся предосудительным, — то следовала укоризненная реплика: „Ты что, Джиналом стал?“

В более поздние времена нерадивое отношение к футбольной тренировке или тем более к самой игре вызывало гневный окрик — джиналишь!»

Прозвище Джинал часто попадается в книгах Старостина. Им Андрей Петрович награждал нерадивых футболистов с подленькой душонкой. Ввиду своей деликатности он никогда не называл футбольных негодяев по именам — ведь у них были ни в чем не повинные родственники. Но те, кто играл вместе со Старостиным, догадывались, кто скрывался за этой кличкой и кто «джиналил» на поле. Вообще же, Андрей Петрович был исключительно культурным человеком и никогда не позволял себе грубых выражений ни на поле, ни за его пределами. Самым грозным ругательством, звучавшим из его уст, было — «осёл».

Молодость

Спортивный интерес Андрея Петровича не ограничивался одним футболом. Он обожал хоккей с мячом (хоккей с шайбой был тогда неизвестен в нашей стране), а однажды забрел на ипподром, где был покорен бегами. И если бы не футбол, Старостин мог бы стать наездником. Однако любовь к лошадям, к бегам Андрей Петрович пронес через всю жизнь и вплоть до преклонных лет частенько заглядывал на московский ипподром. Не то чтобы играл, просто любовался рысаками и восторгался мастерством наездников.

Во время Первой мировой войны интерес к охоте угас, что не могло не отразиться на материальном благополучии большой семьи Старостиных. Глава семьи рассчитывал на большую премию, полагавшуюся за добычу

двухтысячного волка Московской губернии. Петр Иванович был уверен, что трофей достанется именно ему, и незадолго до охоты взял деньги в кредит для покупки жене каракулевого пальто. Но волка добыл другой удачливый егерь, и семья оказалась на грани разорения. Выручил крупный предприниматель Прохоров. Но после Февральской, а потом и Октябрьской революции стало не до охоты, тем более элитарной, признанной буржуазной забавой. Петр Иванович, кстати горячо поддержавший революционные перемены, был вынужден заняться сельским хозяйством. Сыновья переехали в деревню и стали помощниками. Но в 1920 году отец умер от сыпного тифа, свирепствовавшего в Советской России. Пришлось взрослеть и девятнадцатилетнему Николаю, ставшему главой семейства, и его братьям.

Александра Степановна с Петром и дочерьми осталась жить в деревне Погост, а Николай уехал в Москву, взяв с собой Александра и Андрея. Андрей устроился работать помощником слесаря, а по вечерам учился в вечерней школе. Юноши зарабатывали немного, но этих денег хватило, чтобы обеспечивать семье достойную жизнь.

Гражданскую войну и последующую за ней разруху сменил нэп. В России появилось множество артистических студий, литературных кружков, театров. И именно на это время пришлось формирование личности Андрея Петровича. Молодой человек очень живо интересовался поэзией и театром. При этом он довольно быстро нашел множество знакомых в творческой среде. С кем-то, как, например, с Владимиром Маяковским, знакомство оказалось поверхностным. Но были и друзья на всю жизнь — актеры Михаил Яншин и Михаил Царев, писатели Александр Фадеев и Юрий Олеша. Последний однажды признался, что своего канатоходца Тибула из «Трех толстяков» писал с Андрея Старостина. Юрию Карловичу принадлежит и выражение «всё проиграно, кроме чести», ставшее крылатым благодаря Андрею Петровичу.

И, конечно же, футбол. В 1922 году братья Старостины в компании единомышленников создали на Трехгорной мануфактуре футбольную команду — МКС — Московский кружок спорта. Команда эта неоднократно меняла свое название, пока в 1935 году не получила имя, под которым ее все знают сейчас — «Спартак». Андрей Петрович присутствовал при этом знаменательном событии:

«Сизые клубы дыма плавают по столовой. Давно уже сняты пиджаки. Скоро начнет светать. А спор все идет, и конца ему не предвидится. В памяти всплывает картина выборов кошевого атамана в „Тарасе Бульбе“. Помните: „Шило пусть будет атаманом!.. В спину тебе шило!..“

Только здесь выбирали не кошевого, а название нового общества. Чего только не предлагали! „Феникс“, „Штурм“, „Атака“. Кто-то из ведомственных патриотических соображений предложил даже „Промкооп“. Но презрительно-ироническая реплика: а почему не „Ларек“ или „Лоток“ — начисто отвергла предложение.

„Стрела“, „Вымпел“, „Звезда“ — монотонно произносили сидящие в столовой. Но тут же под язвительные возражения названия проваливались. Мы выбились из сил. Зашли в тупик (в который иногда попадает тренерский совет, отбирая кандидатов в основной состав, когда после двадцатого тура голосования верх берет кандидатура, вначале всеми отвергавшаяся).

Но выручил случай. Взгляд Николая упал на книгу, лежащую на столике возле дивана. Книжка называлась „Спартак“ Джованьоли.

— Вот что нам нужно! — воскликнул Николай, показывая книгу. — „Спартак“ — достойный девиз, отображающий лучшие качества спортсмена: мужество, волю к победе, ловкость и силу, верность идее!

Всем понравилось. Решение было единодушным. Кто-то вякнул, что название не ново. Но поддержки не нашел. И с этого дня „Спартак“ зашагал сильным и широким шагом вперед».

Но вернемся в 1922 год, когда юный Андрей Старостин делал первые шаги на футбольном поле вместе со своими старшими братьями Николаем и Александром.

«Мою молодость, как тачанку, бросало в разные походы. Но выкатилась она на футбольную дорогу, оказавшуюся прямее других. Николай уже играл за сборную команду Москвы. Александр, я и Петр из „дикого“ футбола на Ходынке перебрались в футбол организованный, бегали по настоящему футбольному полю, выступая за младшие команды московского клуба спорта на Пресне, прямого прадеда сегодняшнего „Спартака“. Не случайно Петра Исакова называли футбольным „профессором“. Тогда ценители футбола тоже понимали толк в игре. Миниатюрный центрфорвард выдавал такие пасы своим партнерам — Павлу Канунникову или Петру Артемьеву, что одно это качество доставляло зрителям эстетическое удовольствие. В самом деле, время, пространство и движение он учитывал в ходе игры до долей секунд и сантиметров, что и отличало его как несравненного мастера ювелирного футбола. Авторитет Исакова был непререкаем. Свои суждения он подтверждал действиями. Первым применил тактику „вогнутой дуги“ в игре нападения. Взял и оттянулся в глубину поля, играя центрфорварда: „Противнику меня труднее найти на непривычном месте“. Цену этого

маневра я понял через три года, после его возвращения из Скандинавии, когда стал играть с ним в одной команде. Предвидение назревающей тактической перестройки на игру „в три защитника“.

Исаков стал моим наставником на поле. В пылу азарта я называл его „Петринский“. Во время схватки мяч стирает возрастные грани. Всё футбольное Исакову было понятно, и, может быть, учитывая в числе других спортивных качеств и мой темперамент, он смело выдвинул именно меня на ключевую позицию центрального полузащитника.

Тяжелый удар перенес Иван Артемьев, когда Исаков на тренерском совете сказал: вместо Вани я поставил бы Андрея. Надо же мне было сесть рядом с Ваней. Опять пожаром запылало лицо и сильно заколотилось сердце. За меня высказалось большинство».

Команда, где играли братья Старостины, постепенно стала одной из сильнейших в Москве. В 1926 году двадцатилетний полузащитник «Пищевика» Андрей Старостин стал чемпионом столицы. Но в этом году произошло и еще одно, очень важное событие в жизни Андрея Петровича. Он познакомился с молодым актером Михаилом Яншиным, блистательно исполнившим роль Лариосика в булгаковских «Днях Турбиных», и со своей однокурсницей Надеждой Киселевой, которая прославится под псевдонимом Ляля Чёрная. Она станет выдающейся актрисой и певицей, примой цыганского театра «Ромэн» и женой Михаила Михайловича.

«И в самом деле, среди пестроцветных шалей, накинутых через плечо знаменитых цыганских певиц, полукругом сидевших на сцене, центральное место занимала совсем юная Ляля Чёрная. Такой сценический псевдоним взяла себе Надежда Сергеевна Киселева, дочь бывшей танцовщицы цыганки Марии Георгиевны, урожденной Поляковой. Отец Ляли — так мы ее зовем и по сие время — Сергей Киселев из знатной богатой московской семьи, близкой семье Антона Павловича Чехова в мелеховский период. Но к тому дню, когда Ляля Чёрная в „Арбатском подвале“ только начинала свою славную артистическую карьеру, никаких богатств у овдовевшей матери, кроме двух дочерей на выданье и их младшего брата Владимира, впоследствии тоже актера театра „Ромэн“, не было. Жила тогда Мария Георгиевна в первом этаже густонаселенного дома на площади против Страстного монастыря, стоявшего на месте памятника Пушкину: по монастырю и площадь называлась Страстная.

Довольно долгое время после посещения ресторана я Лялю не видел. Но вот встретил ее на Тверской, идущей под руку с молодым человеком, одетым в клетчатое, рыже-коричневого цвета пальто. Пара блистала

молодостью и яркостью цветов в одежде. Владельцем рыже-коричневого пальто был Михаил Михайлович Яншин, невысокий худощавый молодой человек. Пара была уже достаточно известной, и отдельные прохожие восхищенно восклицали: „Ляля Чёрная!.. Яншин!..“

Я тоже не скрывал своих симпатий к ним и выразил полный восторг, когда Ляля сказала: „Это мой муж, Михаил Михайлович Яншин, а это знаменитый (она именно так и сказала, будучи всегда расположенной к друзьям) футболист Андрей Старостин“».

Брак Яншина с Лялей Чёрной продлится восемь лет, зато дружба Андрея Петровича и Михаила Михайловича окажется куда более прочной. Яншин всегда называл Старостина не по имени, а — Мастер. «Мастер, как же там наш „Спартак“?» — спросил уже тяжелобольной Яншин во время встречи с Андреем Старостиным летом 1976 года.

Возможно, именно Яншин ввел Андрея Старостина в мир театрально-литературной богемы. А благодаря Ляле Чёрной Андрей Петрович приобщился к цыганской культуре. И свою вторую половину Старостин найдет в театре «Ромэн». Его единственной любовью станет актриса и певица Ольга Кононова.

В 1928 году Андрей Старостин был призван в Красную армию. За два года футболисту пришлось познать все тяготы армейской службы. Ибо служил Андрей Петрович в самой обычной воинской части. Вот как вспоминал он сам о своей солдатской юности:

«Неотвратимо надвигались сроки крутой перемены в моей жизни — призыв на действительную воинскую службу. Я уже был игроком сборной команды и попривык к потачкам всякого рода и в быту, и в учении. Побывал за границей. По тем временам явление не частое. Молодость торопится быть старше, чем она есть. Присваивает себе привилегии без должных оснований. Как говорится, „не по чину берет“. И я не уберегся от преувеличений собственной персоны. Свободный доступ в театр, довольно уже широкий круг интересных знакомств, увлечение конным спортом, посещение увеселительных мест, отрыжки недавних нэповских времен влияли на склад моих привычек и настроений.

Служба в армии меня просто пугала. Прощай свободная жизнь, прощай поездки по городам и весям, прощай футбол — так думалось мне, и всё тоскливее и тревожнее становилось с приближением срока призыва. Меня призвали… Двухгодичный срок службы я заканчивал в 1930 году. Я был игроком сборной команды СССР…

За команды же Московского гарнизона во всеармейских соревнованиях все спортсмены, отбывающие действительную службу, играли безотказно и

в футбол, и в хоккей. Помню, осенью, накануне демобилизации, я в последний раз играл за команду Московского гарнизона. Противником, кажется, была команда Белорусского военного округа. Со всем пылом солдатской самоотдачи я сражался на футбольном поле за спортивную честь своей дивизии. Поле плотным кольцом окружили военнослужащие всех чинов и рангов. Летний лагерный сбор частей Московского гарнизона размещался тогда в районе теперешнего „Сокола“. Тогда здесь располагалось село Всесвятское, считавшееся далеким загородным местом. Я жил у Белорусского вокзала, и когда отправлялся по увольнительной домой, то говорил — „поехал в Москву“.

В состав лагерного сбора входили подразделения самых разнообразных родов войск Красной Армии: пехотинцы, кавалеристы, танкисты, артиллеристы, связисты, вплоть до ОДОН — отдельной дивизии особого назначения. Футбол проник всюду и везде стирал в ходе спортивной борьбы всякие грани субординации — и среди участвующих, и среди зрителей».

В армии Андрей Петрович вступил в партию. После демобилизации он вернулся к своей прежней жизни — игра в футбол и хоккей, учеба, ипподром… В 1930 году он познакомится с Ольгой Кононовой, известной в ту пору цыганской актрисой. Их брак будет официально заключен почти через 20 лет.

Капитан

Андрей вернулся из армии окрепшим и возмужавшим. Вырос на четыре сантиметра, а объем грудной клетки увеличился аж на восемь. При этом в его игре сохранялись легкость, изящность. Вот как писал об Андрее Старостине известный в тридцатые годы журналист Алексей Холчев: «Его на поле я помню не только хорошо, но и более осознанно. Андрей Старостин был одной из самых ярких и колоритных фигур в отечественном футболе. Убежден, что первый же взгляд на футбольное поле выделял среди участников именно его. Он как бы притягивал к себе внимание зрителя. Играл он при системе „пять в линию“ центрхава, а после освоения „дубль-вэ“ — центрального защитника. Широкоплечий, могучий, с копной черных волос, постоянно спадавших на лоб, в полинявшей рубашке и светлых бутсах, он всегда находился в гуще событий. Казалось, что все нити находятся у него, а сам он — полновластный командующий на поле. Было слышно, как он покрикивал на своих товарищей, и те безоговорочно

выполняли указания. Игра Андрея Старостина была сродни грозной всевластной стихии. Он словно стоял в одном ряду с былинными русскими богатырями. Были в нем их исполинская стать, и залихватская удаль, и беззаветная смелость, и первозданная мужская красота. Я уже упоминал, что играл он в застиранной рубашке. Андрей Петрович, как и большинство великих спортсменов, был суеверен и терпеть не мог что-то менять в своей футбольной жизни».

Постепенно Андрей Старостин превратился в ведущего игрока команды «Спартак». Обратимся к воспоминаниям известного журналиста Льва Филатова: «Вот он остановился чуть позади раскинувшихся веером пяти форвардов, это его место на поле, центрхава, центра полузащиты. Ноги широко расставлены, плечи наклонены вперед, черные волосы взъерошены, сбиты набок, и он не спешит их поправить. Кажется, что это по его воле идет атака, он ею управляет, от него игра расходится лучами. Я помню его зычное, басистое, на весь динамовский стадион: „Володя, играть будете?!“ Так он взывал к форвардам через их лидера, правого инсайда Владимира Степанова. Если, по его мнению, форварды прохлаждались, он вставал, уперев руки в бока, живым укором. Но не жалостным, вымаливающим, а властным, карающим. Легко было представить, что товарищам совестно оглянуться, что они боятся попасть под испепеляющий взгляд».

Так уж получилось, что к учреждению чемпионата СССР в 1936 году Николай Старостин как игрок сошел со сцены — на счету Николая Петровича всего одна встреча в первенстве страны. Сходил с футбольной сцены и Александр Старостин. Травма колена сломала футбольную карьеру младшего из братьев, Петра. И в первых чемпионатах страны Андрею Старостину приходилось порой в одиночку отстаивать честь знаменитого клана. Три раза Андрей Петрович становился чемпионом Советского Союза в составе довоенного «Спартака», дважды брал Кубок. Будучи игроком сборной СССР, он выезжал на товарищеские матчи в Европу. Но главным событием в жизни довоенного советского футбола стал приезд сборной Страны Басков летом 1936 года.

Это турне имело не только спортивный (а в составе баскской сборной было немало замечательных профессионалов, игроков сборной Испании, призеров чемпионата мира), но и политический характер. Ведь баски представляли собой ту часть Испании, что героически сражалась в гражданской войне против Франко.

Самым ярким в серии был матч басков со «Спартаком», усиленным несколькими известными футболистами. В этой встрече именитые

профессионалы потерпели поражение со счетом 2:6. Андрей Петрович был непосредственным участником матча.

«И они приехали. Вот они идут по перрону Белорусского вокзала. Уверенной, чуть развинченной походкой ковбоев, знающих себе цену. Идут как бывалые, поездившие по миру парни, себя показавшие и других посмотревшие. Не глазеют по сторонам, как новобранцы туристической группы, а присматриваются привычным глазом к незнакомой толпе встречающих. Толпа огромная, на всю привокзальную площадь. Истины ради оговоримся, что в то время она была значительно меньше. На месте памятника Горькому стояли дома. А рядом была трамвайная станция, тоже занимавшая изрядное место на площади.

Интерес к приезду басков определялся количеством заявок, поступивших в дирекцию стадиона „Динамо“. Желающих попасть на первую встречу с „Локомотивом“ оказалось два миллиона человек.

Баски не уронили своего престижа. Более того, они покорили нашего зрителя. Когда я в своей памяти перебираю высшие эмоциональные переживания, которые я когда-либо испытал, наблюдая футбол, то зримо вижу перед собой игру басков на стадионе „Динамо“ в июне 1937 года. Подобное же восхищение я испытал еще только один раз, когда увидел сборную Бразилии на Шведском чемпионате мира в 1958 году. Это матчи-спектакли. Именно такое мастерство, артистизм исполнения позволяют употреблять слово „искусство“ применительно к футболу.

С большими опасениями вышел я на поле. Предстояло впервые играть роль центрального защитника. „На языке театра, — говорил Яншин, — амплуа героя-любовника меняете на резонера“. Действительно, требования резко изменились. Центральный полузащитник — стержневой исполнитель: он и в атаке, и в обороне. Амплитуда действий — все поле. Нередко мне приходилось выходить на линию огня — „к рампе“ и поражать цель, действуя на самом переднем крае, во главе атаки. В урожайные сезоны я забивал не меньше голов, чем любой нападающий. Персональной ответственности за какого-либо форварда из противоборствующей команды я не нес. Центровая тройка противника находилась под условным надзором всей нашей линии обороны. Центральный полузащитник являлся свободным художником; его творческие возможности не имели ограничений».

В той памятной встрече получил травму голеностопа и не смог продолжить игру капитан спартаковцев Александр Старостин. Капитанская повязка перешла младшему брату. Счет к тому времени был 2:2. Но после перерыва мячи влетали только в ворота Грегорио Бласко. Андрей Петрович

четыре раза следовал традиции, установленной предыдущими капитанами «Спартака» — Николаем и Александром Старостиными, — пожимал руку игроку, забившему гол.

После этой блистательной победы были еще и выигрыш рабочей Олимпиады в Антверпене, и блистательная поездка в Париж, и громкие успехи в чемпионате СССР. Имена братьев Старостиных гремели на всю страну. Советское правительство наградило Николая Петровича орденом Ленина — высшей государственной наградой. Достались ордена и двум другим братьям: Александру — Трудового Красного Знамени, Андрею — «Знак Почета». Награды вручал сам «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин. До опалы оставалось менее пяти лет.

Расширялся круг знакомых. Расширялся и… сужался. Так, был репрессирован основатель комсомола, близкий друг семьи Старостиных, оказавший огромную помощь в основании общества «Спартак», Александр Косарев. Был арестован и муж сестры, Клавдии Старостиной.

Андрей Старостин играл дольше своих братьев, был капитаном и лидером «Спартака». И лишь по окончании чемпионата 1940 года объявил о своем уходе. Незадолго до завершения спортивной карьеры Андрею Петровичу было присвоено звание заслуженного мастера спорта.

На какое-то время Андрей Петрович отошел от большого футбола и сосредоточился на работе на фабрике «Спорт и туризм», где он дослужился до директора. По-прежнему увлекался театром и бегами. В июне Андрей Старостин узнал радостную весть — Ольга Николаевна ждала ребенка. Но вскоре грянула беда.

Весть о начале Великой Отечественной войны застала Старостиных в Ленинграде — они отправились туда на матч «Спартака». В шесть утра Андрея разбудил в номере телефонный звонок школьного друга Сергея Ламакина, который в то время занимал руководящую должность в системе гражданской обороны Ленинграда: «Вставай, война! Игры не будет». К двенадцати часам участники матча всё равно собрались на стадионе, где транслировалось по радио выступление Молотова. А вечерним поездом москвичи отправились домой.

Вернувшись в столицу, братья Старостины выступили на страницах газеты «Красный спорт» с обращением к советским людям. Приведем его полностью:

«Грозен в своем гневе наш великий народ. Вдвойне грозен он после подлого провокационного выступления гитлеровских бандитов и изуверов. От Львова до Владивостока, от Мурманска до Еревана, всюду в едином порыве встала нерушимая семья русских, узбеков, грузин, эстонцев,

украинцев, белорусов, латышей, казахов… У нас есть что защищать и у нас есть чем громить зарвавшегося врага.

Под игом гитлеровских палачей стонут германские рабочие и крестьяне, стонут многие беззащитные народы Европы. Но коричневая чума со свастикой на рукаве будет выкорчевана. Ее сотрут с лица земли мощные и меткие залпы орудий воинов страны социализма, ее уничтожат до основания железные полки бойцов Красной Армии.

Физкультурники Советского Союза не раз доказывали свою беззаветную преданность любимой отчизне на полях сражений. В их рядах воспитаны многие орденоносцы, Герои Советского Союза.

Физкультурники СССР будут лучшими у станков на заводах и фабриках, у топок паровозов, у рулей пароходов и кораблей, у конструкторских столов. На полях сражений они будут передовыми у прицелов зенитных батарей, за штурвалами самолетов, в башнях танков, в полках пехоты.

Мы, четыре брата-спортсмена, воспитанные и взращенные партией большевиков, Советским государством, в любую секунду готовы с гордостью надеть краснозвездные шлемы и пойти на поле битвы сражаться, не жалея ни сил, ни жизни, ибо наша жизнь принадлежит любимой родине, ее гениальному вождю и полководцу Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Заслуженный мастер спорта, орденоносец Н. Старостин; заслуженный мастер спорта, орденоносец, депутат райсовета Ал. Старостин; заслуженный мастер спорта, орденоносец, депутат райсовета Ан. Старостин; мастер спорта П. Старостин».

Опала

Петр Старостин просился на фронт — был забракован медкомиссией. Александру удалось, пусть и не сразу, попасть в армию. Николай остался руководителем общества «Спартак», а фабрика, где трудился Андрей Петрович, переключилась на выпуск оборонной продукции. Тяжелые дни осады Москвы братья провели в столице.

В феврале Андрей Петрович стал отцом — родилась дочка Наталья. Но уже через несколько дней молодой отец и его братья Николай и Петр были арестованы. Чуть позже был отозван с фронта и также помещен под арест Александр.

Это трагическая и загадочная страница в истории семьи. Существует

немало версий того, как и почему знаменитые спортсмены оказались за решеткой. Но какая из них верная — мы, увы, до сих пор не знаем. Сам Андрей Петрович не рассказывал о причинах несчастья, постигшего его и братьев. А может, просто не мог об этом писать. Не будем и мы выкладывать разные непроверенные гипотезы. Скажем лишь о том, что все четыре брата были осуждены. Каждому дали по десять лет лагерей.

И футбол помог Андрею Петровичу перенести неволю. Оказавшись за полярным кругом, знаменитый футболист стал тренировать спортсменов местного металлургического комбината.

«Весной 1942 года шальная „фугаска“ упала не по адресу. Бывают такие случайности во время войны, когда снаряды ложатся по своим. Взрывная волна огромной силы разбросала нас кого куда: Николая в Комсомольск, Александра в Воркуту, Петра в Соликамск, меня в Норильск. Столица Таймыра, так условно я назвал бы этот город, еще ждет своего летописца. Он бесспорно появится и напишет, как наперекор стихии, у семидесятой параллели, среди пустынной тундры, на вечной мерзлоте вырос современный город, с многоэтажными домами, комфортабельными квартирами для трудящихся крупнейшего металлургического комбината, гостиницами, театрами, современными спортивными сооружениями и производственными корпусами самого разнообразного профиля. В горячем желании оправдать приказ, подписанный начальником комбината, генералом Панюковым Александром Алексеевичем, любившим спорт и ценившим физическую культуру, в условиях Заполярья в особенности, об организации в Норильске местного совета общества „Динамо“ и назначении меня начальником оборонно-спортивного отдела, я „засучил рукава“ телогрейки, обычного наряда многих норильчан в хорошую погоду, и приступил к исполнению обязанностей. Футбол и хоккей вновь вернулись на свои рубежи, разумеется, на уровне дальнего севера. Я приехал в Норильск, будучи достаточно известным спортсменом в футбольном мире, имея широкий круг друзей и знакомых в кругах творческих работников — артистов, литераторов, художников. Я понимал, что здесь, на футбольной целине, от меня ждут приложения моих знаний в области футбола по самому большому счету. Тренерского диплома у меня не было. Зато был огромный опыт. Футбольную жизнь я прошагал с мячом в ногах большую».

Друзья не забывали Андрея Петровича. Хлопотал за Мастера Яншин, который сумел навестить Старостина в Норильске. Приезжала в Заполярье сестра Клавдия. Супруга Ольга Николаевна, отбыв свой восьмилетний срок заключения в Казахстане, дважды посетила Андрея Петровича. Вот только дочка Наташа увидела отца, когда ей было уже 14 лет. В 1954 году Андрей

Петрович Старостин освободился и вернулся в Москву. Вскоре он был реабилитирован. Целых 12 лет оказались выброшены из жизни.

Перед Андреем Петровичем встал вопрос — чем заняться дальше.

Мячики и трусики

«В Сухуми состоялся семейный совет, где, несмотря на возражения подросшей дочери: „Папа, тебе скоро пятьдесят, а ты все о мячиках да трусиках“, — я при категорических высказываниях Яншина и молчаливом одобрении жены утвердился во мнении, что работать надо продолжать в области спорта.

Сомнения возникли потому, что был выбор. В Норильске последнее время я работал начальником планово-финансового отдела управления местных стройматериалов. Тренировки по футболу вел по совместительству. Несмотря на то, что работа инженера-экономиста, в особенности по планированию сложного производства — железобетон, шлаковата, стекло, термоизоляционный и строительный кирпич, деревообделочные детали и прочие виды строительных материалов, — дело интересное, но без футбола было скучно жить. Я понял: без стройматериалов могу, без „мячиков и трусиков“ нет. Это соображение и решило дело».

Старостин был назначен сотрудником аппарата Центрального совета в обществе «Спартак». А через несколько лет ему была доверена другая, очень ответственная работа. Он стал начальником главной команды страны — сборной Советского Союза.

«Накануне первого чемпионата Европы (тогда он разыгрывался как Кубок Европы) у меня был разговор с Николаем Николаевичем Романовым. Настоящий государственный деятель в области развития физической культуры и спорта, Николай Николаевич знал и, самое главное, любил футбол.

Еще в 1940 году, будучи секретарем ЦК ВЛКСМ, он возглавлял спортивную делегацию в Болгарию. Я тогда был капитаном команды. Воспитанник комсомола, он не любил людей инертных. Сам очень инициативный, требовал активного дела и от подчиненных.

Сидя в кабинете председателя Союза спортивных обществ и организаций — тогдашняя его должность, я пытался уйти от ответа на прямой вопрос — пойду ли я работать во Всесоюзную федерацию футбола в заместители к В. А. Гранаткину.

„А мне как раз сговорчивые и не нужны. Нужны специалисты. Вот вас трое заслуженных мастеров — Гранаткин, Мошкаркин и ты, будете отвечать за футбол, — сказал при встрече Романов. — Но чтобы не я предлагал вам, что надо делать, а вы мне рекомендовали, как двигать наш футбол вперед“.

Вскоре я поехал в Венгрию руководителем делегации и начальником сборной команды страны на ответный матч. Первый, в Москве, наши футболисты выиграли с запасом в два мяча.

Старшим тренером был Михаил Иосифович Якушин. За время моей работы с 1959 по 1970 год, с небольшими перерывами, начальником команды старшими тренерами в ней были Гавриил Дмитриевич Качалин и Константин Иванович Бесков.

С ними я делил самые великие радости и самые большие печали. Кажется, в какой-то восточной стране существует секта самоистязающихся. Человек сам наносит себе рану для того, чтобы потом испытать прелесть выздоровления. Чем тяжелее увечье, тем больше радость. Нечто подобное мы испытываем от футбола. Иногда думаешь: а что, если бы моя команда никогда не проигрывала? Ведь скучно стало бы. К счастью, таких команд нет. Но, к сожалению, с этим не хочет считаться, как говорится, вышестоящее звено».

На годы работы Андрея Петровича Старостина в сборной СССР пришлись яркие достижения — победа на Кубке Европы 1960 года, второе место на континентальном первенстве 1964-го, бронза чемпионата мира-66. В 1968 году сборная СССР не пробилась в финал чемпионата Европы из-за злосчастной монетки, а в 1970-м на чемпионате мира советские футболисты пострадали от судейской ошибки в четвертьфинале.

Андрей Петрович очень быстро сходился с новыми людьми и устанавливал с ними контакт. Футболисты тянулись к нему, словно не было ощутимой разницы в возрасте. Сам начальник сборной находился в приличной спортивной форме и мог даже погонять мяч с игроками. Например, незадолго до Кубка Европы-60 Андрей Старостин принял участие в двусторонней игре. Играл на месте центрального защитника, действовал против Виктора Понедельника и не дал развернуться будущему герою финальной встречи. Сам же Виктор Понедельник вспоминал, как Андрей Старостин напутствовал футболистов в перерыве финального матча на «Парк де Пренс»:

«Самые точные слова, обращенные ко всем, нашел, пожалуй, Андрей Петрович Старостин. Я не смогу воспроизвести их дословно, но смысл передаю точно. Старостин сказал, что в первом тайме мы ничего не

показали и потому наши истинные возможности по-прежнему остаются загадкой для соперника. Сказал, что нужно всего ничего: встряхнуться, сбросить оцепенение и заиграть в свою силу. Сказал, что мы — счастливчики, которым выпала возможность вписать свои имена в историю футбола золотыми буквами. Напомнил, что идет прямой репортаж с „Парк де Пренс“ и в ожидании исхода матча не спит вся страна. Словом, для продолжения матча из нашей раздевалки, на беду югославов, вышла совсем не та команда, с которой они имели дело в первом тайме».

Неудача, хотя какая там неудача — грубая судейская ошибка, помешала сборной СССР выйти в полуфинал чемпионата мира 1970 года. Но оргвыводы были сделаны. Андрей Петрович был снят с должности и на какое-то время остался не у дел. Но в 1971 году его опыт и профессионализм были востребованы в Московской федерации футбола, которой он руководил на протяжении шестнадцати лет.

Андрей Петрович не мог оставаться равнодушным к судьбе родного «Спартака». В 1976 году, когда москвичи впервые в истории выбыли из высшей лиги, председатель федерации футбола Москвы сделал всё, что в его силах, чтобы возвратить клубу прежнюю славу. На должность начальника команды вернулся Николай Петрович Старостин, а должность главного или, как говорили в те годы, старшего тренера была предложена Константину Ивановичу Бескову. Причем инициатором приглашения Бескова был именно Андрей Петрович.

Николай Петрович и Константин Иванович не были единомышленниками. Более того, их отношения были далеки от идеальных. Слишком разные люди, да и динамовское прошлое Бескова вызывало раздражение у Старостина-старшего. Но у Андрея Петровича еще со времен сборной СССР сложились прекрасные отношения с Константином Ивановичем. Он и стал тем посредником, который сумел соединить две несовместимые личности в творческий тандем. Андрей Петрович сглаживал все противоречия, гасил конфликты на лету, сумел разделить должным образом сферы деятельности брата и старшего тренера. «Спартак» уже через год вернулся в компанию сильнейших, а еще через год стал чемпионом страны и потом на протяжении восьми лет неизменно попадал в призовую тройку. Яркая и комбинационная игра «красно-белых» сделала их самой популярной командой страны.

За время существования тандема спартаковцы дважды стали чемпионами СССР. Свой второй титул они взяли уже после кончины Андрея Петровича. А через год дуэт Н. Старостин — Бесков распался.

Андрей Петрович умер 22 октября 1987 года, не дожив двух дней до

своего восьмидесятилетия. Уже летом близкие друзья заметили, что Старостин немножко не такой, как обычно. Стал быстро уставать, а это как-то не по-старостински. Даже в свои почти восемьдесят Андрей Петрович всегда держался бодро, а тут, посещая могилу брата Александра и сестры Клавдии на Ваганьковском кладбище, не смог пройти каких-то 300 метров до могилы Андрея Миронова. Тем не менее Андрей Петрович старался быть активным и даже собирался посетить матч Кубка УЕФА между «Спартаком» и бременским «Вердером», назначенный на 20 октября. Но немецкий клуб из-за непогоды не смог вовремя прибыть в Москву, и встреча была перенесена на субботу. На эту встречу спартаковцы вышли с траурными повязками в память об одном из основателей клуба. Причиной смерти стал инсульт.

ГРИГОРИЙ ФЕДОТОВ

Григорий Иванович Федотов прожил короткую, но яркую жизнь. Всего 41 год. Но за этот небольшой срок Федотов успел многое — как в жизни, так и в спорте. Три раза становился чемпионом СССР, дважды выигрывал Кубок страны, первым в истории нашего футбола забил 100 мячей. Недаром символический клуб лучших бомбардиров страны носит его имя. Его любили не только болельщики ЦДКА, все отечественные любители футбола с огромным уважением относились к Федотову и называли его исключительно по имени-отчеству.

Родом из Глухова

Григорий Иванович Федотов родился 24 апреля 1916 года в подмосковном Глухове. Несколько поколений Федотовых жили в этом поселке (ныне часть Ногинска) и трудились на текстильной мануфактуре, принадлежавшей семье Морозовых. После революции Морозовская мануфактура стала текстильным комбинатом имени Ленина. В фабричном Красноармейском общежитии и прошло детство будущего великого нападающего. Григорий Иванович потом шутил, что армейцем он стал задолго до перехода в ЦДКА, а именно с рождения.

«Я, младший в семье, учился в школе-десятилетке, готовясь после ее окончания тоже пойти на комбинат, — учиться, а потом работать. Хотелось стать мастером, таким как мой отец, старый производственник. Когда по утрам Глухово шло на работу, по фабричному гудку мы выходили из дому всей семьей. Я обязательно провожал своих до ворот комбината. Потом отправлялся в школу, встречая по пути ребят, бегущих со всех концов городка, из Красноармейского, Буденновского, Октябрьского и других рабочих общежитий», — вспоминал Григорий Иванович в своей единственной книге — «Записки футболиста».

Физическая культура, спорт рано вошли в жизнь Григория. Спорт в Глухове пользовался большой популярностью. Центром спортивной жизни был фабричный стадион в лесу, возле пруда. С трибунами, футбольным полем, беговой дорожкой, площадками для спортивных игр. Каждый день после работы, а в выходные — с самого утра и до глубокого вечера на стадионе было оживленно. Люди приходили целыми семьями. Те, кто

постарше, — просто посидеть, посмотреть или сыграть партию-другую в городки, а те, кто помоложе, — на тренировку или очередную футбольную встречу. Доброй славой пользовались глуховские городошники, волейболисты, бегуны.

«Все ребята увлекались спортом. Чего только не придумывали! Бывало, затеем прыжки в длину. Но не просто прыжки на ровном месте. Поставим препятствия: скамейку, ящики. Разбегаешься, и даже сердце замирает, — ведь впереди целое сооружение!..

Помню, был у нас возле общежития гимнастический городок: перекладина, кольца, канаты. Здесь занимались взрослые. С этим гимнастическим городком связано у меня ощущение первой победы. Совсем малышом я был и никак не мог подтянуться на перекладине. Раскрыв рот, смотрел на старшего брата, который не только подтягивался раз по семь-восемь подряд, но и делал другие немыслимо сложные, на мой взгляд, упражнения. Однажды я попросил подсадить меня на перекладину: „Я тоже подтянусь!..“».

Не сразу покорилась Грише эта перекладина. Но всё же он справился с ней. Так закалялся характер. Научившись подтягиваться, Гриша помогал своим приятелям-сверстникам.

По-настоящему к физической культуре Федотова приобщила школа. Учитель Иван Сергеевич Полозов сумел привить ребятам любовь и серьезное, вдумчивое отношение к занятиям физкультурой.

«Вы, юные советские граждане, — говорил Иван Сергеевич, — должны вырасти здоровыми, закаленными, сильными, смелыми. У вас, ребята, впереди большая трудовая жизнь. Вам продолжать то великое, что начато вашими отцами. Физическая культура поможет вам стать строителями светлого будущего. Занимаясь в нашем школьном физкультурном зале, мы с вами готовимся ответить на заботу о нас партии и народа, — работать, творить, охранять родину свою. Кто же из вас может остаться в стороне?»

«Уроки физкультуры в школе проходили у нас интересно… Помню, как старались мы один перед другим. Каждый считал для себя делом чести заслужить похвалу Ивана Сергеевича. Бывало, счастливый возвращаешься в строй после прыжка или упражнения на перекладине, когда скажет преподаватель: „Хорошо!..“ Часто устраивались соревнования с другой школой. Иван Сергеевич старался развить у нас чувство товарищества. Мы всегда помогали друг другу и искренне радовались общей удаче, когда в нашем маленьком физкультурном зале появлялись почетные грамоты в знак победы одного из нас или команды в каких-нибудь соревнованиях.

Преподаватель учил нас быть скромными, не зазнаваться при личном успехе, не смеяться над товарищем, если он отстал, помогать ему».

Благодаря урокам Ивана Сергеевича Гриша мог добиться успеха в любом виде спорта. Но его тянуло к футболу. В Глухове очень любили эту игру. И ребята, и взрослые с удовольствием рассказывали разные истории и байки о знаменитых мастерах. О том, как Михаил Бутусов своим пушечным ударом ломает штанги, а Федор Селин может пронести мяч на голове через все поле. И играли, конечно. Со временем старый мяч превратился в тряпку, а нового не было. И тут выручил Григорий.

Всё общежитие знало, что Федотовы откладывают копеечки в глиняный бочонок. Все знали, но никто не покушался, настолько правильный народ жил в рабочем поселке. Неизвестно, как семья собиралась распорядиться этими невеликими накоплениями. Но однажды Гриша пришел к отцу и попросил содержимое потяжелевшего бочонка на благую цель — покупку нового мяча. Отец знал цену деньгам, знал, какими по́том и кровью достается каждая копейка. Но возражать не стал. Пусть у фабричных мальчишек будет свой мяч.

«Настал день, когда мы разбили наш бочонок. Было это в апреле. Двадцать с лишним лет прошло с тех пор, а я помню этот солнечный веселый день так отчетливо, словно это было вчера. Рано утром мы собрались на пустыре. „Ну, Гриша, действуй!“ — сказали ребята. Нахмурив лоб, покраснев от сознания важности минуты, я стукнул бочонок о камень… Идея перестать быть „дикой“ командой была горячо одобрена всеми. Мы сообща решили скопить к весне столько денег, чтобы хватило нам на покупку одинаковых форменных футболок и гетр. Захотели стать настоящей командой! Мы держали свою идею в глубочайшей тайне. Думали, когда подсохнет наш пустырь, выйдем на первую встречу весеннего нашего первенства все одиннадцать во всем блеске новенькой спортивной формы. И вот в апрельский солнечный день собрались мы на пустырьке. Легко стукнул я о камень глиняный бочонок. Посыпались монеты. И вслед за ними бумажки. Бумажные деньги? Откуда они? Что-то никто из нас не помнил, чтобы в копилку опускались целые рубли и даже трехрублевки. Сидели, считали. Пересчитав три раза, уверились, что ошибки нет. Мы в самом деле стали обладателями такой казны, которая нам и не снилась!..»

Поселок, где жил Федотов, разделял небольшой пруд. По одну сторону пруда были Красноармейское и Ленинское общежития, по другую — Буденновское и Октябрьское. В каждом своя футбольная команда. Ребячий календарь футбольных соревнований продолжался почти круглый год.

Родители, правда, не очень одобряли увлечение футболом. Боялись, как бы оно не помешало учебе. Но когда увидели, что футбол учиться никак не мешает, ребята старательно делают уроки, успеваемость хорошая и жалоб из школы нет, решили не мешать.

«Играй, что ж с тобой делать, — говорила мать, — но только до первой двойки!»

«Родители не подозревали, что между ребятами действовал раз и навсегда принятый уговор: в школе отстал, на пустырь лучше не приходи. Не то что играть, смотреть на игру не позволим. Не хотели, чтобы нас разогнали из-за одного лодыря. Уговор выполнялся твердо.

Играли мы, конечно, без судьи, но правила соблюдали точно. Единственно от чего отступали, это от установленного времени. По четыре, а то и по пять часов продолжались наши встречи. Счет при этом иногда доходил до астрономических цифр — 15:10, а то и больше. Однажды, когда мы после уроков сговаривались, как обычно, встретиться после обеда на пустырьке для очередного состязания, Иван Сергеевич Полозов подошел к нам и сказал, что хочет посмотреть, как мы играем. По правде сказать, у нас прежде не было твердой уверенности в том, что преподаватель одобряет наш футбол. Иван Сергеевич пришел на пустырек. Как всегда, мы стали играть в двое ворот, старались очень, желая показать, на что мы способны.

„Как вам сказать, ребята? Играете вы, в общем, прилично. Энергии много. Понимаете кое-что в игре, неплохо водите мяч, бьете по воротам. Однако все это еще очень примитивно, и, что главное, вы, по-моему, легкомысленно относитесь к футболу, который так любите… Вы должны понимать, что каждый вид спорта, и тем более такой трудный, как футбол, требует прежде всего серьезного к себе отношения, упорной, старательной тренировочной работы. Скажите правду, ведь вы всегда так начинаете ваши футбольные занятия? Я имею в виду — с игры в двое ворот? И больше ничего? Вот это и плохо“».

Оказывается, Иван Сергеевич прежде играл в футбол, участвовал в крупных соревнованиях. Он и посоветовал ребятам, если они действительно хотят стать настоящими спортсменами-футболистами, больше тренироваться и реже устраивать нескончаемые состязания.

«Физкультурники вы неплохие, — говорил преподаватель, — это я знаю. И, конечно, разностороннее физическое развитие, которое вы получаете на занятиях в школе, поможет вам быстрее и успешнее научиться играть в футбол. Но этих занятий еще мало. Вам надо тренироваться на поле и вне поля. На поле, то есть пока на этом пустыре, вы сможете каждый

день, постепенно увеличивая нагрузку, учиться бить по воротам, передавать друг другу мяч, осваивать технику. Но это не всё. Очень хорошо, если вы каждое свое занятие будете начинать с разминки — небольшой пробежки, а потом гимнастических упражнений. Для здоровья вредно, когда мы наш организм сразу после состояния покоя заставляем бурно работать. Тут нужна постепенность. А ее нет, если вы сразу начинаете играть в двое ворот. Так можно и здоровье испортить. Делайте пробежки, обязательно занимайтесь утренней гимнастикой, не забывайте и других видов спорта. Следует, конечно, и поиграть в двое ворот. Но старайтесь играть, во-первых, после разминки, а не так сразу. А во-вторых, ограничивайте все-таки время игры. Ну, скажем, час, с перерывом».

Мальчишки внимательно слушали Ивана Сергеевича. Нашелся кое-кто из ребят, кому показались пустой затеей все эти тренировки и разминки. Куда веселее просто поиграть в свое удовольствие! Но кто был посерьезнее, безоговорочно приняли предложенный преподавателем план занятий. Любопытно, что в их числе оказались братья Жарковы — Георгий, Василий и Виктор, ставшие впоследствии известными футболистами и родственниками Григория Ивановича, женившегося на их сестре.

Сам Гриша сразу стал горячим сторонником такого «правильного футбола». «Начали мы еще старательнее заниматься физкультурой в школе. На нашем пустыре ввели твердое расписание „футбольного дня“».

Район на район

В первый раз на настоящее футбольное поле Григорий вышел, став учеником ФЗУ (фабрично-заводского училища). Он начал играть в юношеской команде футбольного коллектива фабрики.

Глуховские футболисты были хорошо известны в округе. Не раз выигрывало Глухово первенство района. Успешно играли глуховцы с известными московскими командами и лучшими футбольными коллективами Богородска, Павловского Посада.

«Мне было шестнадцать лет, когда я стал играть за команду взрослых. Хорошо помню, каким трудным был для меня первый футбольный экзамен. Мы, молодежь, бывали на всех играх, в которых участвовали взрослые футболисты нашего комбината. Каждый из нас становился в такие дни „оруженосцем“ одного из игроков, то есть носил на стадион и обратно чемоданчик с его футбольными принадлежностями. Шли большой группой, причем самыми серьезными и солидными старались быть мы,

ребята; придя на стадион, располагались за воротами. Это было наше законное место. На тренировке, перед игрой, бегали за мячами, когда они вылетали за линию поля, во время игры отчаянно „болели“ за своих, взрываясь радостными криками всякий раз, когда наши забивали гол. Отсюда, из-за ворот, поле казалось особенно большим, а игра интересной и чрезвычайно трудной.

Однажды в середине лета вторая команда комбината направилась на игру с футболистами „Электростали“. Предстояло пройти километров восемь. Конечно, мы отправились вместе со старшими, несли, как всегда, чемоданчики и обсуждали предстоящую встречу.

Перед игрой заняли свои места за воротами. Вдруг слышу, кто-то меня зовет из раздевалки: „Гриша Федотов!“ Пошел я в раздевалку. Думал, по правде сказать, что сейчас пошлют меня обратно в Глухово, забыли, наверно, что-нибудь! Перспектива не из приятных: жара, пыль и все-таки немалый конец, если туда и обратно…

Вхожу в раздевалку, слышу, футболисты о чем-то говорят между собой, упоминают мое имя. Все они уже почти готовы к игре, дошнуровывают бутсы. „Что ж, — говорит капитан. — Попробуем!“ Оглядывает меня, словно в первый раз видит. И вдруг говорит: „Одевайся!..“ Растерянно смотрю кругом. Вижу, кто-то протягивает мне футболку, трусы, бутсы.

„Примерь, хороши ли? Только, Гриша, побыстрей. Пора выходить! Не робей, Гриша!“ Не помню, как вышел на поле. Знаю только, что бежал в цепочке последним — самым маленьким был.

Потом началось состязание. Меня тогда поставили играть левым полусредним. Как только наш центральный нападающий сделал первый удар по мячу, я успокоился. Ну не совсем, конечно! Волновался на протяжении всей игры. Но волновался иначе, думал только об одном: как сыграть лучше, как сделать так, чтобы не подвести своих.

За технику я не очень беспокоился. Знал, техника у меня есть. Помню, когда полузащитник передал мне мяч, на меня налетел с небрежным видом центральный полузащитник противника, думая, что тут ему трудиться не придется. Крепко обманул я его тогда! Даже сейчас весело вспомнить! Сделал обманное движение, другое. Он туда, сюда. Смотрю — остался где-то сзади, лежит. А я с мячом — вперед!

И тут случилось нечто такое, что и вовсе ободрило меня. Счет все еще был 0:0. Игра шла ровно, но, надо сказать, электрозаводцы больше атаковали нас. Но вот игра перешла к штрафной площадке противника. Хорошо прошел по краю наш крайний правый нападения и сильным

ударом послал мяч к воротам. Мяч стремительно летел на высоте примерно метра от земли. Вижу, правый полусредний не успевает к мячу. Центральный нападающий закрыт защитником. Что делать? Доля секунды решает всё! „Эх, — думаю, — была не была, попробую!..“ На редкость хорошо лег мяч на подъем. Удар получился сильный, быстрый, точный. 1:0! Бегу к центру, словно ничего и не случилось. Будто для меня самое обыкновенное дело забивать голы, играя в команде взрослых. В той памятной встрече мне удалось забить еще один гол. Мы выиграли тогда со счетом 4:1».

Окончив ФЗУ, Григорий расстался с родным Глуховом. Переехал в Москву, стал работать токарем по металлу в механическом цехе завода «Серп и Молот». Молодой человек не только работал, но и учился. Поступил в техникум, открытый при заводе. Занимался по вечерам, много работал дома над заданиями.

Против басков

Завод «Серп и Молот» уже тогда был крупнейшим предприятием, металлургическим гигантом. Широко известен в Москве был и физкультурный коллектив «Серпа и Молота». На стадионе на Земляном Валу каждый день тренировались баскетболисты, волейболисты, легкоатлеты, городошники. Футбольная команда выступала на первенстве Москвы по первой группе. Поступив на завод, Федотов сейчас же записался в футбольную секцию. С нетерпением ждал первой тренировки на стадионе. Имея некоторый футбольный опыт, хотел проверить свои силы.

«Я очень старался. Внимательно присмотревшись к моей игре, тренер Владимир Георгиевич Блинков сказал, что думает со временем зачислить меня в состав первой команды. Он похвалил мою технику. Меня это очень порадовало. Значит, оказалась неплохой подготовка в Глухове! Однако сыграть за первую команду „Серпа и Молота“ мне удалось не скоро. Примерно половина календарных встреч была проведена коллективом, когда, наконец, Блинков, подойдя ко мне после очередной тренировки, сказал:

— Ну, Гриша, готовься. В это воскресенье выйдешь на поле!

В воскресенье? Но ведь в этот день предстояла игра с динамовцами!

— Вы не ошиблись, Владимир Георгиевич? — переспросил я. — Ведь игра-то, кажется, будет с „Динамо“?

— Знаю, Гриша. Ты, может быть, не хочешь играть? Чувствуешь себя неуверенно?

— Нет, что вы! — взволновался я.

— Тогда готовься!..»

Дебют получился не вполне успешным. Что объяснимо — от станка и сразу в команду мастеров, да еще каких! За «Динамо» тогда играли Михаил Якушин, Федор Селин, Сергей Ильин, Владимир Смирнов. «Металлург» проиграл. А Федотов упустил выгодный момент. Замешкался с ударом…

Григорий тяжело переживал неудачу: «Учиться надо было мне игре и учиться. Это я понял. И совсем не обиделся, когда Владимир Георгиевич Блинков сказал мне на очередной тренировке: „Придется тебе, Гриша, немного посидеть в запасе. Мы твердо верим в твое хорошее спортивное будущее. Но сейчас для тебя же лучше не спешить“. Со мной поступили правильно. Испытав меня, верно оценив положительные качества и ошибки, коллектив и тренер начали со мной серьезную, кропотливую воспитательную работу. Я очень благодарен товарищам за всё то, что они сделали для меня тогда, в самое ответственное время формирования характера, взглядов, мастерства молодого спортсмена. Очень хотелось выйти на поле в составе одиннадцати игроков команды „Серпа и Молота“. Бежать к центровому кругу, слыша, как приветственным гулом встречает команду стадион. Хотелось быть не на скамейке у ворот, а там, на поле, в самом центре событий напряженной встречи со „Спартаком“, „Динамо“, командой армейских футболистов.

Но, тоскуя по мячу, сидя на скамейке запасным, я знал, что это ненадолго, что от меня, только от меня зависит ускорить момент, когда тренер скажет: „Итак, Гриша, завтра ты играешь!..“ Велась упорная тренировочная работа. В команде все относились ко мне хорошо, тепло. Каждый старался помочь советом, показом, критикой».

Работа на тренировках не прошла даром. Григорий Федотов стал ведущим игроком «Металлурга» (так называлась заводская команда). А вскоре светловолосого паренька с завода «Серп и Молот» узнала вся футбольная Москва. Одним из первых разглядел в Федотове недюжинный футбольный талант Николай Петрович Старостин. Вот как он позже вспоминал об этом:

«Весна 1937 года. Спартаковцы традиционно перед играми ездили в Сандуновские бани. Однажды, приехав туда, я увидел в парной на полке Константина Блинкова. Это была одна из самых замечательных фигур в футболе 20-х годов — центральный полузащитник сборной Москвы. Он относился к разряду тех, кто безошибочно оценивал возможности игроков.

Пожалуй, лишь Петр Исаков мог позже составить ему конкуренцию. Блинков мне и говорит:

— Николай, я привез в „Серп и Молот“ настоящую звезду.

— Кого ты, Костя, привез?

— Ничего подобного в футболе мы с тобой не видали. Фамилия парня Федотов, он из Ногинска. Если ты его увидишь, ни одной игры с его участием не пропустишь.

Как в воду глядел!

Достаточно мне было дней через десять увидеть Григория Федотова в раздевалке стадиона „Локомотив“, как я с первого же взгляда понял, что это незаурядный игрок. На тренировке он меня покорил, после игры я им бредил.

Дебютант ошеломил знатоков столичного футбола. Всё подкупало в молодом форварде: пружинисто-припадающий бег, мощь, резвость, прыжок и завораживающая манера игры. Перед нами был талант, Шаляпин в футболе.

И он давал концерт за концертом.

Всё, что делал Григорий Федотов на поле, было ново, неожиданно, самобытно. Безукоризненная корректность сочеталась с пламенным стремлением вперед, джентльменство — с результативностью. Его выступления стали приманкой для зрителей. Идешь, бывало, на стадион и ждешь — что еще нового покажет этот игрок?»

Летом 1937 года в СССР приехала сборная Страны Басков. Наши игроки получили прекрасную возможность сразиться с профессионалами — и себя показать, и у других поучиться. Баски провели серию из девяти матчей. Московский «Металлург», в составе которого играл Григорий Федотов, в числе соперников баскской сборной не значился, но Николай Старостин пригласил 21-летнего нападающего усилить состав «Спартака».

Матч со «Спартаком» на стадионе «Динамо» 8 июля был пятым в турне. В четырех предыдущих баски одержали три победы и одну встречу завершили вничью.

«Состязание с басками помню хорошо. Играл я левого крайнего. Вскоре удается выйти к штрафной площадке и мне. Получив мяч, сразу бегу к воротам. Защитник бросается навстречу. Вот они когда пригодились, упорные тренировки на нашем стадионе на Землянке! Делаю быстрое обманное движение корпусом, словно собираюсь метнуться с мячом вправо. Защитник немедленно туда же. Этого мне и надо! Путь к воротам свободен, делаю с мячом рывок. Смотрю, прикидываю, передать ли кому-нибудь мяч или бить по воротам самому?.. О защитнике, оставшемся сзади,

помню, но не очень о нем беспокоюсь, — не догонит. Впереди, теперь совсем близко, приготовился к прыжку вратарь. Рассчитываю, что если бить сразу, он сможет отбить или взять мяч. Делаю вид, что хочу передать мяч в центр. Вратарь слегка перемещается ближе к середине ворот, не уверенный еще в истинности моих намерений. И тут — удар! Мяч проходит как раз рядом со штангой. Мяч в воротах! Первый мой мяч, забитый в международной встрече!»

Поскромничал Григорий Иванович. Первый мяч в ворота басков был исключительным по красоте, ибо был забит с острейшего, практически нулевого угла обводящим ударом, называемым еще «сухой лист». Еще раз обратимся к воспоминаниям Николая Старостина:

«Я уже говорил, что в свое время не мог налюбоваться игрой Григория Федотова. Не в том дело, что он забивал имевшие дорогую цену голы, и даже не в том, что, наблюдая за ним, нельзя было не испытывать эстетического удовольствия. Федотов надолго предвосхитил футбол будущего, внес в игру столько нового, сколько не снилось самым прозорливым тренерам.

Еще в довоенное время он с безошибочной разумностью, непринужденно действовал согласно требованиям обстановки, умел сыграть либо индивидуально, либо строго в командных интересах. С ним все партнеры играли хорошо, во всяком случае, лучше, чем в его отсутствие… Он первым в нашем футболе начал забивать мячи головой в нападении. Стал постоянно пользоваться резаными ударами, когда о „сухом листе“ никто и понятия не имел. У него был оригинальнейший бег, он бежал не выпрямляясь, а как бы приседая, и, чем более всего обескураживал защитников, неуловимо менял скорость: разгонится, приостановится и снова рванется».

Тот матч спартаковцы выиграли 6:2, и эта победа стала самым ярким событием турне. А гол Федотова в ворота Грегорио Бласко стал украшением матча. Очевидцы потом рассказывали об этом чудо-ударе. Так молодой футболист становился легендарной личностью.

Вот рассказ нападающего еще об одном его голе — из тех, о которых упомянул Н. П. Старостин:

«Нам удалось выиграть с крупным счетом (4:0) встречу с московским „Спартаком“, победителем осеннего первенства 1936 года. Мне кажется, что в этой игре „Спартак“ потерпел, так сказать, психологическое поражение. В этой встрече мне тоже удалось забить гол. Играл я теперь прочно на левом краю. Команда решила, что здесь я принесу больше пользы. Решила правильно — выйдя на простор края, я сразу почувствовал

себя свободнее. Был я выносли в, владел техникой, игру понимал, научился правильно оценивать обстановку на поле, а главное, следуя советам товарищей, все время искал в игре новое, и мне удавалось, играя на левом краю, в трудном единоборстве с защитой найти кое-что одобренное командой. Вопреки существовавшему обычаю подавать мяч на ворота издалека, с края, я попробовал, обманув „опекуна“, сам продвигаться с мячом вдоль линии ворот к штрафной площадке. Защитники оказались в некотором недоумении. Выходить ли им мне навстречу или продолжать держать своих опекаемых? Растерянность в защите позволяла мне подходить близко к воротам. Если же кто-нибудь из защитников выбегал навстречу, я быстро передавал мяч своему партнеру, оказавшемуся свободным от опеки. В состязании со спартаковцами один из мячей мне случилось забить головой в броске. Для меня такой удар тоже был новинкой, найденной почти случайно. Мяч летел вдоль ворот так, что я никак не успевал достать его ногой. Времени терять было нельзя. Я бросился головой вперед, пролетел „рыбкой“, и мяч, к моему удивлению, оказался в сетке».

«Металлург» стал победителем первого круга чемпионата СССР 1937 года. Но второй круг заводская команда провела не столь успешно и финишировала пятой. Федотов, опять же в составе «Спартака», стал победителем Рабочей олимпиады в Антверпене и Кубка мира для рабочих команд в Париже. «Этот виртуоз с лицом васнецовского Иванушки стал бы бесценным украшением любой сильнейшей профессиональной команды мира», — писала французская пресса под впечатлением от игры Григория. Конечно, украсить сильнейший профессиональный клуб мира Григорий Федотов в ту пору не мог. Но на родине за нападающего «Металлурга» началась нешуточная борьба.

Николай Петрович Старостин очень хотел видеть Григория в «Спартаке». «К папе в Глухово приезжал Николай Старостин. Отец играл за команду „Металлург“ завода „Серп и Молот“, но Николай Петрович хотел пригласить его в „Спартак“. Не получилось, армейцы перехватили… Тогда всё решалось просто: призывали на действительную службу и определяли либо в ЦДКА, либо в „Динамо“. При иных обстоятельствах папа вполне мог оказаться в рядах красно-белых, мне даже кажется, его манера игры больше подходила под спартаковский стиль. Впрочем, сейчас поздно об этом гадать, все случилось, как случилось», — вспоминал сын Григория Ивановича, Владимир Григорьевич Федотов, также замечательный футболист и тренер.

В ЦДКА

Весной 1938 года Григорий Федотов был призван в Красную армию. ЦДКА неудачно выступил в первых трех чемпионатах СССР, и в Наркомате обороны решили в срочном порядке усилить ведомственную команду. Как свидетельствовали те, кто знал Григория Ивановича, душа у него не лежала к новой команде. Но в своем переходе нападающий видел прежде всего призыв в армию.

«Настала в моей жизни новая пора. Когда я думаю об этом времени сейчас, первое, что вспоминается мне, это крепкая дружба молодежи, пришедшей в солдатское общежитие. Незнакомые прежде, мы сразу нашли общий язык, общие интересы. Общность цели объединила нас… Мы старались быть дисциплинированными солдатами, внимательными слушателями на занятиях. Как когда-то в детстве хорошо становилось на душе от похвалы учителя в школе, так теперь целый день, бывало, ходишь радостным, если скупой на слова командир скажет после строевой учебы или политбеседы: „Неплохо для начала, красноармеец Григорий Федотов!“».

В новом коллективе Федотов сразу стал лидером. В чемпионате-38 он забил 19 мячей, уступив всего один гол лучшему снайперу первенства киевскому динамовцу Макару Гончаренко. С приходом бомбардира прибавил и армейский клуб. ЦДКА финишировал вторым, уступив только московскому «Спартаку». В чемпионатах 1939 и 1940 годов Федотов становился самым метким, забив по 21 мячу.

Григорий, точнее, Григорий Иванович — так молодого футболиста называли даже пожилые болельщики, — вырос в сильнейшего нападающего той поры. Казалось, что в игре для него нет секретов и как ни опекай Федотова, он непременно забьет. Сам же Григорий Иванович объяснял свою результативность исключительно трудолюбием и усердной работой на тренировках:

«Как же мне удавалось забивать мячи? Должен снова сказать, что готовых решений здесь также нет, да и быть не может. Много мне удалось забить мячей, и, пожалуй, все они были забиты в различной обстановке и по-разному. Самое же основное, мне думается, это всё то же умение хорошо видеть игру на поле, понимать, предугадывать развитие игры, действия своих противников и своих партнеров, стараться быть разнообразным в своих атакующих действиях, с тем чтобы к тебе не привыкали „опекуны“. И решительность. Условие важнейшее. Владея

хорошей техникой, ударами с обеих ног, пониманием игры, можно всегда найти брешь в защите ворот, обмануть своего „опекуна“, выйти с честью из трудного поединка с вратарем. Конечно, важно быть морально стойким. Ведь действительно очень трудно забить мяч. Всегда немного волнуешься, когда приходит мгновение удара по воротам. Уверенность в себе необходима. Нападающий всегда должен помнить о своей личной ответственности за усилия своего коллектива. Так меня учили, в таком духе воспитывали. Я, бывало, ночью плохо спал после встречи на поле, во время которой допустил ошибку, упустил возможность забить гол. Ворочаешься с боку на бок, думаешь: „Ну как же так все это случилось?.. Ведь мог же ударить по воротам, чего испугался, зачем отдал мяч другому, зачем медлил?“ Пока не поймешь как следует, отчего произошла ошибка, не уснешь. А когда поймешь — урок на будущее. Ошибка не повторится, прочувствовал ее, пережил глубоко».

В 1940 году в жизни Григория Ивановича произошло знаменательное событие — он женился на своей землячке Валентине Ивановне Жарковой. И футбол тут сыграл не последнюю роль — ведь родные братья Валентины Ивановны Василий, Виктор и Георгий играли с Григорием еще за «красноармейцев». Впоследствии они стали известными футболистами, выступали за «Торпедо». Сама Валентина Ивановна тоже была неплохой спортсменкой — увлекалась гимнастикой, играла в волейбол, лучше всех каталась на коньках. И сын Федотовых Владимир, родившийся в 1943 году, также стал спортсменом — нападающим ЦСКА и сборной СССР, впоследствии известным тренером.

Но чемпионский титул армейцам так и не покорился — третье и четвертое места соответственно. Однако вырисовывались контуры будущей «команды лейтенантов» — ЦДКА второй половины сороковых годов.

«В этот период в нашу армейскую команду пришли молодые футболисты — Алексей Гринин, Владимир Никаноров, Валентин Николаев, Александр Прохоров и другие. Все они были значкистами ГТО, и у каждого за плечами оказался пусть еще небольшой, но боевой стаж футбольных поединков в юношеских командах. Владимир Никаноров, молодой силач, кстати сказать, хороший борец, занял место в воротах. Уже на первой тренировке он показал себя замечательным вратарем! Его внешне простая, без всякой рисовки игра была, быть может, не столь эффектна, но зато надежна. Алексей Гринин оказался полезнейшим для коллектива игроком, настоящим правым крайним нападения нового типа. Наше нападение получило хорошее пополнение и в лице Валентина Николаева. Техничный, с огоньком, на редкость работоспособный, с

хорошо отработанными ударами с обеих ног, молодой полусредний сразу прочно занял место в нашей пятерке. В защиту пришел Александр Прохоров, цепкий, неутомимый, способный наглухо закрыть любого нападающего… В такой атмосфере постоянных поисков нового рос и формировался и я в числе других молодых футболистов. Пришло время, и я перешел с места левого крайнего в центр нашей пятерки нападающих. Так решили команда и тренер. Не скрою, было приятно, что коллектив доверил мне такое ответственное место. Но сумею ли я оправдать оказанное доверие?»

Сумел. И еще как. Но осенью 1940 года Григория Ивановича поджидала тяжелейшая травма, едва не сломавшая его карьеру. 27 октября, во время матча со «Спартаком», кто-то из спартаковских защитников схватил его за руку. Рывок был столь силен, что рука выскочила из сустава и повисла как плеть. Всю зиму Федотов залечивал это повреждение. Но окончательно рука не восстановилась. Даже после войны Григорий Иванович играл с тугой повязкой и старался избегать столкновений.

Много надежд у ЦДКА и его лидера было связано с чемпионатом 1941 года. Но все планы перечеркнула война. Будучи военнослужащим, Григорий Федотов, как и большинство игроков армейского клуба, сменил спортивную форму на военную. На фронт футболистов ЦДКА не отправляли, они несли службу в тылу. Федотов занимался эвакуацией раненых в тыл. Но даже в эти суровые годы Великой Отечественной войны находилось время и для любимой игры.

В короткие часы досуга молодежь шла на стадионы, тренировалась, участвовала в соревнованиях — с тем чтобы сразу после финиша на беговой дорожке или завершения футбольной встречи вернуться в цех, к занятиям на пункте всевобуча.

В 1944 году в Москве в первый раз за годы войны прошло крупное спортивное соревнование — розыгрыш Кубка СССР по футболу. В турнире приняли участие 24 команды из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Харькова, Горького, Иванова, Батуми, Новосибирска, Баку и других городов. «Встречаясь с товарищами, мы узнавали, что многие из тех, кого мы знали, с кем играли, оспаривая победы на поле, еще продолжают боевой путь на запад по разбитым снарядами дорогам войны. Много новых, молодых, еще незнакомых лиц замечали мы в старых футбольных коллективах. Пополнился наш футбол молодежью. Как-то она себя покажет? Сумеет ли сохранить и развивать дальше найденное за долгие годы совместных наших исканий?» ЦДКА Григория Федотова дошел до финала, где уступил «Зениту» из Ленинграда — города, совсем недавно

пережившего страшную блокаду.

Ну а после войны страна вернулась к мирной жизни, одним из атрибутов которой стал футбол. За четыре года люди так соскучились по этой игре! Трибуны стадиона «Динамо» во время матчей не могли вместить всех желающих.

Армейская пятерка Аркадьева

Первые послевоенные чемпионаты — это в первую очередь противостояние ЦДКА и «Динамо», противостояние двух великих тренеров — Бориса Аркадьева и Михаила Якушина и плеяды замечательных игроков. Линия нападения армейского клуба — Владимир Демин, Григорий Федотов, Всеволод Бобров, Валентин Николаев, Алексей Гринин — была сильнейшей в стране. Федотов — самый старший и самый опытный в этой пятерке, за его плечами огромный довоенный опыт.

Борис Аркадьев применил тактическую новинку — использовал сдвоенный центр нападения. Бобров был выдвинут вперед, Федотов действовал чуть позади. Григорий Иванович слегка отошел в тень Всеволода Боброва и проявил себя не только бомбардиром, но и распасовщиком, организатором атак. Кроме того, он не чурался и оборонительной работы. Зачастую атаки соперника прерывались еще в середине поля капитаном «команды лейтенантов».

«Признаться, — вспоминал в своей книге „Самый интересный матч“ Всеволод Бобров, — я растерялся, когда увидел его на первой тренировке. „Неужели он будет заниматься с нами?“ — мелькнула мысль. Да, Григорий Иванович работал вместе с нами. Да еще как работал! Он заряжал всех своим трудолюбием, своей страстью к труду, пусть даже не к очень веселому упражнению. Прошли положенные два с половиной часа. Мокрые, усталые, направлялись мы в душ. Вдруг я почувствовал на плече чью-то руку. Оглянулся: Федотов. „Давай-ка побьем Никанорову, а?“ — попросил он. Нужно ли говорить, что такое предложение было для меня большой честью и что я, конечно, остался. И еще добрых полчаса оставался на стадионе знаменитый форвард».

Несмотря на новые функции, Федотов оставался грозным нападающим. Забивал немало. В пяти послевоенных чемпионатах он только однажды, в 1947 году, забил меньше десяти мячей — семь. В 1948 году Григорий Иванович первым из наших футболистов покорил рубеж в 100 голов. Он тогда и не думал, что через много лет клуб бомбардиров,

забивших 100 и более мячей, назовут его именем.

Впервые ЦДКА стал чемпионом страны в 1946 году. Через год динамовцы вернули себе звание первой команды страны. Но в 1948 и 1949 годах победы в первенстве снова праздновали армейцы. В 1945-м и 1948-м капитан ЦДКА Григорий Федотов поднимал над головой хрустальный Кубок СССР.

А по окончании сезона-49 Григорий Иванович решил завершить выступления. В 33 года. Рано? Недоиграл? Может быть. Но травмы измучили его. Григорий Иванович никогда не жаловался на здоровье, не говорил худого слова о защитниках, не щадивших его. Играть на прежнем уровне Федотов уже не мог, а опускаться ниже установленного собой же высокого уровня не хотел. Кроме того, великолепный армейский коллектив стал понемногу рассыпаться. Всеволод Бобров не смог отказать Василию Сталину и перешел в команду ВВС. Григорий же Иванович не видел себя в ином коллективе. Он уже сроднился с ЦДКА. Вот и принял непростое для себя решение.

Завершив выступления, Григорий Федотов остался в футболе. Тренировал армейских дублеров, работал помощником у Бориса Аркадьева, затем у Григория Пинаичева. Мечтал о должности главного тренера, но в ЦДСА (таким стало новое название армейского клуба) были иного мнения. Более того, в ноябре 1957 года армейцы решили расстаться с Григорием Ивановичем. Причем сам Федотов случайно узнал об этом.

Преждевременная кончина знаменитого футболиста окутана мистикой. Осенью 57-го Федотов вместе с женой проходил мимо Новодевичьего кладбища. Вдруг его лицо погрустнело, и он, словно предчувствуя недоброе, сказал жене: «Нет, вся эта пышность не для нас. И если я умру, похорони меня на родине».

Через месяц с небольшим Григорий Иванович отправился в Тбилиси. Выражаясь современным языком, по делам селекционным — просматривать потенциальных новичков для армейского клуба. Он не хотел ехать в эту командировку, словно предчувствовал что-то недоброе. И находясь в Тбилиси, получил телеграмму о своем увольнении из ЦДСА.

«Григория Ивановича от обид никто предохранить не мог, — писал в своей книге „Вижу поле“ Стрельцов. — Помню, как получил он в Тбилиси телеграмму, где сообщали, что он освобожден от должности второго тренера. Не забуду, какое лицо у него было тогда». Кто подписывал эту телеграмму, так и осталось неизвестным. Григорий Иванович сильно простыл. В поезде ему стало хуже. Когда он приехал в Москву, спасти его уже не было никакой возможности.

8 декабря 1957 года Григорий Иванович Федотов умер на 42-м году жизни. Вскрытие показало воспаление легких. На одном легком не было живого места.

Владимир Григорьевич Федотов вспоминал, что отец подхватил вирус еще в Москве. Сначала заболел сын, потом Валентина Ивановна, а Григорий Иванович ухаживал за обоими и заразился. Но переносил болезнь на ногах, толком не лечился. Только пошел на поправку — и вот эта злосчастная и, как выяснилось, никому не нужная командировка. Стресс, обида на клуб тоже дали о себе знать. Узнав об увольнении Федотова, в Тбилиси вылетел Николай Петрович Старостин. Он хотел предложить Григорию Ивановичу пост главного тренера «Спартака». Но, как видим, и в этот раз приход Григория Федотова в «Спартак» не состоялся. Валентина Ивановна вспоминала потом: «Старостин приехал в Тбилиси: „Где Федотов?“ — „Да уже три дня его не видно“. Он — в гостиницу. Взломали дверь — Гриша лежит на полу. Вызвали врача, который поставил диагноз: „Грипп“. Обычный грипп. Взяли Федотова в поезд, положили на верхнюю полку, дали выпить, чтобы пропотел, ну, в общем, сделали всё, что делают в таких случаях».

И хотя сам Григорий Иванович хотел, чтобы его похоронили на родине, в Глухове, свой последний приют он нашел-таки на Новодевичьем кладбище. Федотов стал первым футболистом, похороненным в самом престижном некрополе страны.

Валентина Федотова: «Он так любил жизнь…»

Интервью у вдовы футболиста было взято в 1992 году.

Таких слов, как «гений», «мастер», «король», она не употребляла. И соответствующих эпитетов тоже. Могла бы? Наверное. Валентина Ивановна Федотова рассказывала о муже, словно и не было долгих лет ее одиночества, словно совсем скоро, вот-вот, он вернется с работы и поспеет к ужину. Она рассказывала о прошлом так, как это сделала бы любая женщина, счастье которой осталось там, в том самом прошлом, завешанном для нас мифами и легендами книжных полуправд. Она и по сей день жила в нем и не скрывала этого. Могло ли быть по-другому?

У самовара я и моя Маша

— Постойте, в каком это классе я училась тогда? 1936 год… Ну конечно, в восьмом. Между прочим, в Ногинске, откуда мы с Гришей родом, спортом тогда вся молодежь увлекалась. Вот как-то после легкоатлетических соревнований (а я хорошо тогда выступила, несколько первых мест взяла) собираюсь домой и слышу: музыка в школе играет. Петр Лещенко поет: «У самовара я и моя Маша…» Поднялась в зал, народу полно, вдруг подходит ко мне молодой человек, предлагает присесть на его место. Застенчиво так. Ну, конечно, тут же, на вечере, подружки мне всё о нем рассказали. Григорий Федотов, здешний уже известный футболист. И пластинки, кстати сказать, его были. А он подошел и вежливо попросил разрешения проводить меня до дома. Вот так мы с ним познакомились. Он тогда за «Металлург» выступал и после каждой игры приезжал на свидание. Потом мне Борис Андреевич Аркадьев, смеясь, рассказывал: «Ну, Валя, бывало, после игры Федотова не найдешь. Только с поля ушли, все еще водичку пьют, синяки рассматривают, а Гриши след простыл. Я брови хмурил и вопрошал у ребят: „Что, опять убежал к своей „школке““?!»

Помню, приезжает однажды расстроенный: «Валя, меня в армию призывают, Аркадьев в ЦДКА зовет». Очень ему не хотелось из команды уходить, ребята, говорит, такие хорошие. Но это был его первый и последний переход, а ведь кто только не звал…

Звонок в дверь

Собирались мы с ним хорошо провести отпуск, к морю поехали. Трудный был год — 1952-й, разогнали ЦДСА, ходили слухи о возможных арестах известных спортсменов. Гриша уже не играл, определенного положения не имел. Кажется, вторым тренером его хотели назначить, не помню точно. Настроение, словом, не из лучших. Он все происходящее близко к сердцу принимал, не мог иначе, и вот однажды — звонок в дверь. Чужой звонок. Открываю: двое в штатском стоят. «Собирайтесь. Вещи не берите. Да, вдвоем». Какие там вопросы в то время.

Сажают в самолет, летим в Москву. На аэродроме ждал нас черный автомобиль… И оказались мы вскоре прямехонько перед очами Василия Сталина. Стол накрыт, и пошли уговоры — перейти Грише в ВВС старшим тренером. А он улучил минутку и шепчет мне: «Будут чего предлагать — не соглашайся!» И точно, отзывает меня Сталин в сторонку. «Валя, — говорит, — я вам свою дачу подарю, посодействуй». Вот ведь когда время шло незаметно: то ли бежало, то ли едва плелось. А Гриша ни в какую. А ведь кто только тогда в ВВС не перешел… Последнюю фразу Василия до сих пор помню от слова до слова. Слушал он, слушал, молчал, а потом как жахнет кулаком по столу: «Ну, ступай, черт! Если бы я тебя так не любил, как безумно люблю… Езжайте отдыхать, а передумаешь — позвони, слышишь? Дача — твоя».

Мы с тобой и так проживем

Не выносил он подарков с чужого стола. И щепетильность эта с ним от рождения. Бывало много раз, перед очередным приемом после победы в чемпионате или Кубке, подбежит, улыбнется и скажет тихонько: «Валечка, будут они разное предлагать. Не бери ничего. Мы с тобой и так проживем. Ладно?» А когда стали у всех после смерти Сталина подарки отбирать, Гриша смеялся: «Вот видишь, а у нас и взять-то нечего». Бессребреник был, даже популярности своей стеснялся. Всегда, помню, идет, голову в плечи втянет, лицо к земле опустит, ворот пиджака поднимет, шапки-невидимки только и недостает. Стеснялся известности. «Боже сохрани, Валя, чтобы тебе, как жене Федотова, какие-то привилегии… В магазине там или еще где…» Кто мне только не советовал — копить, откладывать, отложить на потом, не могло этого получиться. Мы с ним иначе жили, не загадывая и не откладывая, может, потому, что очень любили друг друга, не ссорились никогда. За 17 лет — ни разу.

Русский Иванушка

Запомнилось мне то выражение французской прессы. Подходит к нему очень. Ведь Гриша, как на поле, так и в жизни, совершенно не умел отмахнуться, огрызнуться в ответ, словно и не знал вовсе, что такое злоба. Переживал всё глубоко в себе, вида не показывал, что больно. Вы про его руку знаете?.. Привез он меня в Москву после эвакуации, открывает замок квартирный, толкает дверь рукой, а сам морщится от боли. И во сне она у него часто болела. А случилось это еще до войны. Он шел на верховой мяч, поданный с угла, прыгнул, а защитник схватил его за кисть и резко вниз дернул. Унесли Гришу с поля, а того костолома судить хотели. Но Гриша против был: мол, не хулиганство это, так, в горячке игры. А руку так и не смогли толком вылечить. Про ноги я уж не говорю, на них живого места не было.

…После очередной игры ребята часто у нас собирались. Обсуждали матч, ужинали. Валя Николаев в кухню зайдет, спросит: «Что, Валя, неужели всё съели? Ну, поджарь нам тогда яичницу из двадцати яиц. Глазунью, а?» Жарю и слышу, кто-то Гришу спрашивает, чего он в таком-то моменте сам-то не забил, зачем уступил другому. «Да молодой же он, ему этот гол нужнее», — сколько раз я такой ответ слышала.

Вообще он в компании особой разговорчивостью не отличался, но если говорил, то все сами собой замолкали. Хорошая та команда была, да и в целом умели тогда люди дружить… Брат мой, Георгий Жарков, популярный торпедовский игрок, в Грише души не чаял, хотя вначале, должна признаться, был против нашего брака, считал, что мы очень разные. Средний брат мой, Василий, Гришу просто боготворил. Сейчас эти слова вышли из употребления, да? Но так было, именно так, а не иначе. Василия, кстати, все звали «майором». Знаете, почему? Он, проходя службу в армии, одно время был на сборах вместе с армейскими футболистами. И вот, сидя на лавочке после тренировки, видят ребята незнакомого старшину. Тот с деловым видом спрашивает: кто, мол, тут у вас старший? А Григорий Иванович вполне серьезно на Васю показывает и говорит: «Вот — товарищ майор». Старшина, конечно, навытяжку, ребята — в смех.

Помню, Вася однажды забил ЦДКА прямо с углового. С тех пор Гриша над ним частенько подтрунивал: «Василий! Слышишь, майор? Я тебе тысячу раз мячик на корнер поставлю, ни разу в ворота не попадешь». Сколько раз «Торпедо» с ЦДКА играли, Жарковы выходили против Федотова, но разве мог кто-то помыслить о договорной игре?! Разве мы

знали, что придет время и люди опустятся до такой низости?

Смерть

Из Тбилиси его привезли Старостины. Команда была за границей, а его не взяли, ходили слухи, что собираются снять с должности второго тренера. А в Тбилиси направили молодых игроков посмотреть. Вошел он — и в ванную, всегда после любой поездки так поступал, за чистотой, здоровьем следил очень тщательно. Даже мнителен был, чуть холодный ветер подует, тут же шарф ищет горло укутать. Раздевается, а сам в зеркало смотрит.

Вижу — бледнеет на глазах. Как снег, белый стоит. Я собралась за аллохолом сбегать (у него часто в те годы печень болела), а он взмолился: не уходи! И врача запретил вызывать.

Я потихоньку к соседке — «скорую» вызвала, сына Володьку (ему четырнадцать было) в аптеку отправила, грелку приготовила. Мы все тогда вирусным гриппом переболели, а Гриша за нами ухаживал. Ну, думаю, теперь у него началось. А у него ноги холодные, пот выступил. «Скорой» в помине нет. Побежала я врача по дому искать, потом шприц, лекарства. Пришла, а он не дышит уже. Потом кто только не приходил, да ни к чему было. В истерике только и запомнила слова кого-то из армейских начальников: «Эх, Валентина Ивановна, не знаете вы, сколько интриг в последнее время вокруг Гриши плелось. Берег он вас, не говорил…»

Не могла поверить, что он умер. Приехал, вошел в дверь — и умер. Потом уже вызывал меня Гречко, официальный диагноз показывал, говорил, что одно легкое у Гриши совсем оторвалось…

Я знала только, как ему в последнее время было плохо. Так и стоит перед глазами: смотрит он в газету, будто читает, а она вверх ногами раскрыта. И накануне сон мне приснился. Вхожу я в бассейн и вижу — на дне мужчина лежит. А рубашка на нем Гришина, новая.

Он так просил меня не уходить, просил, пока говорить мог.

*

Однажды самолет с футболистами ЦДКА вдруг потерял управление, возникла угроза катастрофы. Григорий Федотов достал из кармана пиджака ручку, вырвал из блокнота лист бумаги и торопливо начал писать ей

прощальное письмо. Потом этот случай они вспоминали с улыбкой, как с улыбкой вспоминали неожиданное (после четырех-то лет знакомства!) предложение руки и сердца, как тепло вспоминали первое свое жилье на улице Машиностроения, полученное с легкой руки самого Лихачева, как вообще вспоминается счастливое молодое прошлое.

КОНСТАНТИН БЕСКОВ

Входил он в динамовский буфет, и все забежавшие сюда в перерыв ветераны, одноклубники, подопечные, просто знакомые сразу как-то вскакивали, подтягивались, замирали, норовили заслонить рюмку и шумно здоровались, дыша в сторону. Он быстро и хитро оглядывал зал и, ни минуты не колеблясь, приветливо кивая по сторонам, а с кем-то персонально здороваясь за руку, выбирал заветный столик, на ходу соглашаясь с предложенным тут же на скорую руку меню. Он входил в зал так, как, наверное, входил в штабную палатку Суворов — с достоинством победителя. И одет был всегда безукоризненно. И выбрит чисто. Ботиночки так и сверкали… А должности и победы его были ведь уже там — в прошлом.

Белые бутсы

Константин Иванович Бесков родился 18 ноября 1920 года в московской рабочей семье. Жили Бесковы почти на окраине, которой в те годы была Рогожская Застава. Отец Иван Григорьевич трудился на заводе. Уходил рано, возвращался затемно. Анна Михайловна вела хозяйство. Будучи женщиной строгой, даже суровой, Анна Михайловна контролировала каждый шаг Кости. Что и уберегло мальчика от плохих компаний, которых было возле Рогожского рынка немало.

Настоящим праздником для мальчика был приход дяди, Ивана Михайловича. Именно Иван Михайлович познакомил Костю с футболом, взял с собой на матч. «Мне еще не было шести лет, когда дядя Ваня, Иван Михайлович, родной брат матери, казавшийся мне очень пожилым (ему тогда было около тридцати), впервые повел меня на футбол. Точно не скажу, на какой стадион, но в то время большинство стадионов было на одно лицо: никаких трибун, лавочки вдоль игрового поля, а многие зрители смотрели матчи вообще стоя. Публика собралась самая простая, и одеты все просто и вроде бы одинаково: косоворотки, пиджаки, брюки, заправленные в сапоги… В тот первый „мой“ день играла команда „Рускабель“ — не помню, с какой командой; этот матч перевернул всё в моей мальчишеской жизни, в сознании, мировосприятии.

Я был потрясен, поражен, захвачен футболом — несравненным

зрелищем, которое с того дня мог смотреть бесконечно. Защитники били по мячу мощно и гулко, пускали головокружительные „свечки“; форварды чуть ли не прорывали сетки ворот своими пушечными ударами — так мне казалось; голкиперы летали между стойками. И всё это богатырское действо творилось прямо на глазах, и никто не мог предсказать, какая команда победит. В тот вечер я, наверное, и стал футболистом. Потому что уже на следующий день вышел на „платомойку“ (так звался у нас пустырь, где женщины из окрестных домов стирали вещи) и примкнул к сверстникам, гонявшим за сараями резиновый мячик. О настоящем футбольном, с тугой шнуровкой, кожаными долями мяче мы тогда и не мечтали».

Московские пустыри. С них начинали многие знаменитые мастера. В том числе и Бесков. Там он отрабатывал и скорость, и технику, и удар. Не все товарищи Константина стали футболистами, но никто из них не сожалел, что гонял мяч по пыльным пустырям.

Футбол не был единственным увлечением Кости. Он очень любил городки, справедливо считая, что они способствуют развитию меткости, отлично катался на коньках. Даже чересчур отлично, ибо выделывал разные рискованные штучки — цеплялся за борт проезжавшего грузовика и скользил за ним. Как и многие мальчишки с Рогожской Заставы, гонял голубей. Неплохо играл на разных музыкальных инструментах. И все эти увлечения не мешали учебе.

«Пробовал я в то время играть на аккордеоне, выучил двенадцать мелодий, но виртуоз из меня явно не получался. В клубе завода имени Войтовича записался в музыкальный кружок, выбрав себе кларнет. Опять же что-то выходило, но не настолько, чтобы полностью посвятить себя игре на этом инструменте. Отец отправил меня в школу танцев при гостинице „Метрополь“; у них на заводе „Электропровод“ между рабочими распределялись путевки в эту школу, и ему путевку дали, а он — мне.

Танцы пошли у меня резво: чувство ритма вырабатывается у футболистов легко, как бы само собой. Правда, партнерша досталась мне далеко не первоклассная: намного старше меня и к тому же прихрамывавшая… Что ж, трудности только способствовали „оттачиванию техники“ в танго, фокстроте, в вальсе-бостоне, в бальных танцах.

Мать приохотила меня к чтению. Постепенно увлекся книгами, с одинаковой остротой воспринимая и „Войну и мир“, и „Северную повесть“ Паустовского, и „Графа Монте-Кристо“. Взрослея, стал отдавать предпочтение серьезной литературе, классике — так складывался характер. Обстоятельный и взвешенный подход к любому делу и явлению

становился, наверное, свойством натуры. Но юность есть юность, и я отнюдь не чурался приключенческих произведений — в книгах и на киноэкране».

Но все же футбол был главной любовью. Как же счастлив был Костя, когда ему подарили настоящий футбольный мяч! Белый, «из лосевой кожи», как утверждал продавец. «Мне была прочитана маленькая лекция на темы морали, но ради такого подарка я выдержал бы и долгую проповедь. С маминым мячом я почти не расставался. После каждой игры мыл и чистил его, оттирая зеленые пятна, которые оставляла на его коже трава. И все-таки этот мяч не был для меня открытием, поскольку взрослые, приглашая участвовать в их матчах, уже приучили меня к тяжелым футбольным мячам, и это тоже немаловажный штрих, вклад в копилку, которая зовется „владение мячом, или футбольная техника“.

Обычно мы играли улица на улицу. Допустим, наша команда шоссе Энтузиастов — с командой Рабочей улицы, или Старообрядческой, или какой-нибудь Индустриальной. По накалу то были почти международные кубковые матчи. Амплуа не существовало, каждый защищал свои ворота и старался забить мяч в чужие. Между прочим, в обороне мы интуитивно применяли такой современный прием, как коллективный отбор мяча.

Как правило, я забивал больше, чем другие наши нападающие. А случались уличные состязания — до двенадцати мячей в чьи-либо ворота, когда я забивал шесть или семь мячей из этих двенадцати. Да и после, уже выступая за взрослую — четвертую команду 205-го завода (а шел мне тогда четырнадцатый год), забивал больше мячей, чем взрослые футболисты. Когда заводскую команду покинул лучший исполнитель штрафных ударов защитник Константин Громов, эту роль доверили мне, подростку. Рассказываю об этом не из хвастовства, а лишь для того, чтобы подчеркнуть: совершенствуешься тогда, когда целиком посвящаешь себя любимому занятию.

Примерно в те дни я впервые надел собственные бутсы. Мы переехали жить на улицу Школьную, тоже в коммунальную квартиру, но теперь с водопроводом и центральным отоплением, и наш сосед по квартире, горячий почитатель футбола инженер Виктор Булыгин, присмотревшись к моей игре, преподнес вдруг настоящие бутсы, белые с коричневым. Правда, на два размера больше, но я натягивал лишние носки и был счастлив».

Сынок

В 1935 году Константин узнал, что в Таганском детском парке записывают в ребячьи команды. Предстоял розыгрыш первенства Москвы между командами таких парков. Фаворитами были ребята из Краснопресненского парка. Там играли Володя Демин (будущий левый край нападения знаменитого ЦДКА), Толя Сеглин (будущий центр защиты московского «Спартака»), Саша Петров (ему было суждено выступать в московском «Динамо»), Коля Эпштейн (будущий тренер хоккейного воскресенского «Химика»). А в Таганском парке появился коренастый и лобастый голкипер Леша Хомич. Вскоре Константина выбрали капитаном команды. В 1936 году таганцы выиграли первенство столицы. А Бесков был включен в состав сборной пионерской команды Москвы для участия во Всесоюзной спартакиаде пионеров и школьников.

Константин учился в ФЗУ и играл за команду 205-го завода. И конечно же мечтал о команде мастеров. В 1937 году шестнадцатилетним он просился в «Локомотив» — не взяли. Но в августе 1938-го Борис Аркадьев пригласил Константина в команду завода «Серп и Молот».

Заводская команда, носившая имя «Металлург», выступала в классе «А» и играла там весьма недурно — в 1938 году подопечные Аркадьева заняли третье место в первенстве страны, причем долгое время шли в лидерах. В «Металлурге» собрались опытные футболисты: игроков моложе двадцати пяти лет не было, зато имелись товарищи за тридцать. Солидные люди: Зайцев — инженер, Кудрявцев — техник. Играл признанный лидер команды нападающий Сергей Капелькин, тоже не юноша. Все они звали Бескова «сынком». И все дружно воспитывали.

Уже тогда в нашем футболе клубы делились на большие и малые. «Металлург» принадлежал ко второй категории. У заводской команды не было своей базы, не было могущественных покровителей, да и круг болельщиков ограничивался рабочими завода «Серп и Молот». Ведущие игроки уходили. Григорий Федотов, а следом за ним Сергей Капелькин перебрались в ЦДКА. Именно Капелькина и заменил в основном составе «Металлурга» юный Константин Бесков в 1939 году.

«Металлург» начинал сезон встречей с чемпионом страны «Спартаком» и одержал победу со счетом 1:0. Единственный гол забил Бесков, которого опекал сам Андрей Старостин. Обратимся к воспоминаниям Андрея Петровича:

«В московских кругах пробежал слушок, что у предстоящего соперника появился молодой, многообещающий нападающий. Называлась и его фамилия. Но запомнилась лишь ее краткость да непохожесть на другие. Никакого значения я этому слуху не придал. Но уже в ходе игры

пришлось вспомнить разговоры о необычайно способном молодом игроке, можно сказать, подростке. Он так неожиданно возникал где-то за спиной с мячом в ногах, что я как центральный защитник почувствовал необходимость уделять ему повышенное внимание. А он продолжал завоевывать симпатии многочисленных зрителей деловитостью и разнообразием своих действий на поле.

— Экий бесенок выискался! — говорил я себе, гоняясь из всех своих 33-летних сил за восемнадцатилетним парнишкой, постоянно менявшим направление атаки, переходившим с неторопливого бега на стремительный бег и ни одной секунды не стоявшим на месте. В этот раз футболисты завода „Серп и Молот“ победили спартаковцев. И решающий гол забил дебютант неотразимым ударом, продемонстрировав не только завидную сметку, но и великолепную техническую подготовку.

Вечером по традиции в семейном кругу происходил разбор прошедшего матча с участием четырех братьев и двух сестер. И в спорах о причинах поражения единодушное согласие было достигнуто только по одному пункту: подросток из „Металлурга“ Костя Бесков — с большим будущим».

Призыв

В том сезоне Константин Бесков забил восемь мячей — лучший результат в команде. Но «Металлург» выступил хуже, чем годом ранее, — финишировал на шестом месте. По окончании сезона команду ждала большая потеря — Борис Андреевич Аркадьев отправился тренировать столичное «Динамо». В новом сезоне заводская команда играла всё хуже и заняла последнее место. Но это была не единственная неприятность. В 1940 году большинство профсоюзных команд, включая и московский «Металлург», были расформированы, а на их месте созданы команды «Профсоюзы-1» и «Профсоюзы-2».

Ни за одну из этих команд Константину поиграть не довелось. Осенью того же 1940 года он получил повестку о призыве на военную службу.

Бесков был распределен в пограничные войска. Служил он в Молдавии. Но уже весной его вызвали в Москву. Старый знакомый Борис Аркадьев решил продолжить работу с Бесковым уже в «Динамо». Стриженный наголо рядовой Бесков прибыл на сбор московских динамовцев в Гагру.

«Осматриваюсь: ну дела, партнеры-то мои — сам Михаил Якушин,

сам Сергей Ильин, Михаил Семичастный, Алексей Лапшин, Евгений Елисеев, Лев Корчебоков, Николай Дементьев, Сергей Соловьев, Аркадий Чернышев! Что ни имя, то выдающаяся личность в спорте. Кстати, по сей день считаю их образцами спортсменов».

Борис Аркадьев доверил Бескову место на левом фланге нападения, вместо незаменимого Сергея Ильина. И в первом же матче против ЦДКА Константин забил два мяча и сделал голевую передачу. «Динамо» прекрасно стартовало в сезоне, лидировало, но раскрыться этой блестящей команде помешала война.

Военная часть, где служил Константин, базировалась в Москве. Бойцы патрулировали город, обеспечивали порядок, ловили диверсантов и провокаторов. Во время налетов фашистской авиации солдаты НКВД тушили пожары и зажигательные бомбы, провожали жителей в бомбоубежища. Во время одного из таких налетов погиб товарищ Бескова по «Динамо» Сергей Черников. В октябре часть должны были отправить на фронт. Но бойцов, уже прибывших к Рижскому вокзалу для отправки на передовую, срочно вернули и оставили до особого распоряжения нести патрульную службу в городе.

«О делах нашей бригады ОМСБОН, о подвигах ее командиров и бойцов были впоследствии написаны книги и поставлены фильмы. Многим из ОМСБОНа было присвоено звание Героя Советского Союза. В этой легендарной бригаде образовалась целая часть, в которой воевали мастера и заслуженные мастера спорта. Не раз пересекали они линию фронта, ведя партизанскую войну против оккупантов, совершая дерзкие рейды в тыл фашистам.

Мне доводилось участвовать в разведке, которую наше командование высылало навстречу наступавшим гитлеровцам, чтобы уточнить их дислокацию, численность прорывавшихся к Москве мотоциклетных и танковых десантов. Запомнился первый наш выезд под командованием лейтенанта Рябоконя: на грузовике-полуторке мы, человек десять с винтовками и гранатами, выехали в район Химок, а затем продолжили движение к западу от этого поселка. Поездили-поездили, не встретили никого и благополучно вернулись. Я тогда подумал: хороша разведка — в кузове грузового автомобиля на шоссе, открытом для обзора со всех сторон… В следующие разведывательные выезды мы вели себя осмотрительнее, набираясь опыта.

Очень тяжелым стал для Москвы 1942 год. Хотя в битве под Москвой гитлеровские армии были частично разгромлены, частично отброшены к западу, столица переживала неимоверно трудные месяцы. Продолжались

ежедневные воздушные налеты. Даже по рабочим карточкам выдавали предельный минимум продовольствия, а ведь были иждивенческие и детские карточки с еще более урезанными пайками.

Служба наша в городе, конечно, не шла ни в какое сравнение с боевой жизнью фронтовиков. Но приказ есть приказ, патрульные походы по находившейся на осадном положении Москве тоже были необходимы, и кто-то должен был их совершать».

О футболе пришлось забыть вплоть до лета 1943 года. Борис Аркадьев снова начал собирать динамовский коллектив — из тех, кто служил в московских гарнизонах, трудился в тылу, сражался на фронте и в партизанских отрядах. Футболистов стали отпускать на тренировки. В числе тех, кого Аркадьев позвал в «Динамо», был и Константин Бесков.

«Конечно, каждый из нас в немалой степени утратил чувство мяча, да и физические кондиции были снижены. Но все мы быстро восстанавливались, а тренировались жадно, словно стараясь надышаться. В нашем распоряжении было футбольное поле водного стадиона в Химках, а также поле на малом стадионе „Динамо“ (главная арена Центрального стадиона „Динамо“ в те дни была замаскирована от вражеских самолетов: на поле ставили декорацию, имитировавшую лес, трибуны накрывали маскировочными сетками).

В сущности, лишь в 1944 году собрался тот динамовский боевой состав, который сумел выиграть чемпионат СССР в год Победы. А в чемпионатах Москвы у нас особых достижений не получилось. В 1943 и 1944 годах нас обгоняли „Спартак“, „Торпедо“ и другие клубы».

Турне

Перешел в ЦДКА тренер Борис Аркадьев, прекратили выступления Алексей Лапшин, Михаил Якушин, Евгений Фокин, Аркадий Чернышев. Осенью 1944 года старшим тренером московского «Динамо» стал Михаил Якушин.

Конечно, Борис Аркадьев хотел продолжить сотрудничество с Бесковым, но переход из «Динамо» в ЦДКА в 1945 году был невозможен. Да и не рвался Константин Иванович в армейский клуб. В «Динамо» он чувствовал себя лидером. В первом послевоенном чемпионате «бело-голубые» праздновали победу. Но главным событием 1945 года стало британское турне «Динамо».

Динамовцы, усиленные армейцами Всеволодом Бобровым и

ленинградскими одноклубниками Борисом Орешкиным и Евгением Архангельским, блестяще провели все четыре матча. Боевая ничья с «Челси» 3:3, разгром «Кардифф Сити» 10:1, победа над «Арсеналом» 4:3 и драматичный матч с «Глазго Рейнджерс» 2:2. Бесков забил пять мячей — четыре в ворота «Кардиффа» и один «Арсеналу», сделал четыре результативные передачи и произвел на родоначальников футбола огромное впечатление. Англичане оценили и технику нападающего «Динамо», и его нацеленность на ворота, и точность передач. Даже предлагали контракт. Понятно, что у советских футболистов даже мысли не было о подобном.

«Но очень манила, звала, владела мыслями Москва. Меня — особенно. Мне пришла телеграмма от знакомой девушки, Валерии Васильевой. Она поздравила меня с днем рождения, адресовав телеграмму с наивной, хотя и обоснованной уверенностью, что послание будет доставлено: „Лондон, команде московского ‘Динамо’, Константину Бескову“. Через три месяца после нашего возвращения из английского турне Валерия Васильева стала Валерией Бесковой».

Мать Валерии Николаевны дружила с женой Василия Трофимова. Та и познакомила Валерию с холостым игроком «Динамо». Знакомство состоялось в сентябре 45-го, а в феврале 46-го сыграли свадьбу. Отец Валерии был в то время репрессирован. И Константин сумел добиться освобождения, а затем и реабилитации тестя.

После рождения дочери Любы Валерия Николаевна поступила в ГИТИС. Она стала известной актрисой. Долгое время выходила на сцену в Театре им. Ермоловой, сыграла в нескольких кинофильмах. Валерия Николаевна была едва ли не единственным человеком, кто мог влиять на жесткого и неприступного Бескова. Бывшие игроки «Спартака» говорили, что многие решения главный тренер принимал после консультаций со своей супругой.

«После триумфального (так оно всеми было воспринято на родине) турне по Великобритании мы, чемпионы СССР 1945 года, прямо скажу, подзазнались. Пишу „мы“, так как не отрываю себя от команды. Хотя сам я и тогда понимал: достигнутое, выигранное — еще не индульгенция на все последующие годы, тем более что в 1946 году травмы не позволили мне нормально участвовать в чемпионате страны: из двадцати двух матчей я выходил на поле только в тринадцати, и не всегда на девяносто минут. Потому и забил за весь турнир всего два гола».

Вторая половина сороковых в нашем футболе — это противостояние ЦДКА и «Динамо». Столкновение двух силовых ведомств, двух корифеев тренерского цеха — Бориса Аркадьева и Михаила Якушина, двух великих команд. Константин Бесков был непосредственным участником большинства битв. И хотя имена динамовцев гремели по всей стране не так громко, как имена армейских лидеров — Всеволода Боброва, Григория Федотова, Владимира Демина, Алексея Гринина, все, кто хоть немножечко интересовался футболом, знали, кто такой Константин Бесков. Левый полусредний «бело-голубых» был исключительно командным игроком. Константин Иванович без устали работал на своем фланге, создавая голевые моменты для взятия ворот. И, конечно же, забивал сам. И немало. «В 1947 году я забил мало, всего семь мячей», — писал Бесков. Мало, конечно, по сравнению с сезонами 1948–1951 годов — соответственно, 11, 22, 20 и 15 голов.

В 1947 году Константин Бесков вместе с «Динамо» отправился в турне по Швеции и Норвегии. Очень сильные по тем временам «Норчепинг» и «Гётеборг» были разгромлены с одинаковым счетом 5:1, в ворота норвежского чемпиона «Шейда» динамовцы отгрузили семь безответных мячей. А ведь игроки «Норчепинга» и «Гётеборга» составляли основу сборной Швеции, ставшей олимпийским чемпионом 1948 года и третьим призером мирового первенства 1950 года. В составе «Норчепинга» играло знаменитое трио Гре-Но-Ли (Гуннар Грен — Гуннар Нордаль — Нильс Лидхольм), блиставшее впоследствии в «Милане». В этих играх, проходивших в непростых условиях — на север Европы пришла ранняя зима, — Константин проявил себя настоящим лидером.

Константин Иванович к тому времени уже решил, что после завершения карьеры станет футбольным тренером. В 1948 году ему и еще нескольким футболистам «Динамо» — Василию Карцеву, Василию Трофимову, Алексею Хомичу, Леониду Соловьеву — предложили поступить в Высшую школу тренеров и учиться там без отрыва от соревнований. «Учиться, тренироваться и играть в полную силу оказалось более чем трудно. Утром раненько просыпаешься и, откровенно говоря, думаешь: „Идти или не идти сегодня на улицу Казакова?“ (то есть в Институт физкультуры, в помещениях которого базировалась ВШТ). Ну, как говорят англичане, делаешь над собой усилие и отправляешься, так чтобы успеть к 8.00 на занятия (между прочим, проснуться для этого нужно в 6.30). Изо дня в день такое выдержать, особенно после напряженного сезона, способен не каждый. Некоторые хорошие футболисты бросали Высшую школу тренеров, отсеивались: тяжело совмещать».

Так, из всех участников британского турне, зачисленных в ВШТ, завершить обучение смог только Константин Бесков.

«Убежден, что стоило выдержать это испытание. Футбол нам преподавал в ВШТ Михаил Давыдович Товаровский, один из первых тренеров „Динамо“. Он и в 1938-м динамовцев тренировал. Это Товаровский организовал в Государственном институте физкультуры кафедру футбола и хоккея, стал автором опубликованных трудов по технике и тактике игры. В ВШТ работали и другие авторитеты. Так что, если испытываешь настоящий интерес к тренерскому делу, можно многое почерпнуть для будущей профессии».

В 1952 году была возрождена, а фактически создана сборная СССР. Ибо наша страна вошла в ФИФА и получила возможность участвовать во всех международных турнирах. Первым из которых должны были стать Олимпийские игры в Хельсинки. Константин Бесков, как один из сильнейших футболистов того времени, был приглашен Борисом Аркадьевым в главную команду страны. К сожалению, участие в олимпийском турнире не принесло ничего хорошего ни сборной, ни Бескову лично. После проигрыша югославам в переигровке одной восьмой финала советским футболистам крепко досталось на родине.

Бескова лишили звания заслуженного мастера спорта, которое он получил после британского турне «Динамо», и дисквалифицировали. Спортивные чиновники не обратили внимания, что Константин Иванович отправился в Хельсинки с недолеченной травмой и при этом всё равно был одним из лучших. В первой игре с югославами, в которой наши отыгрались, проигрывая 1:5, три мяча из пяти были забиты после передач динамовца. Бесков попал, что называется, под горячую руку.

Справедливость позже была восстановлена. Бескову вернули звания и награды. Но эта история подтолкнула Константина Ивановича к завершению карьеры игрока. Два сезона он еще отыграл, но и силы были не те, и партнеры сменились. В 1954 году Константин Иванович принял решение об уходе.

Тренер

«Я разыскал Михаила Иосифовича Якушина. Изложил свои доводы. С начала сезона пятьдесят четвертого года я сыграл всего шесть матчей чемпионата страны, а была уже середина лета; значит, не так уж я нужен команде. Не оставляют меня и травмы. А заместитель председателя

Спорткомитета обещал мне, аспиранту, повышенную стипендию; открывается возможность заняться диссертацией… Якушин все понял и сказал:

— Что ж, с богом. Насчет того, что ты не нужен, — зря. Нужен! И опыт твой нужен, игра нужна, ты в неплохой форме. Но планы твои я нарушать не имею права. Поступай, как считаешь разумным.

Я простился с командой московского „Динамо“. Не скажу, что было легко это сделать. Я не сентиментален, но тут на сердце кошки скребли.

Впервые за много лет возникло у меня среди лета „окно“! Мы с женой отправились к Черному морю. Это было ни с чем не сравнимое и еще незнакомое мне ощущение полной свободы, беззаботности, возможности просто плавать и просто лежать на песке, а не выполнять упражнения или отдыхать по расписанию.

Возвращался с самыми радужными надеждами, мысленно сочиняя первую страницу диссертации. Захожу на следующий день в Комитет по физкультуре и спорту — никакой стипендии слушателя Высшей школы тренеров мне не назначено… Еще целых четыре месяца ходил в Комитет, но так и не дождался стипендии. „Бухгалтерия не разрешает“, — разводил руками Андриянов.

Что мне оставалось? Отправился к начальнику отдела футбола Валентину Панфиловичу Антипенку: „Надо бы мне устроиться на работу“. Антипенок подумал и ответил:

— А возьмись-ка за восстановление сборной команды СССР. Гавриил Дмитриевич Качалин назначен ее старшим тренером; предложим тебя ему вторым тренером…»

Так началась карьера Бескова-тренера. Качалин и Бесков стали воссоздавать сборную СССР из небытия. В главную команду страны привлекались не только ведущие игроки «Спартака» и «Динамо», но и талантливая молодежь — например торпедовцы Валентин Иванов и Эдуард Стрельцов.

Тандем Гавриил Качалин — Константин Бесков работал с большим энтузиазмом. Молодые тренеры всякий раз придумывали что-то новенькое, тренировки проходили интересно. С упражнениями, которые они предлагали, футболисты в своих клубах не сталкивались.

Гавриил Качалин был старшим тренером, но при этом не считал зазорным прислушиваться к своему помощнику. Советы Бескова были всегда своевременны и полезны. Главным испытанием для возрожденной сборной должен был стать товарищеский матч с немцами. В Москву летом 1955 года должна была приехать сборная ФРГ, чемпион мира 1954 года.

Прежде наша национальная команда никогда с чемпионами мира не встречалась. Нельзя забывать еще и такой аспект: всего десять лет прошло после окончания Великой Отечественной войны.

Примерно за месяц до матча стало известно, что ни Никита Симонян, ни Эдуард Стрельцов выступить против сборной ФРГ не смогут: один заболел, другой травмирован. Бесков предложил поставить в центр атаки Николая Паршина. Константин Иванович рассуждал так — сборная составлена на базе московского «Спартака», нападающие Татушин, Исаев, Сальников и Ильин, а также полузащитник Нетто четко взаимодействуют именно с Паршиным, привыкли к нему. Да, он не может быть назван игроком экстра-класса, виртуозом, но умеет в нужный момент оказываться на голевой позиции, результативен. Поначалу эта идея была негативно воспринята руководителями отечественного футбола. Бескову пришлось вновь и вновь излагать свои аргументы. И убедил! Николай Паршин вышел на поле и вскоре забил в ворота западногерманского голкипера Фрица Геркенрата первый мяч и внес оптимистичную ноту в начало матча, который был выигран со счетом 3:2.

Футбольному миру стало ясно, что сборная СССР возродилась, она сильна и жизнеспособна.

Через год с небольшим эта сборная добилась выдающегося для нашего футбола успеха — выиграла олимпийский турнир в Мельбурне. Но Константин Бесков с командой уже не работал. Что не умаляет его заслуг в подготовке этого триумфа.

Дебют

Константин Иванович ушел из сборной страны по уважительной причине — в конце 1955 года ему предложили принять в качестве старшего тренера команду московского «Торпедо».

«Чрезвычайно заманчивое предложение: первая самостоятельная работа, возможность на деле проверить свои принципы, идеи и попытаться воплотить в жизнь концепцию создания сбалансированного, остро атакующего и цепко обороняющегося коллектива. Я смолоду впитывал всё то, что давали нам ведущие партнеры и такие тренеры, как Борис Аркадьев и Михаил Якушин. Примерял их взгляды и выкладки к своим представлениям о тактике, учебно-тренировочном процессе, индивидуальной и коллективной подготовке игроков, о стратегии команды в длительном чемпионате и в блицтурнире… Теперь всё это можно было

переосмыслить, систематизировать и вынести „на натуру“, на футбольное поле, где ты уже не второй, а старший, и твое слово — решающее…

Я подумал, что сборная, набравшая темп, уверенную игру, способна добиться многого в опытных и искусных руках Качалина. Следовательно, мой уход из нее не будет дезертирством. И я дал согласие принять „Торпедо“. Качалин не был обижен моим решением; вообще, все причастные к работе сборной меня правильно поняли».

Молодой тренер попал в непростую команду. С одной стороны, в составе автозаводцев стремительно прогрессировали молодые Валентин Иванов, Эдуард Стрельцов, Юрий Фалин. Но основу составляли довольно возрастные футболисты, отыгравшие по нескольку сезонов и не слишком мотивированные. Константин Иванович довольно быстро понял, что ветераны команды уже выработали свой ресурс. «Было видно, что это своеобразный тормоз: сходящие со сцены исполнители, которые уже были бесперспективны, „дорабатывали“ последние месяцы в активном футболе, частенько нарушая при этом режим. Пользуясь своей репутацией старожилов команды, они старались максимально растянуть прощание с активным футболом и тем самым объективно наносили вред коллективу. При этом произносились красноречивые тирады о сохранении традиций, о верности флагу спортивного общества, о любви к автозаводскому футболу… Мне стало ясно, что постаревший организм требовал свежей крови».

Бесков принялся создавать новую команду. Он проявил себя как искусный селекционер — в дубле «Спартака» приглядел не проходившего в основу Александра Медакина; в Риге нашел Леонида Островского. Влились в команду собственные воспитанники Николай Маношин и Александр Савушкин. Юного Валерия Воронина привел к Бескову отец. Стали просматриваться контуры нового «Торпедо».

Автозаводцы превосходно провели первый круг чемпионата-56, обыграв будущего чемпиона и базовую команду сборной московский «Спартак», московское «Динамо», ленинградский «Зенит». Но во второй половине сезона торпедовцев начало лихорадить. Этим и воспользовались обиженные Бесковым ветераны, которые стали жаловаться на молодого тренера руководству ЗИЛа. «Торпедо» финишировало на пятом месте, сделав шаг вниз по сравнению с предыдущим сезоном. Что вполне естественно для команды, пережившей серьезную перестройку. Но для отставки Бескова нужен был повод, и этот повод нашли.

Оказался ли первый блин комом? Отнюдь. Конечно, увольнение Бескова было несправедливым. Но специалисты отметили, что у

автозаводцев появился свой почерк, свой стиль. Константин Иванович заложил фундамент великой команды шестидесятых. Достроили ее уже другие, но это ни в коем случае не умаляет заслуг Бескова. Уже в «Торпедо» проявились черты Бескова-тренера. А именно — отсутствие всяческого пиетета к былым заслугам и смелые кадровые решения, поиск молодых футболистов и способных игроков из низших лиг.

Расставшись с «Торпедо», Константин Бесков получил приглашение работать в существовавшей при «Лужниках» футбольной школе молодежи — ФШМ. Резкий переход, не правда ли? От команды мастеров к работе с юными футболистами, почти детьми. Константину Ивановичу досталась группа юношей 1939 года рождения. Как вспоминал самый известный из ее выпускников, торпедовский капитан Виктор Шустиков, работать с Бесковым было трудно, но очень интересно. «Константин Иванович сначала очень толково объяснял нам технику выполнения какого-то элемента, приема или проведения комбинации. Потом показывал, как это нужно делать. Показывал не один раз, а несколько — сначала медленно, словно в рапидной съемке, потом на скорости, в бурном темпе. После его показа сразу становилась ясна суть приема. Он спрашивал:

— Всё понятно? Тогда прошу каждого проделать то же самое.

И у нас почти сразу получался прием. Константин Иванович радовался, мне кажется, этому больше, чем мы сами.

Он всегда зажигал ребят личным примером. На занятиях по общефизической подготовке скажет: „Кросс тридцать минут“, станет во главе группы и ведет ее по безлюдным аллеям, по асфальтовым и песчаным дорожкам, ныряет в овраги, поднимает цепочку по косогору. „Ну как, устали?“ — спросит на ходу. Мы смотрим на его слегка раскрасневшееся лицо, видим, что у него почти ровное дыхание, и нам ничего не остается, как дружно прокричать: „Нет, Константин Иванович!“

Уже после, попав в основной состав „Торпедо“, я понял, что Бесков строил занятия с нами на уровне требований команды мастеров.

…В ту пору у нас в стране проводилось первенство футбольных школ молодежи. В 1957 году я попал в сборную Москвы. Турнир проводился в Харькове… И вот мы совершаем круг почета. Я иду впереди, подняв над головой завоеванный кубок, а рядом — счастливый, но внешне по-прежнему невозмутимый Константин Иванович Бесков.

Это были последние дни учебы. Вскоре из школы вышли в Большой футбол Володя Федотов, Гена Логофет, Игорь Численко, Геннадий Гусаров, Олег Сергеев, Николай Маношин… За последующие годы юношеский футбол не дал столице и половины игроков такого класса, как эти. Вот вам

и ответ на вопрос: откуда берутся таланты? Они рождаются там, где с ребятами работают умные, талантливые, с большой душой педагоги».

Новые рубежи

В ФШМ Константин Иванович познакомился с совсем юным Володей Федотовым, сыном Григория Ивановича Федотова. Когда не стало Григория Ивановича, Бесков помогал семье Федотовых. Он же разглядел во Владимире самобытного игрока, а не просто сына великого нападающего. Через несколько лет с легкой руки Бескова Федотов дебютирует в составе ЦСКА. Со временем Владимир Григорьевич станет верным помощником, а потом и зятем Константина Ивановича. По иронии судьбы именно Владимир Григорьевич лишит тестя двух трофеев — чемпионства 1970 года, когда он забьет решающий гол в переигровке ЦСКА с московским «Динамо», и Кубка страны, когда в 1981-м, будучи тренером ростовского СКА, обыграет бесковский «Спартак» в финале.

Но вернемся в конец пятидесятых. Работа Бескова не ограничилась работой в ФШМ. В 1958 году он был командирован в Швецию, на чемпионат мира по футболу в качестве наблюдателя. В том же 1958-м Константин Бесков и Александр Пономарев возглавили молодежную сборную страны.

В 1960 году ФШМ едва не закрыли, мотивируя это решение наличием спортивных школ у команд мастеров. Только благодаря вмешательству родителей юных футболистов школу удалось спасти. Но было урезано финансирование, да и самому Константину Ивановичу хотелось снова испытать себя в роли старшего тренера клуба класса «А». И такое приглашение поступило от ЦСКА. Армейцев не устраивало, что их команда топталась на месте. Чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, в конце 1960 года на должность старшего тренера и был приглашен Константин Бесков.

К сожалению, и в ЦСКА Бескову не удалось развернуться. Два года армейцы занимали четвертые места в чемпионатах СССР, а Министерство обороны хотело большего. И всё же Константин Иванович успел сделать немало. С его подачи в ЦСКА появились юные Владимир Федотов и Альберт Шестернев, ставшие впоследствии лидерами команды. Передумал уходить из клуба Эдуард Дубинский, выросший при Бескове в лучшего правого защитника страны. Константин Иванович обращался лично к заместителю министра обороны маршалу Андрею Гречко с просьбой

построить для клуба стадион и тренировочную базу. Так что и стадион на улице Песчаной, и база в Архангельском появились у армейцев во многом благодаря его настойчивости. Не обошлось и здесь без конфликтов со старожилами. Так, пришлось уйти из команды многолетнему стражу ворот, олимпийскому чемпиону Борису Разинскому.

После ухода из ЦСКА Константин Иванович на некоторое время отошел непосредственно от футбола и попробовал свои силы в спортивной журналистике. На протяжении шести месяцев он возглавлял отдел спортивных программ на Центральном телевидении. Новая работа нравилась, но Бесков оставался прежде всего тренером. И в 1963 году он возглавил сборную СССР.

Перед Константином Ивановичем стояла задача подготовить главную команду страны к мировому первенству 1966 года. Но впереди был еще второй Кубок Европы 1964 года, и сборной СССР предстояло защитить звание сильнейшей команды континента. Наши уверенно пробились в финальную часть первенства континента, обыграв столь серьезных соперников, как сборные Италии и Швеции. В полуфинале Кубка Европы были повержены датчане.

Финальный матч с испанцами состоялся 21 июня на мадридском стадионе «Сантьяго Бернабеу». Стоит напомнить политическую ситуацию. В Испании без малого три десятка лет правил диктатор Франко, которого иначе как фашистом в СССР не называли. Дипломатических отношений между двумя странами не было. И встреча сборных Советского Союза и Испании имела большую политическую подоплеку.

Финал выдался упорным. Обе команды играли достойно, но золото досталось испанцам. Победный гол был забит за шесть минут до истечения основного времени. Серебряные награды сборной были восприняты в СССР как политическое поражение. Никита Сергеевич Хрущев был вне себя от ярости, и Бескову пришлось уйти. Спортивные чиновники как-то быстро забыли, что Константин Иванович приглашался с прицелом на чемпионат мира-66, а Кубок Европы всё же был хотя и важным, но этапом в подготовке к мировому первенству. Через два года сборная СССР, руководимая Николаем Морозовым, заняла четвертое место в Англии — лучший по сию пору результат в истории нашей команды.

Бесков, которому снова не дали довести дело до конца, недолго оставался без дела. Он отправился в Луганск, поднимать местную «Зарю». Клуб болтался на 21-м месте в классе «Б». Через год, в 1965-м, луганчане едва не пробились в класс «А». Работа с Бесковым дала свои плоды. «Заря» прогрессировала, добилась повышения в классе, а в 1972 году под

руководством тренера Германа Зонина в первый и единственный раз стала чемпионом страны. Из футболистов бесковского призыва к тому времени в составе осталось только двое, но Константин Иванович заложил вектор развития «Зари». Да и помощники Зонина Владислав Глухарев и Валерий Галустов прошли школу Бескова в бытность футболистами.

И вновь — «Динамо»

О своем пребывании в «Локомотиве» Константин Иванович вспоминать не любил. Да и оказалось оно недолгим. И всё же время, проведенное в клубе, потерянным не назовешь. Те, кто хотел работать с Бесковым, — а это Михаил Гершкович, Владимир Козлов, Владимир Ларин, — продолжили сотрудничество с ним уже в другой команде. В конце 1966 года Бескову доверили родное московское «Динамо». Наконец-то Константин Иванович получил свободу действий и возможность претворить в жизнь свои тренерские идеи.

«Динамо» к тому времени стало сдавать свои лидирующие позиции в нашем футболе. На ведущую роль выдвинулись киевские одноклубники. Москвичи же нуждались в серьезном обновлении и перестройке. Фактически Бескову пришлось строить новую команду.

Первый динамовский сезон оказался очень успешным. Москвичи заняли второе место вслед за киевлянами. Команда забила больше всех мячей и успешнее остальных выступила на чужих полях. По итогам сезона-67 Бесков был удостоен звания заслуженного тренера СССР.

Но успех в сезоне-67 не отменял необходимости капитального ремонта в «Динамо». А построение новой команды неизбежно связано с турнирными издержками. В 1968-м «Динамо» финишировало пятым, в 1969-м — четвертым. В состав вводились новые игроки — Владимир Долбоносов, Геннадий Еврюжихин, Андрей Якубик, Анатолий Байдачный. Бесков наконец-то нашел преемника великого Льва Яшина — в 1970 году место в воротах занял молодой Владимир Пильгуй. Не чурался Константин Иванович прибегать и к услугам опытных, казалось бы, отыгравших свое футболистов. Так, в 1970 году в составе москвичей появился списанный киевлянами Йожеф Сабо.

1970 год оказался успешным для «Динамо». «Бело-голубые» взяли Кубок СССР, были близки к тому, чтобы выиграть чемпионский титул — первый в тренерской карьере Бескова. Но и московский ЦСКА, руководимый Валентином Николаевым, так же очень хотел стать

чемпионом. На финиш команды пришли с одинаковым количеством очков, и, согласно регламенту чемпионата СССР, для определения победителя понадобилась переигровка. Пришлось играть не один, а два золотых матча — первая встреча в Ташкенте завершилась нулевой ничьей. А во втором, очень драматичном по сценарию матче верх взяли армейцы — 4:3, уступавшие 1:3. Четвертый, победный гол забил зять Константина Ивановича Владимир Федотов.

В 71-м московское «Динамо» не претендовало на золото. Поход за Кубком был завершен на стадии одной восьмой финала. Зато динамовцы сделали ставку на европейский Кубок кубков и были близки к победе в турнире. Впервые советская команда дошла до финала, в котором москвичам противостоял шотландский «Глазго Рейнджерс». Обратимся к воспоминаниям самого Константина Ивановича:

«24 мая 1972 года. Барселона. Знакомая средиземноморская, солнечная, зеленая столица Каталонии, где мы знавали и победы с крупным счетом. И противник был более или менее знакомым — шотландский „Глазго Рейнджерс“. Правда, не все игравшие в тот день за „Динамо“, особенно молодые, раньше встречались с „Рейнджерс“.

Шотландцы были более чем уверены в себе. На трибунах бушевали тысячи их приверженцев, прибывших специально на эту игру. Под натиском шотландских футболистов динамовцы прижались к своим воротам и тем самым отдали инициативу. Не только защитники, но и Якубик с Сабо, и Маховиков с Байдачным, и Еврюжихин отошли назад в надежде перехватить мяч и наладить атаку.

Стихийный порыв „все на защиту своих ворот“, в сущности, обезоружил москвичей. Лучшая оборона — нападение. В начале второго тайма счет был уже 0:3. В воздухе пахло разгромом.

Видя, что игра в таком варианте не клеится, я вместо Долбоносова выпустил форварда Гершковича, вместо Якубика — также форварда, Эштрекова. Четверо нападающих, поддерживаемые полузащитой и то одним, то другим игроком обороны, пошли на штурм ворот „Глазго Рейнджерс“. Ничего похожего на отчаяние — сознательный, последовательный, стремительный штурм. Вот и результат: Володя Эштреков отквитывает один мяч. Атаки продолжаются, Саша Маховиков забивает второй гол. Динамовцы полностью доминируют на поле. В боксе это называется „явным преимуществом“. Гол, как говорится, назревает. Он буквально навис над воротами „Рейнджерс“…

Оставалось три минуты до финального свистка, который мог стать не финальным, а лишь возвестить о конце второго тайма. Добавочное время, и

тогда… Динамовцы пошли в очередную атаку. 180 секунд — это очень много, когда игра, что называется, идет!

И тут произошел беспрецедентный случай.

На поле с трибун ринулись тысячи шотландских болельщиков. Эта публика „славится“ на весь футбольный мир экстравагантностью поведения на матчах: накачивается знаменитым шотландским виски и устраивает потасовки. Не дождавшись финального свистка судьи, шотландцы бросились поздравлять своих игроков с еще не совсем одержанной победой. Распорядителям, полицейским и работникам стадиона с большим трудом удалось выдворить многотысячную компанию шотландских болельщиков с поля обратно на трибуны.

Получив такой подарок, незапланированный тайм-аут, футболисты „Глазго Рейнджерс“ успели опомниться, прийти в себя и спокойно доиграть матч. Наступательный порыв динамовских атак был сбит, наши футболисты, ошеломленные непредсказуемым вмешательством толпы болельщиков, не могли плодотворно использовать оставшиеся три минуты. Время истекло. Счет остался 2:3. „Глазго Рейнджерс“ победил. И конечно же наше злополучное, злосчастное выступление в финале европейского кубка восприняли в Москве как провал! Забыли, что это первый выход советской клубной команды в финал европейского клубного турнира, что счет 2:3 и обстоятельства матча подтверждают право „Динамо“ считать себя не хуже „Глазго Рейнджерс“. Принцип „побежденных судят“ вновь восторжествовал. Московские динамовцы, достойно прошедшие нелегкий международный экзамен, рассматривались как неумехи, которым далеко до европейских образцов».

Поход за европейским трофеем отнял у «Динамо» много сил. Москвичи заняли только десятое место в чемпионате. Сам Константин Иванович по окончании сезона-72 оставил свой пост.

«Занятое нами десятое место в чемпионате страны тем более выглядело как продолжение провала в течение всего сезона. Всё хорошее, что было до этого, как-то отошло в тень. Главный сиюминутный мотив был: как вы дошли до жизни такой? Тут чиновников хлебом не корми, дай „разобраться“, расследовать, „сделать выводы“.

Честно говоря, я очень устал к тому моменту. Шесть лет у руля „Динамо“, шесть лет, в течение которых дважды были завоеваны серебряные медали и дважды — Кубок СССР… Все перипетии, переживания, оставившая неприятный осадок история матча с ЦСКА в 1970 году, решение УЕФА с отказом в переигровке, периодически безразличная игра некоторых футболистов „Динамо“ — все это легло

тяжким грузом на душу. Я попросил отставку».

Руководители Центрального совета «Динамо» пошли Бескову навстречу. Ему была предложена работа в Российском совете общества. Константин Иванович стал тренером, курировавшим динамовские команды Российской Федерации. Но после года кабинетной работы его снова потянуло в большую игру. В 1974 году Константин Иванович был назначен главным тренером олимпийской сборной СССР. Команда выполнила свою задачу — завоевала путевку на Игры в Монреале. Но в 1975-м динамовцы Киева сумели сделать то, что не получилось у московских одноклубников, — выиграли Кубок кубков. В итоге киевлян чуть ли не в полном составе делегировали в сборную. Константин Иванович счел для себя неприемлемой ситуацию, когда путевку добывали одни игроки, а на Олимпиаду поедут другие. Поэтому уступил свое место Валерию Лобановскому, а сам вернулся в Центральный совет общества «Динамо».

Во главе «Спартака»

Осенью 1976 года московский «Спартак» впервые в своей истории выбыл из высшей лиги союзного чемпионата. В советском футболе это было воспринято как катастрофа. И для спасения популярнейшего клуба были предприняты срочные меры.

На пост начальника команды вернулся легендарный Николай Петрович Старостин. А главным тренером, неожиданно для всех, был назначен Константин Бесков. Динамовец Бесков во главе «Спартака»! Что может быть противоречивее?! Но инициатором приглашения Константина Ивановича был руководитель федерации футбола Москвы, один из основателей «Спартака» Андрей Петрович Старостин, у которого с Бесковым были прекрасные отношения, установившиеся со времен работы в сборной страны.

Сам Бесков не хотел идти в «Спартак». Потребовалось вмешательство первого секретаря московского горкома партии Виктора Гришина. И всё же назначение состоялось. Константин Иванович приступил к строительству нового «Спартака», получив полную свободу действий.

Кадры решают всё — под этой сталинской цитатой мог бы подписаться и Бесков. Константин Иванович принимал нетривиальные, неожиданные решения. На турнире спартаковских команд он присмотрел почти тридцатилетнего нападающего костромского «Спартака» Георгия Ярцева. Из московского «Динамо» вытащил скисшего там Юрия Гаврилова

и сделал из заурядного форварда первоклассного диспетчера. В рижской «Даугаве» заметил Сергея Шавло, поверил в скромного астраханского паренька Рината Дасаева. Выдал кредит доверия молодым Олегу Романцеву, Евгению Сидорову, Вагизу Хидиятуллину. «Спартак» при Бескове практически не приглашал готовых звезд. Константин Иванович привлекал парней из низших лиг — Эдгара Гесса, Владимира Сочнова, Евгения Кузнецова, Сергея Базулева, Валерия Шмарова; активно вводил в состав воспитанников спартаковской школы — Федора Черенкова, Сергея Родионова, Бориса Позднякова, Геннадия Морозова, Игоря Шалимова; давал шанс тем, на кого махнули рукой в прежних клубах, например, Александру Бубнову, Виктору Пасулько или Юрию Суслопарову. Порой Константин Иванович ставил необычные эксперименты — переводил Виктора Самохина из обороны в среднюю линию, делал из нападающего Сергея Швецова центрального защитника, а из другого форварда — Владимира Сочнова — правого защитника. При этом для Бескова не было неприкасаемых. Он расставался с многолетними лидерами «Спартака» без особой жалости, не оглядываясь ни на чье мнение. Так ушли Виктор Папаев, Евгений Ловчев, Александр Прохоров. Бесков был суров, но справедлив. И не безжалостен. Так, например, он принял в команду и фактически вернул в большой футбол изгнанного им же Хидиятуллина.

«Спартак» Бескова играл в наступательный, комбинационный футбол. Спартаковцы много забивали, порой играли без оглядки на свои ворота, одинаково смело действовали в гостях и дома. Такая игра нравилась болельщикам, число которых за время работы Бескова возросло, и значительно. Противостояние «Спартака» и киевского «Динамо», двух великих тренеров Константина Бескова и Валерия Лобановского украсило наш футбол в 1980-е годы.

«Спартак» с первой попытки решил задачу по возвращению в высшую лигу, с ходу закрепился в элите — занял пятое место. А в 1979 году через три года после вылета и назначения Бескова «красно-белые» выиграли чемпионат СССР. На протяжении десяти сезонов спартаковцы неизменно входили в тройку призеров и достойно представляли страну в еврокубках.

Удалось ли Бескову воплотить свои замыслы в жизнь? С одной стороны — безусловно, да. Как уже было сказано выше, бесковский «Спартак» был явлением в нашем футболе. Но при этом «красно-белые» только дважды становились чемпионами и ни разу не выигрывали Кубок страны. В еврокубках было много ярких, даже ярчайших побед над очень сильными соперниками, но ни разу «Спартак» не прошел дальше одной четвертой финала. В эти же годы киевские и тбилисские динамовцы

выигрывали Кубок кубков, а московское «Динамо» доходило до полуфинала этого турнира. «Спартаку» часто не хватало для побед какой-то малости, тянули назад незапланированные потери, иной раз «красно-белые» перегорали в решающих матчах. И поэтому гигантский потенциал бесковского «Спартака» не был реализован полностью и команда явно недосчиталась трофеев.

На спартаковский период приходится и второй (а с учетом работы с олимпийской сборной монреальского созыва третий) приход Константина Ивановича в сборную СССР. В конце 1970-х наша команда переживала кризис, связанный со сменой поколений. Советские футболисты не попали в финальную часть чемпионата мира 1978 года, слабо начали отборочный турнир чемпионата Европы-80. Бесков был назначен тренером сборной уже по ходу кампании и ничего сделать не смог. Да и не стояло перед ним такой задачи. Приоритет отдавался московской Олимпиаде. Перед советской командой была поставлена цель — выиграть домашний турнир.

Первая сборная стала олимпийской, с небольшой поправкой. Согласно регламенту ФИФА, в олимпийском турнире не могли участвовать футболисты, заигранные на чемпионатах мира, даже в отборочных матчах. Поэтому Бесков не мог рассчитывать на Олега Блохина, Леонида Буряка, Давида Кипиани и еще нескольких ведущих игроков. Основу команды составили спартаковцы, но, в отличие, например, от Валерия Лобановского, Бесков не привлекал в главную команду десяток игроков из своего клуба, а активно использовал сильнейших на тот момент футболистов страны. В олимпийскую сборную вошли ростовчанин Сергей Андреев, киевляне Владимир Бессонов и Сергей Балтача, московские динамовцы Валерий Газзаев и Сергей Никулин, ереванец Хорен Оганесян, тбилисцы Александр Чивадзе, Тенгиз Сулаквелидзе, Реваз Челебадзе, минчанин Александр Прокопенко.

Сборная СССР имела все шансы завоевать золото московской Олимпиады. Но в полуфинале команда поскользнулась на сборной ГДР. Мяч, пропущенный в начале встречи, отыграть не удалось. «Для меня это был настоящий удар. Да и никто из наших спортивных руководителей, спортивных журналистов, тем более болельщиков не ожидал такого поворота событий. Почему-то все заранее предрекали золотые медали советской сборной. Конечно, во многом этот прогноз предопределен был нашими успехами в матчах со сборными разных стран. Но гарантий никто никогда дать в футболе не может. Огорчила наших соотечественников бронзовая роль советской сборной на XXII Олимпийских играх. Но жизнь продолжалась, нужно было уже в начале сентября выйти на поле стадиона

в Рейкьявике для отборочного матча со сборной Исландии».

К счастью, руководство Федерации футбола СССР проявило мудрость и сохранило за Бесковым пост старшего тренера сборной страны. Наша команда успешно выступила в отборочном турнире, заняла первое место в своей группе и завоевала путевку на чемпионат мира в Испании. Но по ходу кампании в тренерском штабе сборной произошли изменения.

«Отборочный матч — с командой Турции — должен был проходить в Лужниках 23 сентября. Перед этим состязанием я обратился к руководству Спорткомитета СССР с просьбой привлечь к работе в сборной СССР на определенный этап подготовки к чемпионату мира старшего тренера киевского „Динамо“ В. В. Лобановского и старшего тренера тбилисского „Динамо“ Н. П. Ахалкаци — при главном тренере Бескове.

Чем, какими соображениями была вызвана эта просьба?

В сборную входили многие игроки клубов, которыми руководили Лобановский и Ахалкаци. На пятидневные сборы, предшествовавшие тренировочным и официальным матчам сборной, эти игроки нередко опаздывали по разным причинам — то не удалось достать билет на самолет, то еще что-нибудь стряслось. По окончании сбора они возвращались на базы своих клубных команд также не вовремя, с некоторым опозданием, что было проще всего мотивировать занятостью в сборной. Нужно было во что бы то ни стало устранить все причины помех в подготовке команды к чемпионату мира. Для этого я и предложил привлечь к работе двух тренеров. Их следовало и заинтересовать (в том числе материально), чтобы они и по добру, и по обязанности способствовали нормальному учебно-тренировочному процессу».

Подобный триумвират оправдал себя в концовке отборочного турнира. Но в Испании между тремя старшими тренерами возникли противоречия, и это отразилось на боеспособности сборной СССР. Пресса дала негативную оценку выступлению советской команды в Испании, при том что наша команда вышла из группы на первом этапе и стала второй на втором групповом — то есть вошла в число команд, занявших места с 5-го по 8-е при 24 участниках. Выступи сборная России так на последнем первенстве мира, похвалы бы лились рекой. Но в 1982 году выступление было признано неудачным. И дело не в месте, а в качестве игры, которое шло на убыль по ходу первенства.

Сборная СССР могла выйти в полуфинал и вернуться из Испании с медалями. Для этого в последнем матче второго группового турнира нужно было выиграть с любым счетом у сборной Польши. Но немногочисленные моменты остались нереализованными, а ничья вывела в полуфинал

поляков.

Константин Бесков ни в чем не упрекнул Лобановского и Ахалкаци, не стал искать оправданий, например, говорить о травмах Буряка и Хидиятуллина. Он взял всю вину на себя и ушел из сборной, сосредоточившись на работе со «Спартаком». После чемпионата Федерация футбола пообещала, что тренер сборной впредь не будет совмещать работу с работой в клубе. Однако этот запрет не продержится и трех лет.

Успехи «Спартака» стали результатом совместной работы Николая Старостина и Константина Бескова. Но важную, пусть и невидимую постороннему взгляду роль играл Андрей Петрович Старостин. Он сглаживал все углы и противоречия между старшим братом и главным тренером, делал всё для обеспечения работы тандема. Андрея Петровича не стало в октябре 1987 года. И довольно быстро непростые отношения Николая Петровича и Константина Ивановича дали о себе знать.

В 1987 году «Спартак» впервые после 1979 года выиграл чемпионат СССР. Но следующий сезон складывался для клуба очень нелегко. Смена поколений не принесла желаемого результата. К тому же после чемпионата Европы уехал во Францию Вагиз Хидиятуллин.

После летнего спада Бесков сгоряча написал заявление об отставке, которая не была принята Старостиным. Но по окончании сезона, в котором «красно-белые» впервые за десять лет остались без медалей, Константин Иванович был освобожден от занимаемой должности. Его отправили на пенсию. Сам Константин Иванович узнал о своем увольнении из прессы.

История вышла темная и до сих пор полная тайн. Говорили, что Бесков планировал разогнать почти весь основной состав «Спартака» и строить новую команду. Сам Константин Иванович об этом никогда не говорил, хотя считал, что команда нуждается в реконструкции. В «Спартаке» началась эпоха Олега Романцева.

*

Шестьдесят восемь лет. Константин Иванович всем всё доказал. Мог бы спокойно сидеть на пенсии, выступать экспертом. Но через два с половиной года после ухода из «Спартака» Бесков вернулся к тренерской практике.

Московская «Красная Пресня» была дочерней командой «Спартака». Здесь в коллективе второй лиги набирались опыта спартаковские

воспитанники, здесь же начинал свою тренерскую биографию Олег Романцев. Но в 1990 году «Красная Пресня» стала основой амбициозного и необычного для нашей страны проекта — ей было суждено стать первым частным клубом в СССР. Обладатель трех паспортов, бизнесмен Хусам Аль-Халиди решил создать в столице еще одну сильную команду. Первым делом хозяин сменил название — «Красная Пресня» превратилась в «Асмарал». В основу названия легли первые буквы имен трех детей Аль-Халиди. В подтверждение своих амбиций владелец клуба позвал на пост главного тренера Константина Бескова, а помощником его стал Владимир Григорьевич Федотов. В составе «Асмарала» появились молодые интересные футболисты, а также игроки, не сумевшие раскрыться в других клубах.

«Асмарал» выиграл зональный турнир во второй лиге и добился права играть в первой. Но в декабре 1991 года распался СССР, а вскоре прекратил существование единый чемпионат Союза. В образованную высшую лигу чемпионата России были включены российские клубы союзной первой лиги, в том числе и «Асмарал». Вот так Константин Иванович снова оказался во главе команды из элитного дивизиона.

«Асмарал», усиленный несколькими игроками владимирского «Торпедо», оказался не робкого десятка. В первой же встрече он обыграл «Зенит» в Санкт-Петербурге 4:2. Чемпионат страны-92 проходил в два этапа, и подопечные Бескова сумели пробиться в восьмерку сильнейших. И хотя второй этап молодая московская команда провела не слишком удачно, в целом «Асмарал» оставил хорошее впечатление.

Но проект оказался недолговечным. Во-первых, выступление в высшей лиге требовало больших финансовых затрат, а возможности Аль-Халиди были не безграничны, да и гайдаровская реформа ударила по карману хозяина. Сам же Аль-Халиди усугубил ситуацию, создав филиалы в Кисловодске и Петрозаводске. Во-вторых, «Асмарал» оказался инородным телом в московском футболе. Болельщиков у него почти не было, покровителей тоже, да и кроме самого Аль-Халиди клуб никому не был нужен. И в-третьих — сказались волюнтаристские действия хозяина и его супруги Светланы Бекоевой. Бесков, не терпевший диктата сверху, стал чувствовать себя неуютно, когда он, на восьмом десятке жизни, был вынужден выслушивать рекомендации госпожи Бекоевой. В итоге в январе 1993 года он ушел. Одно дело, когда тебя увольняет сам Николай Старостин — несмотря на сложные отношения, Константин Иванович всегда уважительно отзывался о Николае Петровиче; и другое — оказаться в опале у супруги нувориша. После ухода Бескова и Федотова «Асмарал»

покатился по наклонной и через несколько лет прекратил свое существование.

А в 1994 году Константин Иванович взялся помочь родному «Динамо». К тому времени команда забыла, когда в последний раз становилась чемпионом страны. Даже серебро «Динамо» не брало с 1986 года. После ухода Валерия Газзаева (подавшего в отставку осенью 1993-го после разгрома в Кубке УЕФА от немецкого «Айнтрахта») команда пребывала в полуразобранном состоянии. Бесков сумел навести порядок в клубе. Пусть и не все его действия были бесспорными — например, конфликты с ведущими игроками Юрием Калитвинцевым и Омари Тетрадзе привели к их уходу из клуба. Но серебряные награды в 1994 году и Кубок России в 1995-м (кстати, последний динамовский трофей) «бело-голубые» с Бесковым взяли.

В 1996 году Константин Иванович окончательно ушел из большого футбола. Будучи на пенсии, старался быть в курсе всех футбольных дел, часто выступал со своими оценками и комментариями в прессе.

6 мая 2006 года Константина Ивановича не стало. Валерия Николаевна пережила мужа на четыре года.

ВСЕВОЛОД БОБРОВ

Где бы и во что бы ни играл Всеволод Бобров — он всегда много забивал. И всегда становился первым. Его не щадили соперники, его били и ломали, но всё равно Бобров всегда много забивал и выигрывал. В нашей, да и, пожалуй, в мировой истории спорта нет человека, который был бы одинаково талантлив сразу в трех игровых дисциплинах — футболе, хоккее с шайбой и хоккее с мячом. «Шаляпин русского футбола, Гагарин шайбы на Руси» — трудно не согласиться с этими строчками Евгения Евтушенко.

Большая часть карьеры Боброва-игрока и Боброва-тренера связана с армейским спортом. Но болельщики «Спартака» при всех их антипатиях к ЦСКА всегда тепло вспоминают Боброва, ибо золотые времена спартаковского хоккейного клуба приходятся на годы, когда «красно-белыми» руководил Всеволод Михайлович.

Родители

Всеволод Бобров родился 1 декабря 1922 года в Моршанске — небольшом городке Тамбовской губернии. Отец Всеволода, Михаил Андреевич Бобров, был родом из Тверской губернии. Пятнадцатилетним мальчиком он приехал в Санкт-Петербург и устроился на Путиловский завод. В столице Бобров-старший стал не только квалифицированным рабочим, но и профессиональным революционером. Михаилу Андреевичу пришлось узнать, что такое тюрьма, — в сырой камере он приобрел туберкулез. А когда-то Бобров отличался богатырским здоровьем и неплохо играл в футбол и хоккей с мячом, прекрасно катался на коньках. На катке в Таврическом саду он и встретил свою будущую жену — Лидию Дмитриевну Ермолаеву. Лидия Дмитриевна проживала в Гатчине — колыбели русской авиации, а ее родной брат Михаил Ермолаев был известным летчиком и служил вместе с Петром Нестеровым. Тем самым, что первым выполнил мертвую петлю.

В 1921 году Михаила Андреевича отправили в Тамбовскую губернию. В стране свирепствовал голод, и Петрограду было нужно продовольствие. Большевик Бобров должен был организовать поставки хлеба. Вместе с отцом семейства в путь отправились Лидия Дмитриевна и дети — Тося и Володя (старший сын Витя умер шестимесячным). В Тамбовской губернии

в те годы было очень неспокойно — разгоралось антоновское восстание. И будущий гений мог и не появиться на свет.

Бобровы жили в деревне Островке. Однажды Михаила Андреевича вызвали в город Сасово. Лидия Дмитриевна осталась с Володей дома. И в это время в деревню пришли бандиты, которые безжалостно расправлялись с активистами и их семьями. Лишь счастливая случайность спасла матери Боброва жизнь. Бандиты не признали в ней супругу комиссара и не тронули. Вряд ли бы беременность спасла ее от расправы. Но дом Бобровых всё же сожгли, и семья оказалась на улице.

Ближе к зиме Михаил Андреевич перевез жену и детей в Моршанск, где и родился Всеволод. Холодной зимой Лидия Дмитриевна прятала Севу в коробку с ватой, боялась, что простынет и умрет, как Витя. Но обошлось. Весной стало легче. А в 1924 году Бобровы перебрались ближе к родным краям — в Сестрорецк. Там и прошло детство Всеволода Михайловича.

Брат Владимир

Михаил Андреевич очень любил спорт и эту любовь привил сыновьям. Володя и Сева играли в футбол и хоккей (с мячом, естественно; о шайбе в ту пору у нас не знали). Владимир опекал младшего брата и не давал его в обиду своим сверстникам. Надо сказать, что Сева был ниже ростом большинства ребят. Даже носил прозвище — Козявка. Лишь к четырнадцати годам он догнал сверстников. Кстати, хоккей Сева тогда любил больше, чем футбол. Бегать с мячом весь матч ему было тяжело. Зато на льду юркий мальчик чувствовал себя как рыба в воде. Летом ребята играли на пустырях, а зимой хоккейные баталии кипели на «бочаге». Однажды игра обернулась трагедией. Обратимся к книге Анатолия Слуцкого «Гений прорыва».

«„Бочага“ — это финское название непроточного озера, образовавшегося на месте прежнего русла реки, старицы. Вода сюда стекает, однако не вытекает: частично испаряется, частично фильтруется через песок. В Сестрорецке „бочагу“ иногда использовали для сброса отработанной воды с завода имени Воскова. Хотя это предприятие числилось инструментальным, здесь был большой металлургический цех. Сестрорецкий завод — это старый петровский завод, один из самых первых заводов в России. Но известно: при наличии металлургического цикла водяные сбросы могут быть теплыми. Особенно это сказывалось в начале зимы, когда „бочага“ только-только начинала замерзать.

Но юным хоккеистам не терпелось поскорее встать на коньки, они то и дело пробовали лед. И однажды декабрьским вечером 1933 года, убедившись в его прочности, два брата Бобровых и два брата Томилиных первыми из сестрорецких ребят решили открыть хоккейный сезон на „бочаге“.

Они не знали, что завод только что произвел очередной сброс теплой воды. А „бочага“ — озерцо непроточное… Неокрепший еще лед подтаял и треснул, каток разбился на отдельные льдины. Четверо мальчишек в ватниках и на коньках провалились в большие полыньи, образовавшиеся на „бочаге“.

Первым выбрался Володя. И сразу бросился на помощь младшему брату, который безуспешно, выбиваясь из сил, карабкался на крошившийся лед. Лежа на животе, Володя пытался схватить тонущего, но когда ему наконец удалось вытащить Севу из воды, тот был уже без сознания. В это время на крики о помощи прибежали взрослые и в таком же бессознательном состоянии вытащили из полыньи Володю и Витю Томилиных.

Откачивать ребят стали здесь же, на берегу „бочаги“. Томилиных откачать не удалось. А Сева все-таки очнулся, через рот пошла вода, он начал дышать, и его отнесли домой.

На следующий день болезненный, слабенький одиннадцатилетний Севка как ни в чем не бывало бегал по морозцу.

А Володя слег с двусторонним воспалением легких и с воспалением лимфатических узлов. На теле начала слезать кожа. Отец испугался, бросился в Ленинград, привез известного в то время врача Сергея Ивановича Трухина, и тот велел с головы до ног мазать тринадцатилетнего мальчишку какой-то мазью… Всю зиму пролежал в постели старший брат, не остался на второй год в шестом классе лишь потому, что экстерном сдал экзамены. И летом 1934 года тоже не мог заниматься спортом, все еще вынужден был отдыхать, набираться сил: загорал на пляжах Финского залива — всего-то километр от дома. А для футбола здоровья не хватало… Правда, впоследствии у Владимира Боброва легкие никогда не болели. И вообще физически он был очень крепок, закален: в армии по пояс умывался снегом, купался до глубокой осени».

Через несколько лет Владимир снова спас младшего брата. Во время хоккейного матча страсти раскалились настолько, что вспыхнула драка. Сева раз за разом оставлял соперников не у дел, чем взбесил одного весьма хулиганистого парня. Тот сначала ударил Севу палкой с гвоздем по лицу — шрам остался на всю жизнь, а затем полез в карман за ножом. Володя

закрыл брата собой и принял удар. С ножевым ранением он был доставлен в больницу.

Сам Всеволод Михайлович очень любил старшего брата и считал его исключительно одаренным спортсменом. «Должен сказать, что он и в футбол и в хоккей играл намного лучше меня. Он отличался точными ударами по воротам, комбинационным талантом. Он „выдавал“ такие мячи, что не забивать их было просто невозможно. Я не сомневаюсь, что при удачно сложившихся обстоятельствах он стал бы яркой звездой в нашем спорте».

Высокий Владимир и коренастый Всеволод еще до войны были известными спортсменами. Играли за заводские команды — сначала у себя в Сестрорецке, затем в Ленинграде. Но потом Владимира призвали в армию. После завершения срока службы Бобров поступил в военное училище. Спорт отошел на второй план. К сожалению, ибо в лице Владимира Боброва наша страна потеряла выдающегося футболиста и хоккеиста. Но до войны у Владимира Михайловича были другие, более важные дела. А после войны уже не позволило здоровье — Владимир Бобров был несколько раз ранен и носил под сердцем осколок.

Эвакуация

В 1938 году шестнадцатилетнего Всеволода пригласили в ленинградское «Динамо». Но сыграть за первую команду ему не довелось. Сначала из-за возраста, а потом дебюту помешала Великая Отечественная война.

Владимир попал на фронт уже в первый месяц войны. А Всеволода не взяли. Нужно было сначала закончить школу. К тому же юноша работал на заводе «Прогресс», и ему полагалась отсрочка до достижения девятнадцати лет. Вскоре семью Бобровых эвакуировали из Ленинграда в Омск — туда перевели завод.

Всеволод учился, работал и играл в футбол. Он выделялся на фоне остальных игроков, и слава о нападающем скоро стала греметь по всему Омску. По-прежнему Всеволод рвался на фронт. В декабре его призвали, рядовым. Через несколько недель ему предстояло отправиться под Сталинград.

Но фамилия «Бобров» была вычеркнута из списка. Почему? Список попал на глаза капитану Дмитрию Богинову, в прошлом известному ленинградскому спортсмену. Богинов, комиссованный по причине тяжелого

ранения, работал в челябинском военкомате.

«Богинову было известно, что по решению государственных и партийных органов некоторых ведущих футболистов страны, как и некоторых артистов, ученых, не отправляли на фронт, используя их для работы в тылу. Это решение было мудрым и дальновидным, оно свидетельствовало о глубокой вере в грядущую Победу и закладывало основы послевоенного развития искусства, физической культуры и спорта. Безусловно, в тот момент Богинов не предполагал, что из маленького Севки Боброва, какого он знал, вырастет выдающийся футбольный форвард. Но он вспомнил прекрасную, зрелую игру — Владимира Боброва, которого, возможно, уже нет в живых; перед его глазами возникло постаревшее, сникшее лицо Михаила Андреевича Боброва, который проводил в армию второго сына… И дарованной ему, капитану Богинову, властью решил не брать на фронт красноармейца Всеволода Боброва, словно этот Всеволод Бобров был одним из лучших футболистов страны. Богинов ткнул пальцем в фамилию „Бобров“ и приказал писарю:

— Такие маломерки мне не нужны. Вычеркни и перепиши лист».

И Бобров стал курсантом Ярославского военно-интендантского училища, эвакуированного в Омск. Тем временем из блокадного Ленинграда сумели вывезти двенадцатилетнего Бориса — двоюродного брата Всеволода. Мальчик потерял родителей и мог погибнуть от голода. Михаил Андреевич усыновил племянника. Всеволод Михайлович считал Бориса своим родным братом. Вскоре приехал на побывку Владимир. Но радость встречи была омрачена. Умерла Лидия Дмитриевна. Не выдержало сердце. Всеволода не сразу оповестили, да и из училища отпустили с опозданием. И на похороны матери он не успел.

Молва об омском курсанте, прекрасно играющем как в футбол, так и в хоккей, дошла до Москвы. Бобров забивал в каждой игре по три-четыре гола, а матчи, где ему доводилось забивать по одному мячу, считал провальными. В 1944-м Всеволода пригласили в ЦДКА. В хоккейную команду.

В ЦДКА

Всеволод поразил даже видавших виды армейцев. Тренировалась команда в парке у площади Коммуны, где каток заливали на месте теннисных кортов, — теперь примерно на этом месте построен Музей Вооруженных сил. И когда Бобров в первой же двусторонней игре

подхватил мяч, когда он без разбега, словно пущенный из катапульты, сразу набрал полную скорость и стал одного за другим обводить противников, многие буквально ахнули. Всеволод с легкостью перекидывал клюшку из руки в руку, прикрывал мяч корпусом, и защитники не могли справиться с ним. Играющий тренер ЦДКА Павел Коротков, на собственной «шкуре» испытавший неудержимость бобровского дриблинга, был изумлен, и уже самая первая тренировочная игра бесповоротно решила вопрос о том, что новичок Бобров должен выступать за основной состав.

На хоккейной площадке Боброва заметил Борис Андреевич Аркадьев. Тренера поразили и техника, и скорость, и сила рук молодого нападающего, и его результативность. «Я пришел на первую тренировку хоккейной команды посмотреть на новичка, и то, что я увидел, поразило меня. Прежде всего я увидел, что новичок, попав в общество чемпионов страны, не чувствовал себя экзаменующимся и держался уверенно и спокойно и в раздевалке, и на льду. Я сразу всё понял: это был настоящий, волей божьей талант и мастер индивидуальной игры. „Проходимость“ Боброва при помощи скоростной обводки сквозь оборону противника была буквально потрясающей… А после разыгранного приза открытия хоккейного сезона все заговорили о появлении новой хоккейной „звезды“ небывалой величины».

Но приглашать в футбольную команду Всеволода не спешили. Лишь летом 44-го Аркадьев взял молодого нападающего на сбор в Абхазию. И то не в качестве основного игрока. Аркадьев считал, что Всеволоду нужно дозреть.

Война близилась к концу. Семья Бобровых перебралась из Омска в Москву. Всеволод становился ведущим игроком хоккейной команды, а Борис Аркадьев уже думал, как ввести Боброва в футбольный ЦДКА. Возможно, даже двух Бобровых, ибо Владимир планировал тоже вернуться в большой спорт. Но в марте капитан артиллерии Бобров подорвался на мине и получил серьезное ранение. Ногу чудом удалось спасти, однако ни о каком футболе или хоккее не могло быть и речи.

Тренировки с основой ЦДКА не прошли даром. Борис Аркадьев узнавал Всеволода всё лучше и лучше, открывал новые стороны его таланта. Молодой нападающий обладал очень приличной скоростью, необычной манерой ведения мяча и ударом. Бобровский удар был, может, и не слишком сильным, хотя при желании Всеволод Михайлович мог «выстрелить» как из пушки. Но Бобров бил на точность, посылал мяч на неудобной для вратаря высоте и по столь же непростой траектории. Возможно, это было связано с особенностями коленного сустава

футболиста.

И всё же Борис Андреевич не спешил наигрывать новичка на позиции второго центра. Ветеран Петр Щербатенко нареканий не вызывал, а Аркадьев всегда с уважением относился к игрокам, отдавшим команде свои лучшие годы. Поэтому к первому послевоенному чемпионату СССР Всеволод готовился как дублер Щербатенко.

Закончилась самая страшная в истории нашей страны война. Народ возвращался к мирной жизни, одной из примет которой стал футбольный чемпионат. И в матче с «Локомотивом» московская публика впервые увидела молодого, крепкого курносого парня, который вышел на последние 15 минут вместо Петра Щербатенко. Вскоре новичок поразил ворота «железнодорожников». А затем забил и свой второй мяч. И в тот же день вся футбольная Москва узнала имя этого курносого героя — Всеволод Бобров. В скором времени он все же потеснил Щербатенко, и пятерка нападающих ЦДКА приобрела свой законченный вид — Владимир Демин, Всеволод Бобров, Григорий Федотов, Валентин Николаев, Алексей Гринин.

Слава

Говорили, что Бобров не слишком любил тренироваться. Его стихией была игра. Не было случая, чтобы он халтурил на поле, был не готов к игре. Первый футбольный сезон Всеволода получился ошеломляющим — 24 гола в 21 матче. И хотя ЦДКА не стал чемпионом, уступив титул динамовцам, но именно Бобров стал одним из главных героев первенства 1945 года. А осенью он отправился в составе «Динамо» в знаменитое турне по Британии.

В той поездке, где наши футболисты более чем достойно сражались с родоначальниками самой популярной игры, Всеволод Михайлович забил шесть из девятнадцати мячей. Именно тогда Вадим Святославович Синявский выдал свое знаменитое — «Бобров — золотая нога». Бобров стал фигурой всесоюзного масштаба. Стране нужны были герои нового, мирного времени.

Но была и критика в адрес бомбардира. Например, динамовцев во время турне порой раздражало, что Всеволод брал игру на себя и требовал, чтобы играли на него. В ЦДКА это было приемлемо, в «Динамо» — не вполне. Игроки даже жаловались на Боброва Михаилу Якушину, и тот пытался что-то изменить в поведении нападающего на поле. «Михаил Иосифович, не учите меня играть», — парировал Бобров. Конфликта не

получилось, тренер и игрок быстро нашли общий язык. Тем более что Якушину довелось работать со Всеволодом короткий срок. Куда больше приходилось думать о том, как бы нейтрализовать ударного форварда ЦДКА.

Там же, в Лондоне, Якушин и Бобров впервые увидели необычную для себя игру. Вроде бы хоккей, а клюшки другие, площадка меньше и, главное, вместо плетеного мячика резиновый диск. Оба влюбились в хоккей с шайбой. А Боброву суждено было стать одним из тех, кто сделал канадский хоккей любимым видом спорта в России.

Всеволод Михайлович сразу понял, что хоккей с мячом и хоккей с шайбой при всей схожести — очень разные спортивные дисциплины. В бросок вовлечены иные группы мышц. И чтобы быть с шайбой на «ты», Бобров занялся настольным теннисом, затем брал уроки большого тенниса у Ивана Новикова и Зденека Зикмунда. И привлек последних в канадский хоккей. Уроки не прошли даром. За считаные месяцы Всеволод Бобров из новичка превратился в одного из величайших игроков в истории хоккея.

Боль

Но вернемся к Боброву-футболисту. В 1946 году ЦДКА стал чемпионом, но для Всеволода этот сезон оказался неудачным. Сыграл всего восемь матчей из двадцати двух и забил в них восемь мячей. В Киеве динамовский защитник Николай Махиня ударил Боброва сзади. Ахилл выдержал, а колено… Оно уже не смогло восстановиться в полном объеме. Всеволод вернулся на поле; он продолжал блистать на ледовых площадках, но мало кто знал, чего ему это стоило. Колено Боброва всегда было туго перебинтовано.

Соперники не щадили Всеволода — ни на поле, ни на хоккейной коробке. Травма, нанесенная Махиней, была не единственной. Поэтому футбольная карьера Боброва оказалась довольно короткой, хотя и насыщенной. В хоккее же толчок на борт привел к кровоизлиянию в сердечную мышцу. Врачи потом не раз диагностировали у Всеволода инфаркт, измененная кардиограмма вводила в заблуждение.

Хоккей с шайбой занимал в жизни Боброва всё большее место. Но и бросать футбол Всеволод Михайлович не собирался. В 47-м и 48-м годах он помог ЦДКА защитить титул. В 49-м «Динамо» сумело потеснить «команду лейтенантов» с первого места. Этот сезон стал последним для сдвоенного центра нападения Федотов — Бобров. Григорий Иванович

после завершения чемпионата закончил играть, а Всеволод Михайлович перешел в команду ВВС. Не смог отказать Василию Сталину, с которым дружил. Василий Иосифович был непростым человеком. Но спорт он любил искренне и хотел видеть команду своего ведомства сильнейшей. В хоккее ему это удалось. Военные летчики три года подряд выигрывали чемпионат СССР. В футболе дела обстояли хуже. Не помог и приход Боброва, Анатолия Акимова и ряда других сильных игроков. Возможно, и футбольный клуб смог бы крепко стать на ноги. Но после смерти своего могущественного отца Василий Сталин оказался в опале, а все его спортивные проекты свернули.

Переход в ВВС едва не стоил Всеволоду Михайловичу жизни. В своем первом «летном» сезоне он едва не погиб вместе с командой. 5 января 1950 года самолет, на котором хоккейная команда ВВС отправилась на матч в Свердловск, потерпел крушение при посадке. Погибли все — хоккеисты, тренеры, персонал, экипаж. Всеволода Боброва на борту не было. Всегда безупречный будильник не прозвонил. Или Всеволод не услышал звонок и проспал. На самолет он не успел и добирался до Свердловска поездом. Это и спасло ему жизнь.

Всеволода Михайловича потом спрашивали — считает ли он эту дату своим вторым днем рождения. «Что вы, — отвечал Бобров, — это один из самых скорбных дней. Ведь погибли мои товарищи».

В том же 50-м году Всеволод Михайлович женился. Однажды он лечил очередную травму в госпитале. Там он и познакомился с другой пациенткой травматологического отделения — артисткой оперетты Татьяной Саниной. Роман был бурным, а брак оказался скоротечным. Через год Бобров снова стал холостым. Долгое время Всеволода видели вместе с известной конькобежкой Риммой Жуковой, но до свадьбы дело не дошло. Создать семью Бобров смог только после завершения карьеры игрока. Его избранницей стала киевлянка Елена Николаевна, которая ради Всеволода ушла от мужа и переехала в Москву.

1952 год

Бороться на двух фронтах — хоккейном и футбольном — становилось всё сложнее. Травмы давали о себе знать. Не приносили особого удовлетворения и выступления за футбольный клуб ВВС, формирование команды затянулось. Команда летчиков оставалась середняком, а Всеволод за время выступлений в ЦДКА привык к иному. Но в 1952 году была

создана с нуля сборная СССР, которой предстояло выступить в Хельсинки на Олимпийских играх.

Вновь обратимся к книге Анатолия Салуцкого.

«Весной первого для советских спортсменов олимпийского года все команды, и в том числе сборная, выехали на Черноморское побережье Кавказа. Будущие олимпийцы обосновались в Леселидзе. Там Борис Андреевич продолжал отбор игроков, регулярно устраивая тренировочные матчи, поскольку на каждое вакантное место в олимпийской сборной по-прежнему претендовали минимум по три футболиста.

И становилось все более очевидным, что в игре сборной нет чемпионского духа, задора, что в команде отсутствует ярко выраженный лидер атак.

Но как раз в это время Аркадьев увидел в одной из игр Всеволода Боброва — и словно прозрел! Бобров был, если позволительно так сказать, его „первой любовью“, и былые чувства вновь нахлынули на тренера. Да иначе и быть не могло. В конце концов, оба они были глубоко порядочными людьми, в 1949 году они разошлись достойно, по-доброму, не составляя перечня взаимных обид и не устраивая дележа спортивной славы. Поэтому в 1952 году мгновенно были забыты прошлые размолвки, Аркадьев немедленно и с радостью включил Боброва в состав олимпийской команды.

Это был, пожалуй, единственный случай в истории нашего футбола — да и хоккея, — когда старший тренер сборной сумел переступить через сложные отношения с игроком, добровольно признать свою ошибку и, не помня зла, вновь призвать этого игрока под знамена сборной.

Несомненно, это делает честь педагогическому таланту, непредвзятости, объективности Бориса Андреевича Аркадьева.

Но к сожалению, в период подготовки к Олимпийским играм 1952 года и непосредственно во время их проведения этот замечательный тренер все-таки излишне увлекся экспериментированием, что в конечном итоге отрицательно сказалось на выступлении советской сборной.

Заключительный этап предолимпийских тренировок футболистов проходил на спортивной подмосковной базе близ станции Челюскинская. Все олимпийцы занимались очень напряженно, сознательно. Ни старший тренер Борис Андреевич Аркадьев, ни тогдашний начальник Управления футбола Сергей Александрович Савин, постоянно живший на сборах в Челюскинской, не могли припомнить ни одного случая нарушения дисциплины или режима. Часто к спортсменам приезжали руководители ЦК ВЛКСМ, именно в тот период и зародилось комсомольское шефство над олимпийцами.

Футболистам были созданы все условия для тренировок и отдыха: удобная спортбаза, возможность культурного досуга. Активно подключились к подготовке олимпийцев и представители зарождавшейся советской спортивной медицины, а также медики других специализаций. В частности, одного из форвардов даже возили к гипнотизеру, чтобы сделать его посмелее в атаках. Впоследствии этот игрок стал известен своим жестким характером — видимо, сеанс гипноза помог.

И наконец Олимпийские игры приблизились вплотную. Советские футболисты отправлялись на них с хорошим настроением, твердо рассчитывая занять в олимпийском турнире достойное место.

Однако именно в этот момент началось нечто несуразное…»

В товарищеских матчах сборная СССР смотрелась внушительно. Начало олимпийского турнира также принесло победу — над болгарами. В одной же восьмой финала нашей сборной противостояла очень сильная сборная Югославии. Отношения двух социалистических стран были в то время очень плохими, и идеологическое противостояние не могло не стать фоном игры.

За 20 минут до окончания встречи сборная СССР проигрывала 1:5. Почти безнадежно. Несложно догадаться, чем мог обернуться такой разгром для команды Бориса Аркадьева. Но советские футболисты сотворили чудо — отыграли четыре гола.

О том, как проходила концовка того матча, хорошо — лучше не скажешь! — написал его участник Игорь Нетто в своей книге «Это футбол».

«Не сговариваясь, но каким-то шестым чувством ощутив настроение каждого, мы, — пишет Игорь Нетто, — заиграли на пределе своих возможностей. Так заиграл каждый. Однако острием, вершиной этого волевого взлета был, бесспорно, Всеволод Бобров. Атака следовала за атакой, и неизменно в центре ее оказывался Бобров. Словно не существовало для него в эти минуты опасности резкого столкновения, словно он не намерен был считаться с тем, что ему хотят, пытаются помешать два, а то и три игрока обороны. При каждой передаче в штрафную площадку он оказывался в самом опасном месте. Гол, который он забил „щечкой“, вырвавшись вперед, под острым углом, послав неотразимый мяч под штангу, до сих пор у меня в памяти. Это был образец непревзойденного мастерства… Счет стал уже 3:5… И снова Всеволод Бобров впереди. Вот я вижу, как он врывается в штрафную площадку, туда, где создалась невообразимая сутолока. А вот он, получив мяч, обводит одного, другого, и уже бросается ему в ноги, пытаясь перехватить мяч,

вратарь Беара… Счет уже 4:5!.. Все заметнее, что наши соперники уже не верят в свою победу. И у них есть все основания для этого. Мой партнер по полузащите Александр Петров, вырвавшись вперед, головой забивает пятый гол!»

Три из пяти мячей забил в том матче Всеволод Бобров. Еще один гол был забит с его подачи.

Но в переигровке сборная СССР проиграла 1:3. Свой гол Бобров забил, но гол этот уже ничего не мог изменить. Наши футболисты вернулись домой, где их ждали серьезные оргвыводы. Всеволод Бобров наказан не был, в какой-то степени его защитила дружба с Василием Сталиным. Но настроение было не из лучших.

Вызов

В марте 1953 года умер Сталин. А через месяц гонениям подвергся сын генсека Василий. Команды ВВС были расформированы. ЦДКА был разогнан на полгода раньше — после Олимпиады. Тридцатилетний Бобров ушел в московский «Спартак» и помог тому стать чемпионом страны. Но этот сезон стал последним для Боброва-футболиста. Всеволод Михайлович сосредоточился на хоккее, где добился выдающегося успеха. Сборная СССР стремительно ворвалась в мировую хоккейную элиту — с ходу выиграла чемпионат мира, в 1956 году победила на Олимпийских играх, а в 1957-м снова стала чемпионом мира.

Много лет Всеволод Михайлович оставался в первую очередь хоккейным человеком. Как тренер он добился немалых успехов. Противостояние ЦСКА Анатолия Тарасова и «Спартака» Всеволода Боброва было главным событием хоккейных чемпионатов середины шестидесятых годов. Но в 1967 году, вскоре после блестящей победы хоккеистов «Спартака» в первенстве страны, Всеволод Михайлович неожиданно вернулся в футбол.

Андрей Антонович Гречко занял пост министра обороны 12 апреля, а уже 23 апреля он выкроил время для того, чтобы посетить хоккейный матч «Спартак» — ЦСКА. Решалась судьба чемпионского титула. На протяжении многих лет тарасовский ЦСКА царил на льду, но ему бросил вызов московский «Спартак», ведомый Всеволодом Бобровым. Два года подряд «красно-белые» приходили на финиш вторыми, но в сезоне 1966/67 «Спартак» «созрел». ЦСКА был повержен со счетом 7:3, и эта победа открыла спартаковцам путь к золотым медалям.

Стоп! А какое отношение имеют к футболу дела сугубо хоккейные? Дело в том, что в ходе этой встречи решилось, кому быть тренером футбольной команды ЦСКА, ибо дела у футболистов шли неважно. А тут Бобров, пусть и отошедший от футбола почти на полтора десятка лет, лишает родной ЦСКА чемпионства.

Не успел хоккейный «Спартак» получить долгожданные золотые медали, как Всеволоду Боброву позвонили из приемной маршала Гречко. Предложение вернуться в футбол и в ЦСКА было для Всеволода Михайловича неожиданным. Но он не стал медлить с ответом. «Гагарин шайбы на Руси» оставил созданную им блестящую команду и отправился спасать тонущий футбольный коллектив. Причин тому было несколько. Во-первых, Всеволод Михайлович не мог отказать министру обороны как военный человек. Во-вторых, Бобров никогда не забывал о своем славном армейском прошлом и хотел помочь команде, попавшей в беду. В-третьих, выдающийся хоккеист любил футбол не меньше, а может, и больше, чем хоккей. Соскучился — и вернулся. Не забудем и материальную сторону дела. Возвращение в ЦСКА сулило Боброву пенсию в 200 рублей, а на «гражданке» ему светили только 80… А может, смелый и неординарный человек просто принял новый вызов судьбы.

За двумя проигрышами армейцев — «Спартаку» и «Динамо» — Всеволод Михайлович наблюдал с трибуны, а игрой с минчанами руководил уже сам. Перемены на тренерском мостике не замедлили сказаться. ЦСКА выиграл три встречи и поправил свои дела. А потом оглушительные 0:4 в Баку…

Позволим себе процитировать книгу Владимира Пахомова «Гений прорыва», посвященную Всеволоду Михайловичу:

«Бобров никогда не говорил: „Я — ученик Аркадьева“. Из-за природной скромности он считал, что называться учеником прославленного тренера, великолепного теоретика, прекрасного практика надо заслужить. Сам же он, особенно в футбольных командах, всегда старался претворять взгляды Аркадьева, работу свою или коллег сверял по Аркадьеву.

„Я не представляю своей жизни без Аркадьева, — говорил Бобров в одном из последних в своей жизни интервью. — Он для меня не просто тренер, даже слово наставник не вмещает всего того, что значит для меня Аркадьев. Это и школа, и уроки футбола, и университет культуры — всё на свете. И если я совершал какие-то ошибки в жизни, а я их совершал, то, видно, мало учился у Бориса Андреевича“.

— В футболе я на многое смотрю глазами Аркадьева, — признавался в

другой раз Бобров, — но это вовсе не значит, что я вижу всё то, что видит он. Для этого нужно быть Аркадьевым.

Казалось бы, чего проще — повторить в себе учителя, но, увы, не каждому это дано.

В конце мая 1967 года, будучи в „пожарном порядке“ назначенным старшим тренером футбольной команды ЦСКА, Бобров, занявшись поиском причин неудач, без труда установил диагноз болезни. Он крайне удивился, узнав, что в подготовительный период футболисты ЦСКА ни разу не провели кросс, сделав упор на занятия с мячом. „Конечно, индивидуальные занятия с мячом — похвальная вещь, но в предсезонье лучше не забывать атлетическую и волевую подготовку, — говорил мне Бобров. — Ведь почему в майских матчах у армейских футболистов не наблюдалось взаимозаменяемости и подстраховки? Из-за плохой физической подготовки“».

Как ни старался Бобров, его клуб лихорадило, и на финиш ЦСКА пришел девятым. Основной упор Всеволод Михайлович сделал на Кубок. Симферопольскую «Таврию» армейцы обыграли со счетом 3:0 еще при Калинине, но киевлян, действующих и будущих чемпионов, уложили на лопатки с тем же результатом уже при Боброве. В четвертьфинале был обыгран «Локомотив» 2:1. Полуфинал с «Нефтяником» пришлось играть дважды — нулевая ничья и 2:0 в переигровке. Наконец, финал с московским «Динамо» 8 ноября в «Лужниках». Команда Бескова забила три безответных мяча в ворота армейцев.

В 1968 году сборной СССР предстояло выступить на чемпионате Европы. Подготовка сборной шла своим ходом, чемпионат — своим. И во многих матчах первого круга армейцам пришлось обходиться без Шестернёва, Капличного, Истомина и примкнувших к ним Пшеничникова и Афонина. Без сборников команда набрала 11 очков в 11 встречах, и этих потерь очень не хватило на финише. От серебряного призера — «Спартака» — ЦСКА отстал на два очка, а с «Торпедо» и вовсе показал одинаковый результат, но уступил по результатам очных встреч — 0:3 и 0:2. В итоге четвертое место. Поход за Кубком завершился на стадии одной восьмой после двух раундов выяснения отношений с «Торпедо». Конечно, четвертое место против девятого — солидный прогресс, но от Боброва ждали не этого. Поползли слухи, что в Министерстве обороны недовольны Всеволодом Михайловичем. Зато авторитет самого Боброва заметно вырос.

Чемпионат 1969 года проходил в два этапа. Сначала команды, разбитые на две группы по десять команд в каждой, играли в два круга. По семь лучших клубов составили финальную пульку, которая, так же в два

круга, разыгрывала медали. На первом этапе армейцы выступили весьма успешно, заняв второе место в своей группе вслед за киевлянами. Но второй этап ЦСКА провалил, особенно финиш. В восьми заключительных матчах четыре проигрыша и четыре ничьи. В итоге шестое место. В Кубке ЦСКА дошел до полуфинала, где споткнулся на ростовских армейцах. Результат был оценен как неудовлетворительный.

Причин для неудач было немало. Это и усталость многих игроков, в первую очередь сборников, и травма Владимира Пономарева, вынудившая его завершить карьеру в 29 лет. Не оправдали надежд новички — Вшивцев забил один мяч, а рвавшийся к Боброву Абдураимов начал за здравие, но потом скис. А еще был конфликт Боброва с Владимиром Федотовым, из-за которого ведущий полузащитник пропустил немало матчей. В итоге нападение выглядело даже слабее, чем в предыдущие годы. Огромный авторитет не спас Всеволода Михайловича от отставки. Впрочем, Бобров сам признал свои ошибки и попросил об освобождении от должности. Его место занял товарищ по «команде лейтенантов» Валентин Николаев, уже успевший поработать с ЦСКА и тренировавший последнее время армейский коллектив Хабаровска.

Через год ЦСКА, возглавляемый Николаевым, выиграет долгожданное золото чемпионата страны. Не принижая заслуг Валентина Александровича, заметим, что одним из творцов победы следует признать Всеволода Боброва, который и заложил фундамент этой блестящей команды. Николаеву оставалось довести до логического конца начатое его товарищем.

Последнее десятилетие

Бобров снова переключился на хоккей. В 1972 году он возглавил сборную СССР. Именно он руководил нашими хоккеистами и во время суперсерии с канадскими профессионалами, и на победной Олимпиаде в Саппоро. Эпохальность канадской серии оценят у нас много позже. Тогда же начальству важнее казалась победа в Японии. А вот народ игры с канадскими профессионалами оценил сразу. Не зря же Владимир Высоцкий откликнулся на них песней «Профессионалы». Кто мог подумать, что спустя считаные годы великий тренер великой сборной окажется в Алма-Ате в скромном «Кайрате»?

Но так вышло. На гребне успеха строптивца Боброва сняли. Формальным поводом для увольнения стал инцидент в лифте московской

гостиницы «Россия».

Какой-то подвыпивший незнакомец хлопнул Боброва по плечу: «Привет, Бобер!» Не терпевший подобной фамильярности Бобров ответил: «Кому Бобров, а кому Всеволод Михайлович». Потом в дело пошли кулаки. На беду Боброва незнакомец оказался депутатом Верховного Совета. Боброва сняли, а имя его постарались забыть.

В 1975 году Всеволода Михайловича пригласили в Казахстан — вытаскивать из первой лиги алма-атинский «Кайрат». Тут-то и состоялся единственный поединок в футбольном формате двух соперников — Всеволода Боброва и Анатолия Тарасова. Анатолий Владимирович в тот год тренировал ЦСКА. Без особого, надо сказать, успеха. Но кубковый матч против бобровского «Кайрата» оказался лучшим для тарасовского ЦСКА — убедительная победа 3:0. С задачей вывести алма-атинский клуб в высшую лигу с ходу Всеволод Михайлович не справился. И вернулся в Москву.

Боброва и Тарасова иногда представляют антагонистами, чуть ли не врагами. Дескать, Тарасов невзлюбил Боброва еще со времен той самой авиакатастрофы, в которой погиб младший брат Анатолия Владимировича Юрий. Будто Тарасов болезненно переживал проигрыши армейцев «Спартаку», а после того, как сборную СССР повез в Канаду не он, а Всеволод Михайлович, и вовсе слышать не мог о Боброве. Ничего подобного. Соперничество было, но о вражде двух великих не могло быть и речи. Как вспоминала Елена Николаевна Боброва, Всеволод Михайлович и Анатолий Владимирович частенько гуляли во дворе с детьми — а надо сказать, что жили они в одном дворе, — и спокойно общались.

В 1977 году футбольный ЦСКА крайне слабо начал чемпионат СССР. После проигрыша московским динамовцам был отправлен в отставку главный тренер Алексей Мамыкин. (Владимир Высоцкий использовал этот факт в известной песне про слухи.) И кого же позвать выручать армейцев? В Министерстве обороны вспомнили про Боброва.

И вот в мае 1977-го, ровно через десять лет после своего первого назначения, Всеволод Михайлович снова возглавил ЦСКА.

Бобров застал команду в плачевном состоянии. Проблемы с дисциплиной, кто-то не мог играть, кто-то не хотел. К тому же армейцы баловались договорными играми, и в сезоне 1977 года приходилось возвращать долги за предыдущий сезон 1976-го.

Первую победу ЦСКА праздновал только в десятом туре, а вторую — в семнадцатом (!). Эта встреча на стадионе «Раздан» должна была завершиться вничью, об этом знал весь Ереван, но армейцы, благодаря

лидерам команды — Астаповскому, Чеснокову, Копейкину и тренеру Боброву, решили больше не участвовать в «договорняках». После победы 3:2 из Еревана пришлось спасаться бегством. Но эта победа (а за весь чемпионат набралось лишь пять выигрышей) очень пригодилась на финише. Ибо ЦСКА провел худший (на то время) сезон в послевоенной истории и занял только 14-е место.

В межсезонье команда укрепилась. ЦСКА стартовал матчами в Алма-Ате и Ташкенте, откуда вернулся без очков. Но постепенно армейцы разыгрались. Первый круг закончили на втором месте. Конечно, случались и незапланированные потери, порой просто не везло. Так, например, в домашней игре с киевлянами Беленков и Петросянц не забили пенальти, и москвичи уступили, имея заметное преимущество. Команда финишировала шестой. Но по сравнению с предшествующими сезонами этот результат выглядел ощутимым прогрессом. В Кубке сошли на стадии одной восьмой, уступив в равной борьбе землякам-динамовцам.

Однако по окончании сезона Боброва сняли… Снова обратимся к биографу и другу Всеволода Михайловича Владимиру Пахомову:

«За шестое место ЦСКА в чемпионате СССР 1978 года новый глава спорткомитета Министерства обороны Николай Шашков, адмирал, командир атомной подводной лодки „К-172“, человек, невероятно далекий от спорта, беспардонно, без соответствующей беседы, без консультаций со специалистами, отставляет Боброва от футбольной команды и переводит на место тренера детско-юношеской школы ЦСКА. Его, который никогда не тренировал детей.

Тогда Бобров чуть ли не первый раз в жизни решает использовать свое имя для решения личных проблем, а не проблем своих многочисленных друзей и партнеров по различным командам. Он звонит по прямому номеру министру обороны маршалу Дмитрию Федоровичу Устинову, называет воинское звание, фамилию. Устинов, естественно, знает о Боброве, но сам признается, что он далек от спорта, а всё с ним связанное курирует его заместитель Соколов, уехавший в отпуск в Карловы Вары. Бобров так и не решается рассказать о некомпетентности Шашкова, и разговор принимает формально-доброжелательный характер. Все, кому Всеволод рассказывал об этом разговоре, говорили в один голос, что стоило ему напомнить министру о том, как тот постигал азы рабочего мастерства у отца Боброва, который называл его просто Митей, тот выполнил бы любую его просьбу. Однако „бить на лирику“ Бобров не решился или счел это неэтичным».

После этого издевательского назначения Всеволод Михайлович не прожил и года. Он скончался 1 июля 1979 года в Москве в неполные 57 лет.

По сию пору большинство наших заслуженных мастеров спорта уверены: равных Боброву в спортивной истории страны — нет. Это был уникум, самородок, талант от Бога. В футболе и хоккее — везде он был абсолютно первым. И сумел реализовать себя полностью и как игрок, и как тренер в этих двух самых любимых на Руси видах спорта.

НИКИТА СИМОНЯН

Никита Павлович Симонян — пример беззаветного служения футболу. Он был замечательным нападающим, стал прекрасным тренером. Несмотря на свой преклонный возраст, Никита Павлович продолжает трудиться в Российском футбольном союзе на должности первого вице-президента. И сухие слова — «чиновник и функционер» никак не вяжутся с образом этого очень обаятельного и энергичного человека. Симонян всегда активен, бодр, и кажется, что время не властно над ним. Он всегда остается молодым.

Сухуми

Никита Симонян родился 12 октября 1926 года в городе Армавир, что в Краснодарском крае. «Мой день рождения несложно запомнить — 12 октября Колумб открыл Америку», — любит шутить Никита Павлович. Родители будущего футболиста — Погос Мкртычевич и Варсеник Акоповна были беженцами из Турции. В 1915 году они перебрались в Россию, спасаясь от геноцида армян.

Старший сын Погоса Симоняна при рождении получил имя Мкртыч, что по-армянски значит «креститель». В честь дедушки. Никитой Симонян стал уже в Сухуми, куда многочисленное семейство (туда входили и родственники по линии матери) переехало в 1930 году. Столица Советской Абхазии была городом интернациональным, и для многих ребят имя с пятью согласными было слишком тяжелым. Переделали в «Микишку», потом в «Микиту», а там и до Никиты недалеко. «Микишка, бей! Микишка, давай!» — кричали друзья во время дворовых футбольных баталий.

Погос Мкртычевич, которого соседи переименовали в Павла Никитича, увлечения сына футболом не разделял. Более того, частенько ругал Никиту за разбитую обувь, которую тут же и чинил. Отец будущего нападающего был сапожником и, возможно, хотел, чтобы и сын продолжил его ремесло, очень уважаемое в ту пору. Но Никита выбрал иной путь. Уже позже, став знаменитым футболистом, он привез отца на матч сборной СССР. Наши футболисты выиграли 2:0, и оба мяча забил Симонян. Павла Никитича поразило, как совершенно незнакомые люди здороваются с ним, восхищенно говорят: «Это отец Никиты Симоняна». Пожилой человек был растроган. «Сына моего, оказывается, очень уважают в Москве», —

говорил он, вернувшись домой.

Никита мог стать и музыкантом. Незадолго до начала Великой Отечественной войны он записался в духовой оркестр. Учитель пения, дядя Карлуша, добрый пожилой человек, разглядел у мальчика немалые способности к игре на трубе. Школьный оркестр выступал на первомайских демонстрациях, участвовал в торжественных мероприятиях и похоронах. Юные музыканты зарабатывали копеечку, а сам организатор кружка не препятствовал подобной подработке. Однако после смерти дяди Карлуши оркестр прекратил свое существование.

И всё же спорт был на первом месте для Никиты. Ребята из сухумских дворов играли в баскетбол, волейбол. Но футбол был вне конкуренции. Играли улица на улицу, район на район. Мяч гоняли на пыльных пустырях. А как хотелось сыграть на настоящем поле!

«Кто-то доложил, что в Гульрипши, местечке километрах в двенадцати от Сухуми, есть потрясающая площадка, почти как настоящее футбольное поле, и мы — Шурка Седов, Альберт Вартанов, Миша Датебов, Павел и я — устремились туда.

Электрички в ту пору по Черноморскому побережью не ходили, поезда были редки, и мы назубок выучили их расписание. Уговаривали какого-нибудь проводника подвезти нас, набивались в тамбур. Ездили и на товарняках.

Соперников не надо было специально оповещать о нашем прибытии — их всегда можно было найти на поле, в крайнем случае на пляже. Играли мы без судей, но строго придерживались мальчишеского кодекса чести — сзади не бить.

И еще: на поле всё должно забываться во имя команды. Никто из нас не тянул одеяло на себя. На похвалы были скупы, славой не считались — победа общая. Помнится, я больше всего не любил задиристых, зазнаек. И по сей день не терплю пренебрежительного отношения к людям, высокомерного тона.

Часов, естественно, ни у кого не было, да и не хотели мы ограничивать себя во времени — играли до полного изнеможения. Когда ноги уже не держали, вспоминали о доме и о предстоящем двенадцатикилометровом пути.

Возвращались всегда пешком, нередко уже при луне. Давал знать о себе голод — гоняя мяч, не думали о еде, — и мы заворачивали в чьи-то сады, набивали за пазухи груши, персики. Вряд ли это можно назвать воровством — мы не наносили особого ущерба хозяевам», — вспоминает Никита Павлович в своей книге «Футбол. Только ли игра?».

Но в 1941 году началась война и футбол отошел на второй план. В жизни появились более серьезные вещи. И хотя враг не дошел до Абхазии, ее жителям пришлось испытать налеты авиации. Во время одного из них был ранен отец Погос Мкртычевич. Немало знакомых Никиты ушло на фронт и не вернулось. В том числе погиб двоюродный брат Акоп.

«Мы понимали, какое это горе, но детство есть детство. И война не могла отнять у мальчишек тяги к играм, к своим компаниям, к общению. Мы по-прежнему гоняли мяч на площадке у нашей седьмой школы и на пустыре в центре города.

Однажды на пустыре появился Шота Ломинадзе. Стоит, смотрит внимательно на нашу игру.

Шоту мы знали: он был игроком местной команды „Динамо“, полузащитником. Маленького роста, рыжеватый, шустрый, быстрый, неутомимый. На общественных началах ему поручили собрать ребят в спортшколу, создать команду. И Шота присматривался к нам. Мы еще не знали, что это наш будущий, наш первый тренер.

Спортшколы в нынешнем понимании не было. Просто мы собирались на стадионе „Динамо“, где нас ждал Шота, на тренировку. Но все мы были уже в динамовской форме. Сразу же после знакомства тренер отвел нас на склад, в маленькое темное помещение, где нам выдали синие трусы, желтые майки, гетры и бутсы размера на три больше, чем надо — других не имелось. До сих пор футбол был для нас только упоительной игрой. Теперь мы начинали постигать его с другой стороны — дисциплина, тренировки, самоотдача.

Шота, несмотря на свою стремительность, „моторность“ на поле, был человеком спокойным, мягким. Никогда мы не слышали от него ни окриков, ни оскорблений. Он быстро разглядел среди нас и защитников, и нападающих, и вратаря. Старался научить нас всему, что умел сам. Шота не стеснял нас обязательной программой, обязательными упражнениями. Не подавлял индивидуальности, каждому давал возможность проявиться. Нас не нужно было заставлять что-то делать. Не было случая, чтобы после тренировки мы всей командой дружно ушли в раздевалку. Нет, мы еще долго показывали друг другу, что умеем, осваивали новые приемы. Шота вынужден был просто-напросто разгонять нас по домам.

Я был рад, что тренер увидел во мне нападающего, и часами отрабатывал удары по воротам. Бил, бил… Ноги уже гудят, а я опять к мячу. И дома не переставая лупил по калитке, по обеим сторонам которой, как штанги, стояли кипарисы».

Как видим, несмотря на войну, футбол жил и помогал людям выжить.

Огромное впечатление произвело на Никиту известие о матче в блокадном Ленинграде. В этот момент он понял, что футбол — не только игра, а нечто большее.

В войне наметился перелом. На Черноморское побережье стали приезжать воссозданные футбольные команды — московское и ленинградское «Динамо», ЦДКА. Каждый товарищеский матч становился настоящим праздником для сухумцев. «Нам обычно разрешали располагаться за воротами, и мы с жадностью смотрели на чудо, происходящее на поле. Да-да, мы считали это чудом, я не преувеличиваю. Всё, что делали мастера, нам казалось недосягаемым и чуть ли не сверхъестественным. Меня, конечно, больше всего захватывали сражения защитников и форвардов, особенно жадно следил за действиями последних. Потому что чувствовал, и Шота утвердил меня во мнении: самая подходящая для меня роль на футбольном поле — роль нападающего. Я смотрю во все глаза и пытаюсь понять, каким образом удается нападающим вскрыть ворота соперника. Хитроумный финт, дриблинг, обводка, игра в стенку, наконец, хлесткий точный удар… Отмечал приемы, удары, но в целом сложнейшая грамота пока не постигалась. Я заметил, что многие выгодные моменты для взятия ворот создаются умелым маневрированием форвардов без мяча. Увидеть уязвимое место на половине поля соперника, ринуться в эту точку и предложить тут себя товарищу по команде, который владеет мячом. Это легко заметить, а сделать самому… Я понимал уже, что в игре нужны не только быстрые ноги и ловкость, но и хорошая голова, спортивная хитрость.

Всё, что приводило меня в восторг, я потом не раз перебирал в памяти и ночью долго не мог уснуть, всё вспоминал и вспоминал, мысленно готовясь изобразить завтра то, что видел. Интересно, удастся ли? А воображение — оно почему-то всегда разыгрывается перед сном — уже несло меня дальше, и я видел себя рядом с Федотовым, Бобровым на одном поле. Взлетев таким образом, одергивал себя: ну куда мне до них! Не дорос! И дорасту ли?.. Отрезвленный, засыпал, а назавтра на тренировке все-таки пытался повторить то, что делали „академики“».

Сам Никита Симонян вместе со своим другом, вратарем Владимиром Маргания, выступал за юношескую команду и вместе с ней стал чемпионом Абхазии. Предстояло первенство Грузии, в состав которой тогда входила Абхазия. Команда Никиты Симоняна дошла до финала и в решающем матче со счетом 1:0 обыграла тбилисцев, считавшихся фаворитами.

Всё чаще Никита стал привлекаться во взрослую команду сухумского «Динамо», которая проводила матчи не только с местными футболистами, но и именитыми гостями. Дебют Симоняна пришелся на игру со вторым составом московского «Динамо». Противостоял Никите уже опытный центральный защитник, с которым во время игры довелось обменяться репликами. Аркадий Иванович Чернышев, а это был как раз будущий выдающийся футбольный и хоккейный тренер, отметил, что «Никита — парень шустрый, но еще сырой». Сам Симонян не помнил, как сыграл с москвичами, но после того матча тренер сухумцев Михаил Григорьевич Туркия перевел Никиту во взрослую команду.

Москва

Зимой 1945 года в Сухуми приехала московская команда «Крылья Советов». Крепкий коллектив, чемпион столицы, укомплектованный сильными футболистами, поигравшими в довоенных первенствах страны. Москвичи провели две встречи с сухумцами и в обеих потерпели поражения 1:3 и 0:1. Все мячи забил Симонян. Как оказалось, эти голы открыли Никите Павловичу дорогу в большой футбол.

«В один из дней ко мне подошел футболист из „Крылышек“ и сказал, что тренеры команды просили меня зайти к ним в гостиницу „Абхазия“. Зачем? Я и не задумывался над этим. Приглашают — значит, нужен. Отыскал в гостинице названный номер… Вошел. У окна стоял Владимир Иванович Горохов, один из тренеров.

— А, Никита! Заходи! Знаешь, зачем тебя позвали? — Владимир Иванович пристально смотрел на меня, пряча в уголках губ улыбку. — Не знаешь? Поехали к нам, в Москву. Будешь играть за нашу команду.

Всего ожидал, но только не такого. Меня — в Москву, в команду, выступающую в первенстве страны? Может, Горохов шутит?

— Нет, нет, не шучу я, — словно угадал мои мысли тренер. — Я из тебя второго Боброва сделаю!

Я молчал. Я опешил. Из меня — „второго Боброва“? Того самого Боброва, который месяц назад блистательно выступал на стадионах Англии в составе московского „Динамо“, который в последнем чемпионате страны забил двадцать четыре мяча?

Посмотрел на Владимира Ивановича — он улыбался, и я улыбнулся, пожал плечами, не зная, что ответить.

— Не тушуйся, я тебе серьезно говорю, поехали в Москву. Ну а насчет

Боброва — там видно будет. Многое зависит от тебя самого.

„А он и впрямь не шутит, — подумал я. — Он и в самом деле предлагает мне перейти в ‘Крылья Советов’. Вот что касается Боброва, то тут он явно перегнул. Мне до Боброва как до луны“.

Подумал, но опять ничего не ответил.

— Что молчишь?

— А что отвечать? Без родителей ничего не решишь.

— Это наши заботы. Поговорим с родителями, убедим.

— Не так-то легко…»

Вечером к Симонянам пришли Горохов и старший тренер «Крыльев» Абрам Христофорович Дангулов. Разговор выдался долгим и непростым. Погос Мкртычевич не хотел отпускать сына в столицу, тем более играть в футбол, казавшийся ему занятием несерьезным. Но Дангулов и Горохов всё же смогли убедить отца. Симонян-старший дал добро. «Жди, Никита, за тобой приедут», — сказали на прощание тренеры. И молодой человек стал ждать.

Дни ожидания тянулись долго. Иногда Никите казалось, что про него забыли. Но однажды на пороге квартиры появилась молодая женщина — чемпионка СССР по гребле Елена Николаевна Лукатина. Ей Владимир Иванович Горохов и поручил привезти сухумского юношу в Москву.

В столице Никита поселился у тренера — Владимира Горохова. Владимир Иванович жил со своей семьей — женой и двумя маленькими детьми — в центре Москвы, во Вспольном переулке. Квартирка была маленькой и темной, располагалась в полуподвальном помещении. Было тесно, но Никите нашлось место. Несколько лет юноша прожил в семье тренера.

«В темном чулане на большом сундуке устроили постель.

— Будь как дома, Никита, — сказала при знакомстве Клавдия Михайловна.

Так я себя и чувствовал у Гороховых — как дома, хотя был очень застенчив. Раскрепощало доброе отношение. И со временем мне не раз приходилось убеждаться в том, что истинная доброта проверяется вот таким умением делиться последним.

Еще не отменили карточек. Хлеб в булочных развешивали, буханки разрезали на куски, кусочки, довески. Клавдии Михайловне непросто было всех накормить. А мой вклад в семейный бюджет, как сейчас понимаю, был невелик».

«Крылья Советов» не принадлежал к числу успешных и популярных клубов. Тем не менее в команде было несколько сильных игроков. Один

Петр Дементьев чего стоил. «Маленького, пожилого, по моим тогдашним понятиям, человека с мальчишеской челкой видел впервые. Когда мне назвали его имя — Петр Тимофеевич Дементьев, — оробел: знаменитый Пека!

Начались тренировки. С первых дней ощутил всю тяжесть спортивной дисциплины. Это тебе не сухумские занятия, где всё делалось в охотку: устал — отдохни. Можешь опоздать на тренировку, можешь вообще не явиться. Там я и чувствовал себя по-другому, пользовался авторитетом. А здесь кто я? Мальчишка, новичок. Хорошо, что отношения в команде были доброжелательными. Даже сам Петр Тимофеевич, человек в общем-то нелюдимый, подойдет, посмотрит, скажет скороговоркой:

— У тебя всё есть… Способности есть. Учиться надо. Учиться… Делай вот так…

Понимал, что надо учиться, да моих сухумских накоплений для учебы, для нового скачка явно не хватало. Чувствовал, что из школы сразу перескочил в академию, не имея для этого достаточных знаний. Для меня начинался другой футбол. Раньше знал одно: лететь к воротам, закладывать финты, обводить соперника, прорываться. Но мои соперники теперь футболисты высокого класса. И, ощутив в первых же матчах жесткость опеки, понял, что надо научиться укрощать мяч в доли секунды и в доли секунды принимать решения. Не освою этого — дальше не двинусь.

— Делай вот так… — подходил Петр Тимофеевич. — Смотри… Данные есть… Так ты давай! Уверенней!

Петр Тимофеевич Дементьев замкнут. Говорил мало. Нелегко находил общий язык с людьми.

Когда впервые увидел Пеку на поле, был потрясен его умением обращаться с мячом. Думаю, даже сегодня, при возросшей технике, он поражал бы и мастеров, и болельщиков.

Уже тогда бытовало такое выражение: „Мяч привязан к ноге“. Сейчас это избитые слова. Но про Петра Тимофеевича иначе не скажешь».

Так уж вышло, что первый матч за «Крылья Советов» в чемпионате СССР Симоняну предстояло сыграть в Сухуми. В Союзе существовала практика проведения первых туров в южных городах. Так и в первенстве 1946 года московские «Крылья» открывали сезон в столице Абхазии игрой с минскими динамовцами. Но в день игры Никита получил тревожное известие. Ночью в доме прошел обыск, был арестован отец.

Тот матч москвичи выиграли, и Симонян забил единственный мяч. Но настроение было ужасным. Никите сообщили, что и самому ему следует ждать ареста. Спортивные власти Грузии не хотели отпускать молодого

талантливого нападающего в Москву и решили таким способом склонить его к переходу в тбилисское «Динамо».

Пришлось ехать в Тбилиси. На вокзале Никиту встретил Борис Пайчадзе, известный в ту пору футболист тбилисского «Динамо», который и препроводил молодого человека в МВД Грузии. Там один руководящий работник долго убеждал Никиту, что грузины и армяне должны держаться вместе, подальше от русских, сулил златые горы в тбилисском «Динамо», предлагал сменить фамилию на Симонишвили, но всё тщетно. Никита Симонян не мог предать Владимира Горохова и своих друзей по «Крыльям Советов». Те же в свою очередь сумели добиться освобождения Симоняна-старшего.

«Спартак»

В «Крыльях Советов» молодой Никита Симонян стал заметным игроком. Вот только сама команда играла всё хуже и хуже. Сказывался уход ведущих футболистов — Петра Дементьева, ведущего защитника Агустина Гомеса. Закончили играть другие ветераны, и по итогам чемпионата 1948 года «Крылья» заняли последнее место. Было принято решение о расформировании коллектива. Тренеры Дангулов и Горохов отправились в «Спартак», а игроков стали распределять по разным профсоюзным командам. Никиту Симоняна очень хотели видеть в столичном «Торпедо». Руководство мечтало о дуэте форвардов Александр Пономарев — Никита Симонян. Хотел играть с молодым товарищем и сам Александр Семенович Пономарев. Он лично убеждал Никиту стать торпедовцем. Но сам Никита выбрал «Спартак», тем более что там уже были хорошо знакомые ему тренеры. Симонян был готов присоединиться к «красно-белым», как вдруг его вызвал к себе сам директор ЗИСа Иван Алексеевич Лихачев, души не чаявший в своей заводской команде.

Вот как вспоминает эту историю сам Никита Павлович:

«Команда „Крылья Советов“ была расформирована решением секретариата ВЦСПС, и тренеры Дангулов и Горохов перешли в „Спартак“. А Владимир Иванович Горохов это для меня второй отец. „Спартак“ за мной долго следил, пока я был игроком „Крыльев“. Как мне сказал покойный Морозов Николай Петрович, администратор команды: „Мы за тобой следили, мы за тобой смотрели“. Потому что „Крылья Советов“, значит, перед игрой готовились в санатории Челюскинском, Челюскинская станция, а рядом Тарасовка, и Тарасовка нам давала поле для тренировок.

И они, видимо, за мной наблюдали — и это тоже. Ну и, наконец, реально все-таки претендовать на место в составе, побороться в „Спартаке“ я имел больше шансов, чем в „Торпедо“.

В „Торпедо“ блистал Пономарев Александр, а здесь, значит, фактически был один Борис Чучелов, с которым можно было конкурировать. Много лет спустя Пономарев мне сказал: „Ты зря пошел в ‘Спартак’“. — Я говорю: „Почему, Саша?“ — „Ну, мы с тобой бы, знаешь, создали бы сдвоенный центр, мы бы рвали всех“. Я говорю: „Саша, ну ты понимаешь, ты блистал тогда, я еще, так сказать, только-только, в общем… поэтому… значит“. И вот рано утром, а я жил у Горохова во Вспольном переулке в подвальном помещении, спал я на сундуке в темном чулане, и проспал там три года, три сезона, приезжает машина и везут меня в „ЗИС“ к самому Лихачеву. И, если бы вот записать его, так сказать, тирады, ну это знаете…

„Ты за кого хочешь играть, за этих тряпичников, надо играть за индустрию. Да если бы я поговорил с твоим отцом, тебе он надавал бы по заднице“ и так далее.

Я говорю: „Да нет, знаете, Иван Алексеевич, все-таки я в ‘Спартак’, там проще“.

„Ну, ладно, в конце концов, отвечай, куда ты хочешь идти?“

Я говорю: „В ‘Спартак’, Иван Алексеевич, в ‘Спартак’“.

Заключение было таково: „Значит так, иди в свой ‘Спартак’, но запомни, что обратной дороги тебе в ‘Торпедо’ в жизни никогда не будет, если даже у тебя на заду вырастут пять звезд“».

Так Никита Симонян стал спартаковцем. «Давно не играю в „Спартаке“, давно не тренирую эту команду, но вот для многих так и остался спартаковцем. Мне это приятно, потому что и сам себя таковым считаю. Я спартаковец. Как футболист, да и как человек я окончательно сложился в „Спартаке“, и многое, что здесь понял, усвоил, ценно для меня и поныне».

В «Спартаке» всё было иначе, нежели в «Крыльях». Никите бросилось в глаза, как относятся «красно-белые» к тренировкам — серьезно, творчески. Все спартаковцы знали, что тренировка — подготовка к игре. Ни один актер или музыкант не выйдет на сцену без репетиций, на которых отрабатывались каждое слово, каждая нота. Так и в футболе нельзя обойтись без тяжелой работы и поиска новых идей. Кроме того, спартаковцы были очень дружны и вне поля. Отличные отношения сложились и между супругами футболистов.

В своем первом спартаковском сезоне Симонян забил 26 мячей,

намного больше, чем за три года в «Крыльях». «Спартак» занял третье место в чемпионате и дошел до полуфинала Кубка СССР. Через год Никита Павлович забил 34 мяча в чемпионате, и этот рекорд продержался 45 лет. В нашем футболе появилась новая сила, способная положить конец сложившемуся после войны двоевластию ЦДКА и «Динамо».

Сталин

Но в это время в нашем футболе возникала еще одна команда. Обожавший спорт Василий Сталин уже сделал команду ВВС сильнейшей в хоккее. Сын вождя решил создать и сильный футбольный коллектив. Так в футбольной команде военных летчиков появились Всеволод Бобров и знаменитый вратарь Анатолий Акимов. Конечно, Василий Иосифович использовал, говоря современным языком, административный ресурс, но многие игроки шли в ВВС добровольно. Например, Всеволод Бобров был знакомцем Василия Сталина, а Анатолию Акимову Василий Иосифович помог в лечении туберкулеза, которым тот страдал. Покровитель ВВС мечтал видеть в своей любимой команде и Никиту Симоняна. Вот как вспоминал эти дни Никита Павлович:

«Это был 51-й год, вот после сезона мы отдыхали в Кисловодске в санатории Орджоникидзе, значит, Анатолий Ильин и я. Были мы там, по-моему, неделю; не помню сколько, не знаю. Ну и вдруг говорят: „Симонян, на выход“. Ну, на выход — на выход. Я вышел, там два адъютанта Сталина. Был такой Миша Степанян и второй Сергей Капелькин, кстати, бывший игрок ЦСКА, ЦДКА тогда. Они повезли меня на дачу, дача была рядом, и стали уговаривать меня, значит, перейти в ВВС. Я говорю: „Да никуда я не пойду“. Вот тогда, значит, он прислал самолет генеральский за мной. Короче говоря, они меня напоили там, и так, и эдак там: „Вы с Бобровым создадите…“ Бобров тогда в ВВС был тоже, сдвоенный центр, там прочее, туда-сюда. Я говорю: „Да никуда я не пойду!“ А они: „Ну, представляешь, он прислал военно-транспортный самолет, шесть летчиков, двоих адъютантов, нас, и мы приедем, не выполнив задание, — что он с нами сделает? Давай поедем. Ну, ты отказываешься — откажись у него“.

Повезли меня в аэропорт в Минеральные Воды, накрыли меня там унтами, мехами, там я отоспался в полете. И привезли в аэропорт, ну где ныне метро „Аэропорт“… Встречал меня полковник Соколов, начальник спортроты, и повезли, значит. Привели, сидим, ждем. Тут заходит Сталин Василий: „Садись“. На диван сел, ну я рядом с ним. „Я поклялся прахом

своей матери, что ты будешь в моей команде. Ты сам понимаешь, что такие клятвы я нечасто даю“. Не понимаю, что сказать, может, согласиться?..

„Я хочу остаться в ‘Спартаке’“. — „Ну что ж, — говорит, — иди“. И вышел. Опять бегут адъютанты: „Командующий тебя просит“. Тогда ведь секретарями были: областного комитета Хрущев, а городского — Румянцев Иван Иванович. Они напрямую курировали команду, поскольку команда „Спартак“ чисто московская. Ну вот опять: „Садись“. Я опять сел, Сталин говорит: „Я слышал, ты боишься препятствий со стороны Хрущева и Румянцева. Ты не беспокойся, я решу этот вопрос“. Я говорю: „Василий Иосифович, да я знаю, что, если я дам согласие, через пять минут я буду в вашей команде… Но, Василий Иосифович, вы же знаете, что вот все-таки именно в ‘Спартаке’, благодаря тренерам, благодаря партнерам, я вроде состоялся как игрок“. И вот тут мне показалось, что я надавил на правильную пружину. И добавляю: „Василий Иосифович, разрешите все-таки мне остаться в ‘Спартаке’“. И тут он, значит, посмотрел на всех подчиненных своих: „Вот, слышите, — говорит, — человек сказал мне правду. И спасибо тебе за правду, правда лучше всех неправд на свете. Иди и играй за свой ‘Спартак’. Но запомни, в любое время по всем вопросам я тебя приму с распростертыми объятиями. Спасибо за правду“. И я тихо вышел».

Первые роли

В начале пятидесятых «Динамо» и ЦДКА в силу разных причин — смена поколений, оргвыводы после неудачи на Олимпиаде — сдали свои позиции. И «Спартак» вышел на первые роли в нашем футболе. В 1952 и 1953 годах «красно-белые» становились чемпионами СССР, а Симонян стал форвардом номер один в Союзе. В 1954 году была воссоздана сборная СССР. Дебют Никиты Павловича пришелся на матч со шведами. Сильные скандинавы были разгромлены со счетом 7:0. Никита Павлович отправил два мяча в ворота соперника.

Советская команда на равных играла с сильнейшими сборными мира в товарищеских матчах, а в 1956 году одержала первую в истории нашего футбола победу на Олимпиаде. Олимпийский турнир Мельбурна складывался непросто для советской сборной. Трудный стартовый матч с немцами, затем тяжелейшие игры с командой Индонезии — понадобилась переигровка. Изнурительный полуфинал с болгарами, завершившийся победой сборной СССР 2:1.

«Сколько же пережили за эти два часа мы, сидевшие на трибуне! — вспоминал этот полуфинал Никита Павлович. — Уверен, легче самому играть. В азарте игры разряжаешься, даешь выход эмоциям. Когда сосредоточен на действиях, не до переживаний. А тут ничего не можешь — только ждешь. Потом уже, став тренером, закалился. А тогда, после финального свистка, мы кинулись к ребятам на поле. Я не мог с собой справиться, бросился на грудь Эдика Стрельцова и разрыдался. „Да что ты, что ты…“ — успокаивал он, мальчишка, тридцатилетнего мужчину. „Вы же не представляете, что вы сегодня сделали!“ — твердил я, не в силах успокоиться. А впереди предстоял финальный матч — с командой Югославии».

Нужно сказать, что на Играх в Мельбурне Никита Симонян сыграл только в финале. Замены тогда были запрещены, а главный тренер Гавриил Качалин предпочитал перешагнувшему тридцатилетний рубеж Симоняну юного торпедовца Эдуарда Стрельцова. Но в финальной встрече Качалин выпустил Симоняна, ибо посчитал, что Стрельцов переутомился от выпавшей на его плечи нагрузки. Выход Никиты с первых минут стал сюрпризом и для югославов. Кроме того, старший тренер предположил, что сыгранность спартаковцев, составлявших основу команды, станет одним из козырей советской сборной. В стартовом составе оказалось восемь спартаковцев.

Сборная СССР вышла вперед в начале второго тайма. Анатолий Ильин подправил мяч после удара Анатолия Исаева. Впереди оставался почти целый тайм. Но сыгранные и понимавшие друг друга без слов советские олимпийцы лишили соперника мяча и довели матч до победы.

«Сразу же после матча состоялось награждение. Но меня грызло ощущение какой-то несправедливости, хотя и произошла она не по моей вине. В то время Олимпийский комитет вручал золотые медали лишь тем игрокам, которые участвовали в финале. А ведь до этого самоотверженно „работали“ на победу и Рыжкин, и Иванов, и Стрельцов, не раз вызывавший восторженный гул трибун. И они остались без наград. Я был уверен, что Эдик, сыгравший три игры, даже четыре, если считать повторный матч с индонезийцами, больше заслуживает золота, чем я, выступавший только в одном матче.

На корабле — мы уплывали сразу же, на следующее утро, — я не выдержал, подошел к Эдику и сказал, что думаю об этом: „Медаль твоя!“ — и попросил ее принять как память об Олимпиаде. Он ответил, что ни за что не возьмет. „Не говори ерунды, ты заслуживаешь ее не меньше меня. И я не хочу ни о чем слушать“. Прошло два дня, и я снова подошел к

Стрельцову с тем же — неловко мне было, и ничего не мог с собой поделать. Эдик рассердился: „Если ты еще раз подойдешь, я просто перестану с тобой разговаривать. Тебе тридцать, а мне девятнадцать, у меня еще будут впереди Олимпиады, мне еще играть и играть…“

Об этом случае уже не раз писали, и последние слова почему-то приписывали мне. Я хочу уточнить: они принадлежали именно Эдуарду. Незначительная вроде бы поправка, можно даже счесть меня педантом, но, мне кажется, она важна — вернее отражает мою позицию: я не пытался смягчить несправедливость разницей в возрасте, рассуждением, у кого что впереди, просто считал, что у товарища больше прав на медаль. А благородство… Его, по-моему, проявил Стрельцов».

Гавриил Дмитриевич Качалин решил использовать двух форвардов в паре, и тандем Симонян — Стрельцов должен был «выстрелить» на чемпионате мира 1958 года. Но по известной причине этого не случилось. Никита Симонян выводил нашу сборную с капитанской повязкой (Игорь Нетто был травмирован) и принял участие во всех пяти матчах. В первом матче с англичанами Никита Павлович забил свой десятый и, как оказалось, последний мяч в составе сборной СССР. Ибо 1959 год окажется последним в карьере Симоняна-футболиста.

После победы сборной СССР на Олимпиаде Никита Симонян продолжал блистать в «Спартаке». Особенно успешно сложился для него сезон-58, в котором «красно-белые» сделали дубль — выиграли чемпионат и Кубок страны. Симонян забил десять мячей в первенстве и стал автором победного гола в кубковом финале. А сезон-59 не удался ни «Спартаку», ни Симоняну — шестое место и всего один забитый мяч Никиты Павловича.

Главный тренер

По окончании чемпионата «Спартак», усиленный несколькими футболистами других команд — ростовчанином Виктором Понедельником, киевлянином Юрием Войновым, московским динамовцем Игорем Численко, — отправился в турне по Южной Америке. Там Никита Павлович и получил предложение перейти на тренерскую работу. Причем не просто войти в тренерский штаб или поработать с молодежью, а сразу стать главным тренером первой команды.

«В турне по Южной Америке мы играли в Венесуэле с командой Санта-Фе. И этот матч был одним из лучших в моей карьере. Я забил тогда два мяча. А потом сказал, что заканчиваю. Все-таки мне было 33 года.

Николай Петрович Старостин вдруг подошел ко мне и говорит: „Слушай, мы хотим, чтобы ты стал тренером. Мы хотим с Гуляевым расстаться“. Я говорю: „Николай Петрович, ну как, я вчера играл с этими ребятами, завтра буду ими руководить? Ну, сами понимаете…“ А он бросил единственную фразу: „Поможем“, — вот и всё. Вот так я стал тренером».

Никита Симонян стал самым молодым тренером класса «А». Конечно, ему пришлось непросто. Многие игроки — Игорь Нетто, Анатолий Ильин, Анатолий Исаев — были фактически ровесниками наставника и его многолетними партнерами. Как воспримут они то, что их вчерашний товарищ Никита стал Никитой Павловичем и находится в ином измерении? К счастью, игроки приняли молодого наставника и помогали ему, как могли.

«Если хочешь стать тренером — убей в себе игрока. Ни в коем случае нельзя говорить футболистам: ты вот не смог сделать, а я, когда играл, это выполнял четко и легко. Кроме того, тренер бодрствует 24 часа в сутки. И дотошный анализ ведется при любом результате — и при победе, и при поражении. Первая ночь после матча, как правило, для тренера бывает бессонной. Тем не менее на следующее утро надо уже работать с командой.

В силу моего характера, да и спартаковских традиций, мне больше импонировали демократичные отношения с игроками. Многое взял я и у Качалина, и у Дангулова, и у Горохова. Но, пожалуй, большему — педагогике, отношениям с людьми, стремлению анализировать любую ситуацию, взвешивать любое свое решение — учился у Николая Петровича Старостина, очень мудрого человека.

Не руби сплеча, сначала остынь, сто раз отмерь — его правила. Могу сказать: педагогику учил по Старостину. Он, кстати, тоже от меня не открещивался, считал своим воспитанником. Все годы, что работал с ним рядом, были для меня временем постоянной учебы. Николай Петрович был способен найти хорошее, ценное в любом человеке, и я понимал, глядя на него: без этого нельзя руководить, воспитывать.

Почти пятнадцать лет был я игроком команды мастеров. Вроде бы не новичок в футболе. Но какой же трудной оказалась новая роль! От многого, к чему привыкли, приходилось отказываться: футбол шел вперед. И надо было поспевать за ним, заниматься самообразованием.

Как волновался перед матчами! Выйти на поле, оказывается, куда легче, чем остаться на тренерской скамье. Всё проигрываешь вместе с командой — удары по воротам, пасы, передачи, все комбинации. И неизвестно еще, где тратишь больше сил — на поле или у его кромки.

Первые тренерские шаги — постоянные сомнения, раздумья.

Закончится тренировка или игра — все садятся в автобус, уезжают. Когда-то и я покидал стадион вместе с ними, после напряжения наступал отдых. Теперь после работы начиналась работа. Один или со Старостиным и своим помощником до бесконечности анализировал только что прошедшую, пережитую игру».

Молодому тренеру пришлось нелегко. В чемпионате 1960 года, проходившем по экспериментальной, двухэтапной формуле, «Спартак» занял только седьмое место. И вчерашнему любимцу спартаковских болельщиков приходилось выслушивать от них нелестные слова. Такова уж специфика тренерского ремесла. Но мудрый Николай Петрович Старостин не стал спешить с выводами, продолжал доверять Симоняну. И в 1961 году «Спартак» поднялся уже на третье место, а в 1962-м одержал блестящую победу в чемпионате. Галимзян Хусаинов, Анатолий Крутиков, Юрий Севидов, Геннадий Логофет — все они появились в «Спартаке» при Симоняне и стали большими игроками.

Были ли у Никиты Павловича конфликты с игроками? Да, были. Например, однажды дали трещину отношения со старым товарищем Игорем Нетто. Тренер и капитан не сошлись во взглядах на игру, и Нетто по старой памяти высказался в резкой форме. Но одно дело, когда капитан отчитывает партнера, и совсем иной поворот, когда игрок перечит тренеру. Встал вопрос об отчислении Нетто.

И тут слово взял Николай Петрович Старостин, который сумел погасить конфликт. Убедил Нетто в том, что он был не прав, и в то же время сохранил для «Спартака» капитана. Эта ссора никак не отразилась на дальнейших отношениях между капитаном и тренером. Симонян всегда поддерживал Нетто, особенно в последние годы жизни Игоря Александровича, когда тот был болен и одинок.

Никита Симонян покинул пост главного тренера «Спартака» в 1965 году. «Красно-белые» не лучшим образом выступили в чемпионатах-64 и -65 — оба раза занимали восьмое место, хотя в 1965-м взяли Кубок. Однако главной причиной ухода Никиты Павловича стала история, приключившаяся с Юрием Севидовым. Молодой и очень талантливый нападающий сбил на машине человека. Тот оказался видным ученым. Дело становилось резонансным, к тому же Юрий в момент аварии был нетрезв. Молодой футболист отправился на несколько лет за решетку, а Симоняна сняли. Дескать, недосмотрел старший тренер. Пришлось покинуть должность начальника команды и Николаю Петровичу.

Но ни у Николая Гуляева, возвращенного на пост наставника «Спартака» в 1966 году, ни у любимца Старостина Сергея Сальникова,

заступившего на вахту в 1967-м, толком не получилось. Игра команды заметно поблекла. И летом на свои посты вернулись и Старостин, и Симонян.

Никита Павлович довольно быстро отстроил новый «Спартак». В 1968 году москвичи вернулись на второе место, уступив только киевскому «Динамо». А в 1969-м стали чемпионами страны, прервав трехлетнюю гегемонию киевлян. Тот «Спартак»-69 болельщики «красно-белых» со стажем называют едва ли не командой мечты.

«Неплохо складывалась моя тренерская судьба. В 1969 году „Спартак“ снова выиграл звание чемпиона. Сезон не был для нас столь драматичным, как в 1962 году. Команда выступала намного ровнее. Мы на очко отставали от киевского „Динамо“, и всё должен был решить поединок с киевлянами.

День в Киеве выдался хуже не представить. Дождь со снегом, раскисшее поле. А игроки выступали против нас отменные — Рудаков, Сабо, Мунтян… Запомнился тот матч сольным проходом Осянина, который обыграл трех защитников и великолепно послал мяч в нижний угол ворот. Иосиф Сабо гневно кричал своим партнерам: „Какие же вы защитники! Он одного за другим вас обыгрывал, а вы до штрафной площадки врезать ему не могли, остановить!“ Это мне потом мои ребята рассказывали.

Во второй половине началась страшная двадцатиминутная осада наших ворот. То, что творилось на поле, трудно передать. Наш Анзор Кавазашвили творил чудеса, все мячи брал намертво.

Назначен штрафной. Подошел к мячу Виктор Серебряников, мастер штрафных ударов, и закрутил его в нижний угол ворот. Анзор накрыл мяч в самый последний момент. Мы вздохнули, но не тут-то было. Судья заставил перебить. Какое он усмотрел нарушение, я так и не знаю. Серебряников снова подошел к мячу и закрутил его по дуге уже в противоположный угол ворот, Анзор снова спас команду от гола…»

В 1971 году «Спартак» под руководством Никиты Симоняна выиграл Кубок СССР в тяжелейшем, двухматчевом противостоянии с ростовским СКА.

Но отработав в «Спартаке» тренером одиннадцать лет — шесть и пять, Никита Павлович всё же ушел из клуба, ставшего родным. Видимо, почувствовал, что дальше не получается, что работа не приносит былого удовлетворения. А может, просто устал. Николай Петрович уговаривал не спешить, но Никита Павлович твердо решил уйти.

«Оглядываясь назад, размышляя о пережитом, до сих пор до конца не уверен, что поступил правильно, что это был единственно верный шаг. Есть тренеры, по десятку лет работающие с одной командой, — Константин

Бесков, Валерий Лобановский… И нельзя сказать, что все годы их команды провели на высоком накале. В тренерской жизни, как в спорте вообще, неизбежны спады, неудачи. Порой как раз они и лежат в основе нового взлета. Я не чувствовал творческого тупика и, скажи мне кто-нибудь из руководителей „Спартака“ — останься, наверное, остался бы. Но ничего такого произнесено не было. И, хорошо уже зная сложившуюся практику скороспелых оргвыводов — одного быстрее снять, другого быстрее назначить, счел необходимым избежать унизительной процедуры.

Николай Петрович Старостин сказал на том прощании: „Мы не захлопываем за тобой дверь. Мы оставляем ее чуть открытой. Ты можешь вернуться в любое время, ибо мы считаем тебя истинным спартаковцем. Мы знаем: разрежь тебя пополам, найдешь там два цвета — красный и белый“».

Новый вызов

А через полгода Никита Симонян принял новый вызов — возглавил ереванский «Арарат». И не просто возглавил, а привел клуб из столицы Армении к наивысшему успеху. В первом же сезоне, проведенном под руководством Симоняна, «Арарат» сделал дубль — выиграл Кубок страны, а потом стал чемпионом СССР.

«Арарат» начала семидесятых был добротной командой — предшественники Симоняна Артем Фальян и Николай Глебов неплохо потрудились. Но руководству Советской Армении хотелось видеть лучшую команду республики на первых ролях и в Союзе. И для этого был приглашен успешный тренер, к тому же сильнейший в истории футболист-армянин. Правда, предки Симоняна жили за пределами Армении, а сам Никита Павлович к тому времени изрядно забыл родной язык.

«Видел „Арарат“ не однажды, в разные годы, в разных матчах. Команда, не скрою, мне нравилась. Но прийти тренером… Пожалуй, больше всего смущало, что на мой приход возлагали немалые надежды: вот придет Симонян — и свершится чудо. И все-таки принял приглашение. Чудес в футболе не припомню. Опыт игрока и тренера не раз убеждал меня, что и вечных истин тут не бывает — каждая для своего времени. И основа всякой тактики — игроки. Можно придумать десятки тактических новинок, но коли не окажется подходящих исполнителей, схема останется мертворожденной. На первой же встрече с командой, когда меня представляли, сказал: „Уважаемые товарищи, вы созрели для того, чтобы

бороться за самые высокие титулы. Я много лет играл, а потом тренировал команду, которая побеждала в чемпионатах, завоевывала Кубок страны, мне посчастливилось вкусить высокую радость больших и трудных побед и очень хочу, чтобы такое же чувство пережили вы“.

Раз и навсегда договорились, что каждый футболист услышит от меня всё, что я о нем думаю, без скидок на „смягчающие“ обстоятельства и возможные обиды.

И началась работа».

В «Арарате» собрались сильные мастера — Аркадий Андриасян, Эдуард Маркаров, Левон Иштоян, Алеша Абрамян, Оганес Заназянян. Симоняну предстояло в короткий срок сделать из этих игроков мощную атакующую команду. И это удалось. Летом «Арарат» дошел до финала Кубка и обыграл в решающем матче киевское «Динамо». А осенью впервые в истории выиграл золотые медали. Но за кадром остался скорбный факт — триумф ереванцев совпал с личной трагедией в жизни тренера — летом 1973 года умер сын Никиты Павловича.

«Арарат» покорил вершину, но удержаться на ней не смог. В сезоне-74 ереванцы заняли пятое место. Возникли некоторые разногласия с игроками, и Симоняну пришлось уйти. Но золотой дубль «Арарата» остается наивысшим успехом в истории армянского футбола, а Никита Павлович считает эту победу одной из самых выдающихся в своей тренерской карьере.

Дело № 88, или Норвежская гастроль 1950 года

Завершить рассказ о Симоняне мы решили поразительным документом, сохранившимся в Архиве Москвы. Синяя папочка из сорока двух страниц с короткой надписью внизу: «Хранить постоянно».

Мы выбрали из сорока двух лишь несколько пожелтевших листов, в которых дело № 88 представлено с полной откровенностью. В нем запечатлены не только футбольные нравы той поры, но и отличительные черты характера нашего героя[1].

СТЕНОГРАММА

совещания у председателя Московского Городского Совета общества «Спартак» тов. Кузина.

От 27 ноября 1950 года.

Тов. Кузин:

Сегодня мы собрались, товарищи, обсудить один вопрос.

Как известно, Всесоюзным Комитетом по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР принят соответствующий документ, т. е. приказ по команде «Спартак», которая принимала участие в товарищеских матчах в Норвегии.

По возвращению из Норвегии отдельными игроками нашей команды был допущен ряд нарушений не только спортивной дисциплины, спортивного поведения, но и такие факты, которые дискредитируют не только отдельных спортсменов, но и в целом футбольный коллектив «Спартака».

Поэтому сейчас мы и решили собраться и обсудить этот вопрос и сделать соответствующие выводы.

Слово по этому вопросу имеет товарищ Андрианов, который изложит все те факты, которые известны Всесоюзному Комитету и по которым мы с вами должны выступить и высказать свое мнение и отношение к этим товарищам, которые оскандалили наш коллектив.

Тов. Андрианов:

Всесоюзный Комитет вынес такой приказ (*зачитывает*).

В чем тут дело?

Дело в том, что в момент возвращения делегации из Стокгольма в Хельсинки, в самолете трое товарищей: Малинин, Башашкин и Нетто пили спирт, причем буфетчица радировала на аэродром в Хельсинки, что трое русских пьют древесный спирт, что может произойти заболевание.

А так как авиакомиссия несет ответственность за каждого человека, которого она везет в самолете, то она забила тревогу, что делать.

Но так как самолет был целиком арендован только нашей делегацией, то, очевидно, было такое указание — доставить в Хельсинки, а здесь разберемся.

Реакционная шведская печать использовала этот момент для того, чтобы опубликовать буквально клеветнические статьи, в которых излагалось, что русские в самолете перепились, пили древесный спирт, дело даже дошло до того, что трое свалились с кресел, что у двоих произошло серьезное отравление, что им пришлось делать промывание желудка и т. д.

Расследовали, разобрались с этим делом. Никому желудка не промывали, никто не валился с кресел, кроме т. Иванова, который

вообще плохо переносит самолет, — но повод к тому, чтобы выступить с такого рода клеветническими статьями, был дан членами команды «Спартак».

А цель здесь преследовалась одна: во-первых, еще раз попытаться выступить с клеветой по адресу советской страны, советского народа. А с другой стороны, смазать те политические достижения, которые имела делегация за время пребывания в Норвегии.

И совершенно ясно, что этого они в какой-то мере добились.

Правда, коммунистическая печать Финляндии, Швеции и Норвегии — выступила с опровержением по этому поводу. Но, как известно, слово не воробей. До кого дойдет эта коммунистическая газета, до кого нет.

Поэтому роль коллектива, роль делегации там была исключительно велика и нельзя было допускать ни малейшего повода к тому, чтобы дать какие-то основания, чтобы в адрес наших футболистов, наших людей что-либо там делалось.

Взять такой факт — выпивка в Ларвике. 5 человек (по существу организатором этого дела был Василий Соколов) после игры взяли и устроили выпивку, причем устроили каким образом: не имея денег, забрали в ресторане вина, им принесли, — кто брал, кельнер не мог установить. Потому руководителю организации приносят счет и просят уплатить.

Чрезмерные выпивки в Стокгольме. Есть и такие разговоры, что некоторые товарищи с самого банкета не могли протрезвиться до Ленинграда.

О чем тут речь идет?

Один из серьезных провалов, который был в футбольной команде ЦДК при поездке за границу, объясняется тем, что значительная часть игроков допускала такого рода факты, т. е. пили.

И вообще, эти вещи, как правило, ведут к очень неприятным последствиям.

Дело складывается так, что многие наши товарищи забывают о следующем, когда они выезжают за границу, что: во-первых, за каждым их шагом пристально следят и интересуются враги, что каждый их шаг служит предметом обсуждения.

Многие товарищи, выезжая за границу, забывают, что они представляют не свою личность, а всю советскую

общественность, а если хотите, они представляют советский народ.

Почему такие вещи произошли?

На наш взгляд они произошли прежде всего потому, что в команде, в коллективе отсутствует критика и самокритика, но зато господствует круговая порука. Об этом очень наглядно говорят сами факты.

Ведь 3 дня потребовалось для того, чтобы разобраться, в чем же дело, действительно ли такие вещи были или нет.

Ни один из футболистов коллектива «Спартака» не пожелал этого сделать.

Мало того, когда даже установили, что на самолете на последнем ряду сидят т.т. Костиков и Новиков и между ними стояла бутылка и стали спрашивать, чья эта бутылка, — никто не признался.

И только уже потом Костиков поступил правильно, объяснил в чем дело: что спирт его, т. е. поступил правильно, так, как нужно было сделать с самого начала.

Как расценивать такое заявление, когда спросили Николаева, почему Вы об этом не говорите, — он ответил — «моя русская душа не позволяет предать товарища».

Это ложная русская душа, это усугубляется тем, что произошло на самом деле.

У многих товарищей, в том числе комсомольцев и коммунистов, не хватило духа, чтобы честно, откровенно рассказать об этом и помочь разобраться и установить те факты, которые были на самом деле.

В основном коллектив здоровый, боевой, который сумел сделать все для того, чтобы добиться хорошей победы и показать преимущества советского футбола, показать преимущества нашей советской культуры.

Вот коротко то, о чем мне бы хотелось сообщить по этому вопросу.

Я надеюсь, что мы сегодня посоветуемся и выскажем свое отношение к этому делу.

Тов. Кузин:

Все ясно по приказу и по отдельным замечаниям? Прошу товарищей выступать по этому вопросу и дать соответствующую

оценку.

Тов. Михальчук:
У меня вопрос — почему нет т.т. Нетто и Тимакова?

Тов. Дангулов:
Все товарищи были предупреждены.

Тов. Парамонов:
В приказе записано — запретить Малинину играть в командах первой группы, а работать не запрещено?

Тов. Андрианов:
Нет, запрещено и работать в этих командах. Пусть идет работает, много есть других профессий.

Тов. Кузин:
Больше вопросов нет? Кто желает выступить?

Тов. Седов:
Я не собираюсь оправдывать товарищей, которые совершили проступок. Мне хотелось несколько слов сказать в отношении т. Малинина. Я немного не согласен с т. Андриановым в том отношении, что у нас совершенно не ведется политико-воспитательной работы. Я считаю, что это неверно.

Если говорить о том, что команда после возвращения из Норвегии выиграла Кубок, — это факт говорит сам за себя и говорить, что у нас не ведется совершенно политико-воспитательная работа — это не правильно.

В отношении т. Малинина — нужно, конечно, смягчить то решение, которое вынес Комитет по его поведению. Надо дать ему возможность работать по той профессии, которой он посвятил все свои лучшие годы. У меня всё.

Тов. Терентьев:
У нас получилось так, что вначале человека наказали, а потом собрали коллектив для того, чтобы обсудить. Мне кажется, нужно было сделать наоборот: сначала обсудить с коллективом, а потом наказать.

Тов. Симонян:

Конечно, оправдывать Малинина я не собираюсь, но тут всплывает вопрос — почему пострадал именно Малинин?

В приказе указано — выпивали 6–7 человек. Команда в поездке вела неплохо. Выиграла все игры. Настроение перед отправкой домой было самое хорошее.

Но самый тяжелый факт, что выпили в самолете. Если бы этого не было, возможно, все бы прошло и никто не знал.

С нами ездил игрок из «Динамо», он рассказывал, когда «Динамо» ездило в Чехословакию, там вообще творился кошмар, что один из игроков потерял свой заграничный паспорт, но все обошлось, так как паспорт нашли.

Отдельные товарищи нашего коллектива совершили тяжелый проступок. Я считаю, что вина, в первую очередь, коллектива, что не усмотрели.

Но т. Малинин понес все-таки три наказания — снятие звания заслуженного мастера спорта. Это очень тяжелое наказание. Я думаю, что надо дать возможность человеку исправиться. А где он может исправиться, где он может себя показать, снова получить звание заслуженного мастера спорта, тем более, что ему не 20 лет, а 36?

Мне кажется, что снятие звания заслуженного мастера спорта и отчисление т. Малинина из команды — это очень тяжелое наказание и этого вполне достаточно.

Я за то, чтобы дать возможность Малинину оправдаться перед советским спортом, а также перед коллективом «Спартака» и разрешить ему играть, если не в группе первого разряда, то во второй группе.

Тов. Михальчук:

Почему разговор идет только о Малинине? Вам предъявляется серьезное обвинение, Вы должны сказать — правильно или нет?

Тов. Симонян:

Факт остается фактом, что ребята выпили. Но я должен сказать, что наша команда из всех команд, пожалуй, самая дисциплинированная в этом отношении. И результаты говорят

сами за себя.

Нам многие предсказывали, что по возвращению из Норвегии начнутся выпивки. Но мы дали друг другу слово — не пить. Мы сдержали это слово.

Но факт остается фактом, произошел очень печальный случай. Конечно, очень много раздули.

Единственная наша вина в том, что мы дали повод реакционным газетам выступить против Советского Союза, а так возможно все прошло бы гладко.

ЛЕВ ЯШИН

Журналист и поэт Сергей Шмитько вспоминал, как долго он расспрашивал врача сборной СССР Савелия Мышалова о характерных яшинских словечках, неизвестных эпизодах. Мышалов отнекивался. И вдруг…

«Однажды раздался у меня телефонный звонок. „Вспомнил! — восклицает Мышалов и рассказывает: — Играла наша сборная с кем-то, и я стоял за воротами Яшина, он время от времени ко мне оборачивался: ‘Доктор, соды!’ Его мучила язва желудка. А если наши забивали ‘лишний’ гол и счет становился, скажем, 3:1, он тоже оборачивался и довольный восклицал: ‘Доктор, им трындец!“’.

Тут уж я взмолился: „Савелий Евсеевич, редактор не пропустит. Не напечатает. Во-первых, получается, что лучший вратарь мира — язвенник, и, во-вторых, словечки…“ Огорчился доктор: „Жаль. Ведь так всё и было на самом деле. А словечки я еще смягчил. Для печати“».

*

Лев Иванович Яшин — уникальная личность в истории отечественного да и мирового футбола. Он, вне всяких сомнений, считается сильнейшим вратарем всех времен не только у нас в стране. Единственный вратарь, получивший «Золотой мяч» — приз лучшему футболисту Европы, — Лев Яшин. Человек, с которым ассоциируется наш футбол, — Лев Яшин. Образец игры вратаря — также Лев Яшин.

В нашем футболе Лев Иванович — вратарь номер один, и, наверное, таким он и останется навсегда. Он провел более двадцати сезонов на высшем уровне и все время оставался верен одной команде — московскому «Динамо». С Яшиным в воротах сборная СССР выиграла олимпийское золото Мельбурна, стала победителем первого Кубка Европы и финалистом второго розыгрыша, дошла до полуфинала мирового первенства. В послужном списке Льва Ивановича нет побед в европейских кубках, но в этом нет ничего удивительного. Ведь наши клубы стали участвовать в европейских клубных турнирах в 1966 году, когда Яшину было уже 37 лет.

«Вратарь, о котором можно только мечтать», — писал о Яшине Михаил Якушин. Действительно, Лев Иванович был хорош и на линии

ворот, и на перехватах, и при выходах один на один. Он хозяйничал не только у себя в штрафной площадке, но и смело покидал ее пределы при необходимости. Он быстро вводил мяч в игру как рукой, так и ногой, начиная атаки своей команды. Яшин играл просто, рационально, без всякого желания сорвать аплодисменты, и при этом красиво. Лев Иванович не стеснялся руководить обороной, и защитники всегда ему подчинялись. Он обладал огромной психологической устойчивостью, не ломался при неудачах, как многие его коллеги. А еще он был очень добрым, простым и в высшей степени порядочным человеком.

Лев Яшин стал величайшим вратарем не только благодаря отпущенному природой дару, но в первую очередь за счет своего трудолюбия на тренировках и желанию учиться. Он не стеснялся перенимать у своих коллег всё лучшее, доводя эти приемы до совершенства. У Евгения Фокина Яшин научился смело бросаться в ноги соперникам, у Алексея Хомича — отчаянным полетам за мячом. От Вальтера Саная перенял манеру двигаться по всей штрафной площадке и выходить за ее пределы, а у Анатолия Акимова позаимствовал быстрые и точные броски мяча рукой на половину поля соперника. Яшин не только учился сам, но и учил своих напарников, среди которых были замечательные вратари. И Владимир Беляев, и Александр Ракитский, и Владимир Пильгуй считали, что им повезло тренироваться вместе с Яшиным.

Первая награда

Лев Яшин появился на свет 22 октября 1929 года на окраине Москвы, на улице Миллионной. Отец Иван Петрович работал шлифовальщиком на авиазаводе в Тушине, мать Анна Митрофановна вела домашние дела. Лев рано — в семь лет — лишился матери. После смерти Анны Митрофановны Иван Яшин довольно быстро женился. Новая жена отца Александра Петровна менее всего походила на хрестоматийный образ мачехи. К Леве она относилась как к родному, и Лев Иванович называл ее мамой и всегда с теплотой вспоминал о ней. В 1939 году родился младший брат Льва — Борис.

«Придя из школы и бросив в угол портфель, я мчался во двор. Обыкновенный и вместе с тем удивительный двор, где всегда тебя ждало что-то новое и неизведанное. В одном из сараев была оборудована голубятня, где мы с отцом держали голубей.

Двор вообще был заполнен сараями. В них мы устраивали тайные совещания перед началом военных действий с соседними домами, в них кое-кто покуривал в рукав. В них мы делали маленькие железные пистончики, которые потом подкладывали на трамвайные рельсы. Пистоны взрывались под колесами автоматной очередью, разъяренный вожатый выскакивал из кабины, а мы, спрыгнув с подножек, мчались врассыпную. Надо было только добежать до ближайших ворот. Уж там, в лабиринте богородских проходных дворов, мы были неуловимы.

Зимой покатые крыши сараев служили нам трамплинами, с которых мы прыгали на лыжах. Падали, ушибались, набивали огромные синячищи, но зато учились крепко держаться на ногах, не бояться высоты, владеть своим телом.

В середине двора была у нас довольно большая вытоптанная сотнями ног площадка. Летом она служила нам футбольным полем, зимой — катком. Мы делали каток сами. Приносили из дому саночки, доставали из сарая деревянную кадушку и возили от колонки, что стояла на другой стороне улицы, воду. Каток, понятно, получался плохонький, но коньки кое-как скользили, и ладно».

Детство Льва Яшина можно назвать типичным для ребят с московских рабочих окраин — учеба, работа по дому и игры во дворе со сверстниками — футбол, хоккей, лапта и многое другое. Примечательно, что Лева чаще играл в нападении, нежели в воротах. В первый раз в ворота он встал уже в Ульяновске, куда семья Яшиных была эвакуирована грозной осенью 1941-го.

Когда началась Великая Отечественная война, авиазавод, где работал Иван Петрович, был вывезен в тыл. Иван Яшин как один из лучших специалистов в своем деле получил бронь и отправился на берега Волги со своим предприятием. Но очень многих других все-таки призвали в армию, и их место заняли совсем еще молодые ребята, часто школьники. Так, Иван Петрович привел на завод и поставил к станку своего тринадцатилетнего сына. Вскоре Лева работал наравне со взрослыми по две смены, стал слесарем третьего разряда. При этом учился в школе. Но даже при столь сложном распорядке дня оставалось время для занятий спортом.

На этом же заводе работал молодой механик Михаил Овсянкин, который после работы совершенно бескорыстно занимался с детьми. Организовал спортивную команду. Летом играли в футбол, зимой в хоккей с мячом. Михаил Ильич и посоветовал Льву попробовать себя в воротах. Еще рано было говорить об окончательном выборе подростка, но именно Овсянкин первым разглядел в Яшине задатки вратаря.

В 43-м завод вернулся в Москву. Лев ходил на работу вместе с отцом, но путь из Богородского в Тушино занимал много времени — приходилось добираться с пересадками. Поэтому семья очень радовалась, когда завод выделил им новую жилплощадь — в Тушине. В 1945 году Лев Иванович получил свою первую награду, которую ценил более всех других, — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1944 году тренер Владимир Чечеров организовал при заводе футбольную команду, куда он пригласил и молодого Льва Яшина. Дядя Володя, как называли Чечерова ребята, определил Льва в ворота. «Мы, две дюжины подростков, выстроились у футбольного поля заводского стадиона неровной шеренгой — тощие, масластые, нескладные ребята. На стадион пришли прямо с работы, кто в чем — в пиджачках, курточках, спецовках, в тапочках, сапогах, разбитых тупоносых ботинках, что выдавали ремесленникам, в сатиновых шароварах, лыжных фланелевых штанах, потертых коротких брючках. Ходивший вдоль этого странного строя человек измерял каждого из нас коротким взглядом и тут же называл его место в команде. Когда очередь дошла до меня, человек сказал:

— Будешь стоять в воротах.

Может, надо было поспорить или хоть спросить, чем это я ему не понравился. Может, надо было сказать ему, что еще в довоенном дворе, когда мы резались в футбол, я всегда играл впереди и котировался как приличный бомбардир.

Но я не стал ни объяснять, ни спрашивать, ни спорить. В ворота так в ворота. Главное — поиграю. А начнешь объяснять — глядишь, прогонят…

За годы войны забыл об играх, и когда в одно прекрасное послевоенное весеннее утро увидал в заводской проходной большое объявление: „Желающие играть в футбол, записывайтесь в секцию у Владимира Чечерова“, — глазам своим не поверил.

Я сразу пошел искать указанную в объявлении комнату, а уже вечером стоял в строю своих нескладных сверстников у кромки футбольного поля. Как состоялось мое посвящение во вратарский сан, вам уже известно. Не знаю, как к другим его „крестникам“, но по отношению ко мне у Чечерова, которого мы все любили и, хоть был он не стар, называли „дядя Володя“, оказалась легкая рука».

Лев тренировался с огромной охотой. И с еще бóльшим желанием выходил на футбольное поле. Но при этом пока даже и не думал о том, чтобы стать игроком команды мастеров. Футбол был для молодого человека праздником, отдушиной в тяжелой послевоенной жизни.

«Каждая неделя кончалась для нас праздником — игровым днем.

Утром мы собирались с чемоданчиками у заводской проходной, садились в открытый кузов полуторки и отправлялись на городской стадион. Предстояла очередная встреча на первенство Тушина. На стадион я входил уже не с одним, а с двумя чемоданчиками. Второй принадлежал Алексею Гусеву — вратарю взрослой команды. Носить его вслед за хозяином была моя обязанность, непременная и приятная. Раз тебе сам главный вратарь завода доверил свой чемодан — значит, ты уже чего-то стоишь! Сначала играли мы, юноши, а Гусев стоял за моей спиной и прямо здесь же, как мог, учил уму-разуму. Вслед за юношескими на поле выходили мужские команды, и тогда мы менялись местами: Гусев вставал в ворота, я занимал место по другую сторону сетки. Играл и тренировался я ежевечерне. Наши окна выходили на стадион, и я, умывшись и переодевшись, выскакивал на поле прямо из комнаты».

В 17 лет Лев, такой серьезный и ответственный, вдруг ушел из дома и поселился у приятеля. И это еще не всё. Он перестал ходить на работу, и над ним нависла угроза увольнения за прогулы. А там и до статьи «за тунеядство» рукой подать. Что же произошло? Вот как обрисовал ситуацию сам Лев Иванович в своей биографии «Записки вратаря»:

«Моя жизнь складывалась безоблачно, и время летело незаметно. Работа, учение, футбол, хоккей (в него я играл не в воротах, в нападении) — всюду дело клеилось. Одолел семилетку. В свои неполные восемнадцать лет был уже и слесарем, и строгальщиком, и шлифовальщиком, имел приличный рабочий стаж и правительственную награду — медаль „За доблестный труд в Великой Отечественной войне“.

А потом накопившаяся за годы усталость начала давать о себе знать. Что-то во мне вдруг надломилось. Никогда не слыл я человеком с тяжелым или вздорным нравом. А тут ходил какой-то весь издерганный, все меня на работе и дома стало раздражать, мог вспыхнуть по любому пустяку. После одной такой вспышки я собрал свои вещички, хлопнул дверью и ушел из дому. Ходить на завод тоже перестал.

Как назвать мое тогдашнее состояние? Хандра? Депрессия? Не знаю. Знаю только, что посетило оно меня единственный раз в жизни и достигло в этот единственный раз таких размеров, что справиться с ним я долго не мог. Ничего не ощущал, кроме опустошенности.

Положение становилось с каждым днем все безвыходнее. По всем законам я был не кто иной, как прогульщик, и на меня распространялись соответствующие указы об уголовной ответственности. Надо было что-то делать. Но что?

Выручил меня советом кто-то из игроков взрослой нашей команды:

— Надо тебе идти добровольцем на военную службу. За это многое тебе может проститься. Да и дисциплина воинская сейчас для тебя — спасение».

Аркадий Чернышев

Яшин отправился в военкомат и вскоре был призван во внутренние войска. О любимом футболе пришлось забыть на несколько месяцев — подъемы, построения, строевая подготовка, стрельбы, изучение уставов, чистка оружия, тактические занятия, наряды, караульная служба, политучеба, отбой — примерно так проходила жизнь новобранца. Но однажды во время вечерней поверки командир приказал футболистам сделать шаг вперед. Так Яшин оказался в спортивной роте.

Жизнь спортсменов мало чем отличалась от жизни остальных бойцов. Они наравне со всеми несли службу. Плюс добавились тренировки и игры на первенство городского совета «Динамо». Яшин играл за третью команду. Потом получил травму голкипер второй команды, и Льва в срочном порядке вызвали на его место. Дебют выдался неудачным: уже на десятой минуте юный вратарь пропустил несложный мяч и сразу же подвергся критике со стороны новых товарищей по команде.

Но именно эта, не самая успешная игра стала тем счастливым случаем в жизни Льва Ивановича, благодаря которому он вырос в выдающегося вратаря. Молодого спортсмена увидел и запомнил знаменитый тренер Аркадий Чернышев.

«Летом сорок девятого года, после очередного игрового дня, меня прямо на стадионе остановил какой-то человек — высокий, подтянутый, с чуть пробивающейся сединой в аккуратной — волосок к волоску — прическе.

— Хочешь играть в молодежной команде „Динамо“?

— Еще бы!

— Тогда приезжай на тренировку. — И он назвал день и час.

Как мог я, солдат, распоряжаться своим временем?

— Не беспокойся, это я беру на себя, — развеял он мое недоумение.

Честно признаться, я не слишком надеялся, что незнакомый мне человек выполнит обещание, но он выполнил. Через несколько дней командир с некоторым удивлением показал мне запрос и приказал отправляться на стадион. Там меня ждал незнакомец, — как выяснилось, тренер молодежной команды „Динамо“.

Я спросил у ребят, как его фамилия. Мне ответили: „Чернышев“.

Да, подвел меня к порогу большого футбола Аркадий Иванович Чернышев — прекрасный тренер и обаятельный человек. Чем больше лет, — а теперь уже и десятилетий — минуло со дня нашего знакомства, тем более я благодарен ему за это.

Так я оказался в молодежной команде „Динамо“. Мы успешно выступали в чемпионате и Кубке Москвы, я неизменно играл в основном составе. И однажды нам довелось даже победить в розыгрыше Кубка столицы мужскую динамовскую команду, в которой играли несколько известных футболистов и среди них сам Чернышев. А когда в марте сорок девятого года команда мастеров „Динамо“ отправилась на тренировки в Гагру, я был включен в ее состав в качестве третьего вратаря, дублера Алексея Хомича и Вальтера Саная».

Начало карьеры Яшина выдалось катастрофическим. На предсезонном сборе в Гаграх ему забил вратарь сталинградского «Трактора» Василий Ермасов. Лев слишком далеко вышел из ворот, и оппонент, выбивая мяч с рук, перебросил молодого динамовца. «Не трудно представить мое состояние. Как нашкодивший и стыдящийся поднять глаза мальчишка, я исподтишка оглядел трибуну. То, что я увидал, добило меня окончательно. Игроки нашей основной команды — Василий Карцев, Константин Бесков, Сергей Соловьев, Александр Малявкин, Всеволод Блинков, Леонид Соловьев — покатывались со смеху. Бывалые и всё на свете повидавшие футбольные волки, они ничего подобного в своей жизни не видели.

Не помню, как доиграл я первый тайм. В раздевалке я швырнул в угол перчатки, за ними полетели бутсы. Не в силах сдержать слезы, я стал стаскивать свитер. Мне еще не сказали, что моя футбольная карьера окончена, но я был уверен: сейчас скажут. А если и не скажут, разве я сам этого не понимаю?

Мне не дали снять свитер. Меня заставили натянуть на ноги бутсы, а на руки — перчатки. Я вновь появился на поле. Я доиграл этот злосчастный матч, свой первый матч в команде мастеров. Тренер, работавший тогда с динамовскими дублерами, Иван Иванович Станкевич, человек мягкий и интеллигентный, нашел нужные слова. Он сумел объяснить мне, что все происшедшее не более чем несчастный случай, что ни он, ни старший тренер Михаил Иосифович Якушин во мне не разуверились, что в будущем надо быть осмотрительнее и видеть не только мяч, но и обстановку на поле. На следующий матч меня снова поставили, на следующий — тоже. Я закрепился в дублирующем составе, но мяча, забитого мне вратарем „Трактора“, забыть не мог».

Дубль и шайба

Дебют Яшина в основном составе «бело-голубых» состоялся в 1950 году. Приболел Вальтер Саная, и в заявку на матч со «Спартаком» был включен в качестве запасного Лев Яшин. При счете 1:0 в пользу «Динамо» травму получил Алексей Хомич. Пришлось молодому вратарю становиться в ворота. И первое же игровое действие с участием Льва обернулось голом в динамовские ворота. В борьбе за верховой мяч Яшин столкнулся со своим же защитником Константином Блинковым. Мяч отскочил к спартаковцу Николаю Паршину, который и поразил незащищенные ворота.

В следующем матче — с тбилисским «Динамо» — Яшин вышел с самого начала. Москвичи уверенно контролировали ход встречи, и к 65-й минуте выигрывали 4:1. Но потом южане сумели провести три гола за пять минут. Яшин команду не выручил. Тренер Виктор Дубинин решил не испытывать судьбу и выпустил еще не оправившегося как следует от болезни Саная. В оставшееся время Константин Бесков забил пятый мяч в ворота тбилисцев и принес победу москвичам.

Казалось, что после такого дебюта Льву ничего не светит. Во всяком случае, в московском «Динамо». Но в клубе не стали ставить крест на молодом вратаре. Предложения набраться опыта в другом клубе, а потом вернуться были, но Лев Иванович их отверг. Два года он играл за дубль, а зимой защищал ворота хоккейного «Динамо». Да так здорово, что выиграл Кубок страны и взял бронзу всесоюзного первенства. Яшину предлагали полностью перейти в хоккей. Но любовь к футболу оказалась сильнее.

«В те же годы я начал играть в хоккей. К этой игре меня тоже привлек Аркадий Иванович Чернышев. Как-то глубокой осенью встретил он меня на стадионе и спрашивает:

— Хочешь в хоккей поиграть?

— Да что вы, — отвечаю. — Я эту шайбу и в глаза не видел. В хоккей с мячом играл в заводской команде, а что такое хоккей с шайбой — не представляю.

— Это не беда. Приходи. Научу.

До чего же неловко чувствовал я себя первое время в маленьких хоккейных воротах! Длинный, в тяжелых и громоздких доспехах, я никак не мог справиться с маленькой шайбой. По футбольной привычке я всё пытался ее ловить. Как ее поймаешь? Ведь в те годы вратарские рукавицы не имели „ловушек“, какими снабжены они теперь. И я, бросаясь навстречу летящей шайбе, откидывал в сторону клюшку и норовил ухватить ее,

словно мяч, двумя руками. А она упрямо вырывалась из рук, довольно часто отлетая прямо в сетку ворот. Чернышев терпеливо повторял: „Ты ее не лови, ты ее отбивай“. Но прошло немало времени, и немало синяков я себе наставил, и немало шайб пропустил в свои ворота, пока усвоил эту элементарную вратарскую истину.

Хоккей я полюбил. Да и успехи тут пришли ко мне куда раньше, чем в футболе. Я и мастером спорта сначала стал в хоккее, и медали мои первые — серебряная и бронзовая — хоккейные, и первый раз в жизни Кубок СССР выиграл в составе хоккейной, а не футбольной команды.

В хоккей я играл до 53-го года. Еще через год нашим хоккеистам предстояло впервые выступать в чемпионате мира. Меня назвали среди кандидатов в сборную. Не знаю, как сложилась бы моя хоккейная судьба дальше, но приблизительно в то же время я стал кандидатом в футбольную сборную. Надо было выбирать. Я выбрал футбол!»

Номер 1

В середине чемпионата 1953 года тренер «Динамо» Михаил Семичастный доверил ворота Льву Яшину. И Лев Иванович оправдал доверие. Спокойный, уверенный в себе, безупречный в игре, он быстро завоевал место в динамовских воротах, которые ему будет суждено защищать 18 лет. Осенью 53-го «Динамо» вместе с Яшиным выиграло Кубок СССР, а в следующем году вернуло себе чемпионский титул. Всего Лев Иванович выиграл с родным клубом пять золотых медалей и три Кубка — и это превосходный результат в условиях конкуренции, существовавшей в союзном первенстве.

«Тренировался я много, не признавая никаких норм. Для меня как-то сразу стало обязательным делать на занятиях всё, что делают полевые игроки: вместе с ними мерить круги по стадиону, бегать кроссы, совершать многочисленные рывки, преодолевать барьеры, прыгать, играть в больших и малых „квадратах“, бить по воротам, отрабатывать удары головой, пасовать. А сверх того оставалась в полном объеме вратарская работа, изнуряющая необходимостью овладеть каждым приемом так, чтобы он выполнялся без участия сознания, автоматически.

Футбол занимал не только почти все мое время, но и целиком все мысли. К каждому игровому эпизоду с моим участием я возвращался мысленным взором снова и снова. Атаку, которая заканчивалась голом в мои ворота, память расчленяла на мельчайшие детали.

Мне и в голову не приходило убеждать себя в том, что вратарь в силах дотянуться до мяча, сильно пущенного вблизи в угол ворот. Ну а если бы я заранее вышел навстречу удару? Или, сумев предугадать, откуда этот удар последует, сместился поближе к тому углу? Или неожиданно для противника встретил бы его у передней границы штрафной площадки? Или вовремя крикнул защитникам, кому и куда надо бежать, чтобы перекрыть все пути атаки? Этих „если бы“ находились десятки…

Пройдут годы, и за мной закрепится репутация человека, совершившего едва ли не переворот в привычных, устоявшихся представлениях о зоне действия вратаря и принципах его игры. Появятся статьи о том, что я раздвинул эту зону за границу штрафной площадки и что в моей интерпретации вратарь превратился в дополнительного защитника. Так ли это? Судить не берусь. Никогда не относил себя к числу теоретиков, никогда не делал обобщений, которые бы шли дальше анализа своих и чужих ошибок. Играл, как игралось, выбирал те позиции и предпринимал те шаги, которые, казалось мне, вернее обеспечат безопасность ворот. А выходил ли далеко вперед или оставался во вратарской площадке, отбивал ли мяч ногой или ловил его руками — это уж смотря по обстоятельствам. Если же и верно то, что стали приписывать мне с годами, думаю, помогли мне здесь две вещи. Во-первых, привычка выполнять на тренировках всё, что делали полевые игроки, отчего я не уступал им в выносливости. Второе — постоянное стремление раскрывать собственные просчеты, винить в каждом голе сначала себя, а уж после других. При всем многообразии футбола есть в нем ситуации, которые повторяются неизменно. И если ты докопался однажды до собственной ошибки, то другой раз ее не повторишь».

Все, кто видел Льва Яшина в игре, отмечают, что он действовал предельно просто, безо всяких внешних эффектов. Ибо знал, что главная задача вратаря — спасти ворота, а не сорвать зрительские аплодисменты. При этом Яшин играл красиво — его броски были расчетливы и смелы. Он безупречно выбирал позицию и обладал превосходной реакцией. Кроме того, Лев Иванович намертво фиксировал мяч в своих огромных ладонях. Соперники даже пытались разгадать секрет яшинских перчаток, рассуждали: не намазаны ли они каким-либо специальным клеем? Нет, не намазаны. А секрет мастерства крылся в работе на тренировках. Да и учителя у Яшина были хорошие.

Правда, один трюк в арсенале у Льва Ивановича всё же имелся — а именно фокус с кепкой. В пятидесятые почти все вратари, в том числе и Яшин, выступали в кепках. Но мало кто до Яшина далеко выходил из ворот,

а уж игра голкипера головой и вовсе выглядела диковинкой. Тем более что в головном уборе бить по мячу головой сложно. Яшин при своих рейдах снимал кепку, отбивал мяч, а затем снова надевал.

Год 1954-й стал невероятно успешным для Льва Ивановича. «Динамо» после пятилетнего перерыва стало чемпионом страны, во многом благодаря блистательной игре своего вратаря. Была воссоздана сборная СССР, которая провела несколько товарищеских матчей. Сборная Швеции была разгромлена со счетом 7:0, а матч с венгерской командой — одной из сильнейших, если не сильнейшей в мире — завершился вничью 1:1. Ворота нашей сборной защищал 24-летний Лев Яшин, чья игра получила международное признание. Ну и главное событие в жизни Льва Ивановича — его свадьба с Валентиной Тимофеевной Шашковой.

«Познакомились мы на танцах. Всю жизнь помимо футбола он увлекался рыбалкой — до самозабвения. О том, что он неплохо играет за дубль московского „Динамо“, я знала от брата, страстного болельщика, и его друзей. Однажды ребята предупредили: „Сегодня Яшин к нам приедет, можем познакомить“. Вечером появился, этаким забавным басом представился: „Лев“. Длинный, тощий, но симпатичный и, главное, вежливый. До свадьбы мы лет шесть, наверное, встречались. Поженились как раз под Новый, 1955 год. Вот за эти годы и до последних своих дней Лев не миллион алых роз, а явно поболее мне преподнес. Свежие цветы его заботами в нашем доме вообще никогда не переводились», — вспоминала Валентина Тимофеевна.

Этому браку суждено было стать долгим и счастливым. Лев Иванович и Валентина Тимофеевна прожили вместе 35 лет, воспитали двух дочерей, Елену и Ирину. В быту Лев Иванович был скромным, мягким и нетребовательным человеком.

Ворота страны

В 1954 году Лев Яшин занял место в воротах сборной СССР. Через два года советские футболисты выиграли золотые медали на Олимпиаде в Мельбурне. Через четыре года советская сборная дебютировала на чемпионате мира, где выступила очень достойно — дошла до четвертьфинала, сыграв с очень сильными соперниками — австрийцами, англичанами (дважды), бразильцами и хозяевами турнира, шведами. Во всех пяти встречах в воротах играл Яшин, и его игра получила высочайшую оценку. В 1960 году советская команда стала сильнейшей в

Европе. И снова ее ворота защищал Лев Иванович.

Чемпионат мира 1962 года стал испытанием для Льва Ивановича. Накануне первенства у него обострилась язва желудка, и в Чили Яшин отправился с сильнейшими болями. А тут еще за десять дней до старта турнира в товарищеском матче сломали челюсть Владимиру Маслаченко. Пришлось Яшину забыть о своих проблемах со здоровьем и становиться в ворота.

В игре с сильными югославами — финалистами Кубка Европы — сборная Советского Союза одержала убедительную победу 2:0. Следующему сопернику, колумбийцам, заранее отводилась роль аутсайдеров. Прогноз — легкая победа советской сборной — начал подтверждаться с первых минут матча в Арике. К 13-й минуте наши футболисты вели 3:0. В середине тайма колумбийцы один гол отыграли, но в начале второй половины игры Виктор Понедельник забил четвертый гол.

До конца встречи оставалась 21 минута, когда несогласованность Яшина и Гиви Чохели привела к голу в наши ворота. Яшин скомандовал «мой», Чохели убрал ногу и не стал блокировать мячу дорогу, а тот взял и вкатился в ворота. Потом последовали дальний удар и гол. А за ним — еще один. Матч закончился со счетом 4:4. Выходило, что ошибка Яшина сломала игру сборной. И это при том, что в самом конце встречи Лев Иванович спас советскую сборную от двух верных голов.

Третий матч группового турнира — со сборной Уругвая — наши выиграли 2:1. А в четвертьфинале советским футболистам предстояло сыграть с хозяевами — чилийцами. Наши уступили 1:2. Решающий гол провел чилиец Рохас дальним ударом. Сборная СССР, один из фаворитов турнира, вынуждена была прекратить борьбу за два шага до финала.

Увы, Льву Ивановичу пришлось испить горькую чашу главного виновника неудачи сборной. Как-то быстро были забыты те победы, которым советский футбол был обязан Яшину. 33-летнему вратарю намекали, что его время ушло и пора уступать дорогу.

Лев Иванович стал подумывать об уходе. Друзья и тренер «Динамо» Александр Пономарев уговорили его не спешить, а просто взять некоторую паузу.

Ворота «Динамо» стал чаще защищать Владимир Беляев. Яшин поддерживал форму на тренировках.

«Было грустно, обидно, горько. И мне, и всем. Всем одинаково. Я не выделял себя среди других. Я не знал еще, какую роль сыграет этот неудавшийся матч с чилийцами в моей личной судьбе. Я не знал, что в те минуты, когда мы, переживая поражение, молча сидели в раздевалке,

принимали душ, переодевались, в Москву летела кружным путем, через Сант-Яго, телефонограмма: „В проигрыше виноват Яшин, пропустивший два легких мяча и тем самым обрекший команду на поражение“. Ее отстучал один из трех бывших в Арике корреспондентов наших газет, журналист, далекий от спорта, но единственный, кто имел возможность передавать свои репортажи в Москву. Телевидение тогда не знало еще передач на столь далекие расстояния, очевидцы и кинокадры могли помочь восстановить истину лишь много позже. А тогда, по горячим следам матча, приговор, вынесенный журналистом, выглядел бесспорным, окончательным и обжалованию не подлежащим.

Лишь когда мы приземлились дома, я впервые узнал, что чемпионат мира проиграл Яшин. Вот когда мне представился удобный случай в полной мере оценить силу печатного слова. На первом же московском матче едва диктор, перечисляя состав динамовской команды, назвал мое имя, трибуны взорвались оглушительным свистом. Обструкция повторилась, когда я вышел на поле. Злой рокот усилился после того, как мяч попал ко мне в руки, но и это не удовлетворило трибуны, мстившие виновнику поражения сборной. Они свистели неустанно, до конца игры. Я слышал крики: „С поля!“, „На пенсию!“, „Яшин, иди внуков нянчить!“

На следующем матче всё повторилось. На третьем — то же, что на втором. Дома я находил обидные, издевательские письма, на стеклах машины — злобные, оскорбительные надписи. Несколько раз кто-то из самых агрессивных „доброжелателей“ разбивал окна в моей квартире.

Каждый выход на поле стал для меня мукой. Да что выход на поле — каждый шаг по городу! Переносить всё это было выше моих сил. И однажды, вскоре после возвращения из Чили, я сказал нашему тренеру, ныне покойному Александру Семеновичу Пономареву:

— Больше играть не буду, не могу.

А он, человек, сам всё в футболе перевидавший и переживший, меня и не удерживал:

— Поступай, как знаешь, тебе видней. Пока отдыхай, а там видно будет…

Я уложил в багажник ружье и рыболовную снасть и уехал в деревню. Рыбачил, ходил на охоту, по грибы, просто бродил по лесу. Раздумывал о том, как буду жить дальше, а в футбол, решил я твердо, возврата больше нет.

Но чем дальше отодвигало время меня от футбола, тем чаще я тосковал по мячу. И вот стали мне немилы ни лес, ни речка, ни вся с детства любимая подмосковная природа. Виделись мне во сне и наяву

футбольное поле и летающий над ним мяч, и я на своем месте чуть впереди ворот — в черном свитере, в старой моей кепочке, побывавшей на всех материках. И слышались мне гулкие удары бутс по мячу и судейские свистки. И ощущал я запах пахнущей городской пылью, помятой шипами травы… Видел, слышал, чувствовал и начинал сознавать: нет мне без этого жизни.

В один поистине прекрасный день, собрав пожитки, я примчался в Москву, на стадион „Динамо“, к Пономареву:

— Хочу играть!

— Давай, раз хочешь, приступай к тренировкам, — ответил он, не раздумывая.

И я приступил к тренировкам. Я обживал заново каждый сантиметр своей футбольной жилплощади. Постепенно привыкал к воротам. Вновь учился, не глядя на стойки и не касаясь их спиной и руками, ощущать их ширину и высоту. Вновь развивал в себе способность в нужный миг отыскивать свое место в прямоугольниках штрафной и вратарской площадей. Такова уж жизнь, а особенно спортивная жизнь, подчас жестокая и несправедливая, но обладающая такой силой притяжения, что человек, отведающий ее радостей и печалей, не может расстаться с нею добровольно уже никогда. Даже если ему 34 года и приходится все начинать заново».

В 1963 году Лев Иванович стал постепенно обретать былую уверенность. Да и болельщики, еще недавно освистывавшие великого вратаря, изменили свое отношение к нему. А в октябре Льва Ивановича пригласили в Лондон, на матч, посвященный столетию футбола. Играли сборная Англии и сборная мира. Это сейчас матчами сборных мира, более похожими на шоу, никого не удивишь. А тогда подобные встречи были в диковинку и футбол в них был настоящий.

Лев Иванович, по договоренности, сыграл лишь один тайм в воротах сборной мира. Но как сыграл! Огромный стадион «Уэмбли» рукоплескал русскому вратарю. Англичане били и издали, и в упор, и головой, и ногами, но все мячи доставались Яшину. Игра голкипера произвела огромное впечатление и на спортивных журналистов. Не случайно в 1963 году «Франс футбол» вручил Льву Яшину приз «Золотой мяч».

В том же 1963 году Лев Иванович вернулся в сборную Союза. Осенью в отборочном матче второго Кубка Европы со сборной Италии, проходившем в Риме, Яшин отыграл выше всяких похвал, отразив одиннадцатиметровый в исполнении Алессандро Маццолы. Тем самым он помог нашей команде пробиться в финальную часть турнира. В 1966 году

Лев Иванович принял участие в третьем для него чемпионате мира, самом успешном для нашей сборной. Советская команда впервые дошла до полуфинала и вернулась из Англии с бронзовыми медалями.

«Последним для меня чемпионатом мира был мексиканский, 1970 года. Последним и самым грустным. Потому, конечно, и самым грустным, что последним. А что последний, не мог я не понимать: к следующему мне должно было исполниться сорок пять. Я и в Мексику приехал уже не совсем в привычной для себя роли запасного вратаря и мог выйти на поле лишь в крайнем случае.

И это тоже был повод для грусти. Два с лишним десятилетия, проведенные в футбольных воротах родной моей динамовской команды, и полтора — в воротах сборной, не утолили моего аппетита к игре. Моя хлопотная должность мне не приелась. Если бы не непреодолимая в спорте возрастная преграда, я, вероятно, так никогда бы добровольно и не подал в отставку. Но годы есть годы. И вот в Мексике я уже запасной. А любой футболист знает, какая это неблагодарная обязанность — быть запасным».

Уроки Яшина

Воспоминаний о Яшине — очень много. Все они интересны. Из них можно составить целую библиотеку, тем более что воспоминания эти не иссякают, продолжаются, копятся. Нам хочется привести здесь отрывок из неопубликованных пока мемуаров вратаря Олега Иванова, одного из тех, кто имел счастье учиться у Льва Ивановича.

«Московские динамовцы встречались с одноклубниками в Киеве. Матчи всегда были жаркие, напряженные. В воротах москвичей — Лев Яшин, у хозяев — Олег Макаров. Киевляне наседают на ворота Яшина, следует одна атака за другой, подряд подает угловые Лобановский. Яшин спокойно ловит эти крученые удары. У киевлян было всё уже отработано: на угловые выходил нападающий Базилевич, высоко выпрыгивающий и хорошо играющий головой. Он всё норовил выбить мяч у Яшина из рук, боднуть его головой, толкнуть корпусом.

Мы, молодые динамовцы, сидим за воротами Яшина и видим, как у того от злости глаза как бы кровью наливаются. И вдруг слышим, как он говорит Жоре Рябову, центральному защитнику „Динамо“ (а Лобановский в это время готовится к подаче очередного углового): „Жора, играй по мячу, а я по Базилевичу“. Идет очередная крученая верховая подача на ворота, Яшин выходит на перехват, в борьбу с ним вступает Базилевич, страхует

Яшина, играя в мяч, Рябов. Яшин в воздухе сильно бьет кулаком по мячу, а рука у Яшина тяжелая, пальцы сожмет, кулак будь здоров. Если ударит — мало никому не покажется. Так вот. Удар пришелся как бы вскользь, через мяч, точно по лбу Базилевичу. Действия Яшина были в рамках правил: обоюдная борьба за мяч в воздухе, но Базилевич упал как подкошенный на траву. Был явно в нокдауне. Игра была остановлена. Врачи понемногу привели в чувство Базилевича, он встает, шатаясь, идет к Яшину. Думаем, будет драка. Но киевлянин как-то тихо, даже робко спрашивает Яшина: „Лева, а в чем дело? Не понимаю“, — а Яшин отвечает также тихо: „Олег, не прыгай на меня, когда мяч в руках. Понял?“

До конца игры Базилевича близко не было видно у ворот Яшина.

*

В донецком „Шахтере“ был нападающий Юрий Ананченко, настырный, бежал по мячу до конца. Динамовцы играли в Донецке. Полный стадион зрителей. Яшин ловит удары, а Ананченко всё время пытается ему помешать, хочет выбить мяч из рук. Лев Иванович большую часть игры терпел, но и всякому терпению приходит конец. В один из моментов Яшин только поймал мяч, Ананченко в который раз грубо пошел на него, опять ткнул ногой в грудь. Яшин зажал пойманный мяч между руками и, крепко ухватив футболиста за ступню, развернул ее так, что хруст суставов был слышен на дальних ярусах трибун. Ананченко в буквальном смысле уполз с поля. Очухавшись, побежал к Яшину извиняться.

*

В дубле в конце шестидесятых годов появился нападающий Владимир Ларин, обладавший феноменальным по силе ударом и заигравший затем и в основном составе московского „Динамо“. С Володей, к сожалению, рано ушедшим из жизни, играли мы вместе в юношеской команде „Динамо“, силу его ударов я на себе испытывал постоянно, с детства…

И вот одна из первых его тренировок в команде мастеров на базе в Новогорске. Нападающие тренируют удары по воротам. В воротах Яшин, о силе ударов Ларина он не знал, а тот как назло всё бьет и бьет с близкого расстояния. Яшин поймать мяч не может, и в один из моментов, пробив

руки, мяч сильно отскакивает от груди и улетает далеко в поле.

Воцарилась мертвая тишина. Все замерли: наш тренер Константин Бесков, игроки, присутствующие. Яшин говорит мне, а я был на сменке: „Олег, меняемся“.

Становлюсь в ворота, тренировка продолжается. Яшин нервно ходит за воротами, молчит. Новое упражнение. Верховые передачи — нападающие отрабатывают удар головой, для вратарей — борьба с ними за верховой мяч. Вдруг слышу за спиной: „Олег, отдохни“. Ухожу. Яшин становится в ворота. Думаю, что-то будет… Точно. Верховая передача. Ларин идет на мяч, и Яшин тоже идет на мяч, как в лобовую атаку. Верховая борьба, и вот Ларин уже на земле, сидит на пятой точке. Яшин стоит над ним, смотрит в глаза и тихо так, назидательно говорит: „Уважать надо старших, сынок“. — „Понял, Лев Иванович“, — шепотом выдавил из себя Ларин.

*

В луганской „Заре“ был нападающий Вячеслав Семенов, всегда прыгавший на вратарей, чтобы добить отскочивший от рук мяч. Идет игра. „Заря“ в атаке, Яшин ловит мяч, а Семенов пытается помешать ему, лезет вперед то ногой, то головой. Смотрим, Яшин понемногу заводится и вот, в очередной атаке луганцев, вместе с мячом ловит и голову Семенова. И… лишь слегка ее придавил. У того от страха глаза на лоб полезли. Сразу все нападки закончились, и нападающий обходил Яшина стороной до самого конца игры.

Яшин в жизни и на футбольном поле мог быть разным: внимательным, чутким, заботливым, но нахалам и зазнайкам спуску не давал нигде и никогда, невзирая на заслуги и авторитеты».

*

Лев Иванович выступал в составе «Динамо» до сорока лет. 27 мая 1971 года в переполненных «Лужниках» состоялся его прощальный матч. Сборная «Динамо» играла со сборной мира. После встречи, завершившейся со счетом 2:2, Лев Иванович торжественно передал свои перчатки Владимиру Пильгую.

Послефутбольная жизнь Льва Яшина была не столь насыщенной.

Несколько лет он проработал начальником команды, но его «ушли» после трагической гибели нападающего Анатолия Кожемякина. Дескать, недосмотрел. Потом легендарный вратарь трудился в структуре «Динамо». Частенько Лев Иванович выступал в «Футбольном обозрении». Но тренером он, к сожалению, не стал. Что-то помешало. Наш футбол от этого потерял очень много. Лев Иванович мог передать свое мастерство многим ученикам, тем более, как свидетельствуют очевидцы, педагогические способности у Яшина были, его напарники почерпнули очень многое из совместных тренировок.

Осенью 1984 года разнеслась шокирующая новость — Льву Яшину ампутировали левую ногу. Оказывается, у знаменитого вратаря развилась гангрена от закупорки сосудов. Что стало причиной тяжелого недуга — чрезмерные нагрузки во время игровой карьеры или курение (курил Лев Иванович с детства и очень много), точно неизвестно.

Но и без ноги Яшин оставался Яшиным. Вел активную общественную жизнь, старался быть в курсе футбольных событий, выезжал в разные регионы страны, где ему устраивали восторженные приемы. Летом 1989-го в «Лужниках» прошел грандиозный праздник, посвященный шестидесятилетию великого вратаря. Вот только сам юбиляр выглядел каким-то уставшим, невеселым. Уже тогда появились тревожные предчувствия, которым, увы, суждено было сбыться.

В марте 1990 года Льву Ивановичу было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Сюжет о награждении был показан в «Футбольном обозрении». За время, прошедшее с чествования великого вратаря в «Лужниках», Лев Иванович сильно изменился — худое, измученное лицо, слабый голос, усталый взгляд из-под очков. Было видно, что он очень и очень болен. Тяжело болен. А через два дня Льва Ивановича не стало…

ИГОРЬ НЕТТО

Однажды юный дублер Саша Соколов на тренировочном поле Тарасовки так здорово въехал в ногу олимпийца и капитана «Спартака» Игоря Нетто, что тот поморщился. Улучив момент, когда мяч был на другой половине поля, Саша, смущаясь, выдохнул: «Это… Игорь Александрович… извините. Не хотел. По мячу промазал. Больше не буду».

— Будешь, куда ты денешься… Еще как будешь-то… Это же футбол, не балет, — спокойно ответил Нетто.

Капитан

В 1956 году сборная СССР выиграла олимпийский турнир в австралийском Мельбурне, а через четыре года стала сильнейшей в Европе. Оба раза капитаном нашей сборной был спартаковец Игорь Нетто.

Капитан — это не только человек, который с повязкой на рукаве выводит свою команду на поле и уполномочен вести беседы с судьями. Капитан — это еще и самый уважаемый, авторитетный игрок, лидер как на поле, так и в раздевалке, проводник тренерских идей и в то же время защитник прав игроков. Игорь Александрович как никто другой отвечал этим критериям. И не случайно именно он 18 лет был капитаном «Спартака» и 11 лет — капитаном сборной.

Он никогда не играл вполсилы, не делал одолжения своим выходом на поле. И требовал того же от товарищей по команде. Порой жестко. Никита Павлович Симонян вспоминал, как ему досталось от Игоря Александровича в финале Кубка СССР 1958 года с «Торпедо». Во время матча Симонян несколько раз упустил выгодные моменты, и основное время завершилось вничью 0:0. Вот и досталось знаменитому бомбардиру от капитана, который, кстати, был моложе на четыре года. В дополнительное время Никита Павлович все-таки поразил ворота автозаводцев, и этот удар принес «Спартаку» хрустальный трофей.

«Вот видишь, Игорь, а ты меня ругал», — сказал после матча Симонян. «Конечно, ведь из-за тебя, Никита, нам пришлось играть лишних полчаса», — спокойно ответил Нетто.

Игорь Александрович мог возразить и тренеру, и даже самому Николаю Петровичу Старостину. Вот один случай, ставший

хрестоматийным.

— Игорь, ты играл сегодня хорошо, но коротко, — сказал после матча Игорю Нетто старший тренер московского «Спартака» Николай Гуляев. — Почему бы тебе не использовать чаще длинные передачи?

— А зачем? — спросил Нетто. — Так только в деревне играют. Выбьют мяч на 30–40 метров и надеются, что его кто-то из своих подберет. Пусть я играю коротко, как вы говорите, но зато отдаю мяч точно в ноги партнеру.

Гуляев, однако, настаивал на своем:

— Длинные передачи таят в себе элемент неожиданности. Я думаю, что тебе обязательно надо применять их в игре.

— А я думаю, — вскипел Нетто, — что вы ничего не понимаете в футболе! Повторяю, я не буду играть в ваш деревенский футбол. Не хочу и не буду.

— Я ничего не понимаю?! — Старший тренер округлил глаза.

— Конечно. Знаете, кто вы, Николай Алексеевич? Вы… Вот вы кто! — сказал капитан команды и выразительно постучал кулаком по дереву.

В этот момент в комнату вошел незабвенный Николай Петрович Старостин — начальник футбольной команды «Спартак», который уже тогда, в конце пятидесятых годов, имел непререкаемый авторитет среди игроков. Старостин, по-отечески любивший Игоря Нетто, попробовал его приструнить:

— Ну разве так можно, Игорь? Ты же с тренером разговариваешь. Я, кстати, думаю, что он прав.

Но капитана уже понесло. Вместо того чтобы извиниться перед Гуляевым, он «приложил» еще и Старостина:

— Помолчали бы лучше, Николай Петрович. Вы же тоже в футболе ничего не понимаете.

Сказано это было таким тоном, что на какое-то время Старостин даже лишился дара речи. Скажи подобное кто-то другой — и подобная вольность могла стоить смельчаку места в команде. Но никаких санкций со стороны Старостина и Гуляева не последовало. Ибо оба прекрасно знали, что значит Нетто для «Спартака». И что воплощение тренерских идей на поле во многом зависит от ворчливого и несносного капитана.

Еще один случай. Николай Паршин, которому во время матча доставалось от Нетто больше других (и вообще-то по делу), не сдержался и грубо ответил капитану. И Нетто замолчал. Игра же по-прежнему не ладилась. В перерыве Николай Старостин в раздевалке спросил Игоря Александровича, почему он молчит на поле.

— Не могу, Николай Петрович, меня сегодня послали.

Капитан отошел от обиды только во втором тайме. И сразу у «красно-белых» пошла игра.

И наконец, самая известная история о Нетто. Чемпионат мира 1962 года в Чили. Сборная СССР встречается с командой Уругвая. При счете 1:1 мяч после удара Игоря Численко влетает в верхний угол ворот соперника. Судья показывает на центр, не внимая протестам уругвайцев — они уверяли арбитра, что мяч прошел в сетку с внешней стороны через дырку. «Лично мне тоже показалось, что мяч попал в ворота с боковой стороны. Подбежал к Численко: „Игорь, был гол?“ — спрашиваю его. „Нет“, — отвечает Численко без колебаний. Тогда я, как капитан, подошел к итальянскому арбитру и, как мог, жестами объяснил ему: „Гола не было“. Он поблагодарил меня и гол отменил. Ну а я, честно говоря, почувствовал облегчение. Мы играли в честный футбол», — вспоминал Нетто.

Семья

Своей необычной фамилией он обязан предкам-эстонцам. И отец Александр Генрихович, и мать Юлия Вильгельмовна появились на свет в Эстонии, недалеко от Тарту. Но оба увлеклись революционными идеями и довольно рано покинули родные края. Александр Генрихович входил в дивизию латышских стрелков, участвовал в штурме Зимнего, а после установления советской власти работал в Народном комиссариате среднего машиностроения. Юлия Вильгельмовна трудилась в Наркомате иностранных дел. Семья Нетто дружила с семьей своего почти однофамильца — дипкурьера Теодора Нетте, погибшего во время исполнения служебных обязанностей.

Игорь появился на свет в Москве 9 января 1930 года и был вторым ребенком в семье. Точнее, третьим: средняя сестра Нина умерла во младенчестве. Старший брат Лев был на пять лет старше Игоря. Мальчики хорошо учились в школе, и футбол, которому они отдавали всё свободное время, этому абсолютно не мешал. Игорь неплохо играл и в шахматы.

В 1943 году Лев Нетто, едва окончив школу, ушел на войну. Сражаться довелось на исторической родине — в Эстонии. В одном из боев Лев Александрович попал в плен и лишь чудом остался жив. Родители же получили извещение, что их старший сын пропал без вести. После победы Лев Нетто освободился из плена и снова был направлен в армию. Служил на Западной Украине — под Ковелем. Перед самой демобилизацией Лев

Нетто был арестован. Молодому человеку вменялись в вину добровольная сдача в плен и сотрудничество с немцами.

Лев получил 25 лет лагерей. Потом срок сократили до десяти лет — были приняты во внимание заслуги отца, Александра Генриховича. На свободу Лев Александрович вышел в 1954-м.

Игорь к тому времени был известным футболистом, капитаном «Спартака» и сборной СССР. А ведь мог стать и хоккеистом. Нетто прекрасно играл в хоккей с шайбой, выступал за молодежную команду «Спартака». Пока его не увидел в игре тренер футбольного «Спартака» Абрам Христофорович Дангулов. Как раз в этом матче соперник провел против молодого игрока жесткий силовой прием, и Игорю понадобилась медицинская помощь. Дангулов и упросил хоккейного тренера Анатолия Игумнова отпустить Нетто: «Иначе здесь его сломают».

Нахлобучка

Не будь Дангулова — может, мы и не узнали бы о Нетто-футболисте. Но, как и любому тренеру «Спартака», Дангулову приходилось очень нелегко. Вот один из документов тех лет. Типичный «разбор полетов». О Нетто в нем нет ни слова. Но атмосферу времени он передает очень точно:

> «Стенограмма 2-го заседания Совета физкультурно-спортивного ордена Ленина общества Промкооперации „Спартак“ г. Москва от 10 мая 1951 года.
>
> Тов. Кузин:
>
> На 2-м заседании Совета из 49-ти членов Совета присутствует 35 членов.
>
> Тов. Митрофанов:
>
> На повестке дня стоит вопрос: Итоги проведения учебно-тренировочного сбора футбольной команды мастеров и участие ее в розыгрыше Первенства СССР по футболу 1951 года. Докладывает Начальник футбольной команды, старший тренер, заслуженный мастер спорта СССР тов. Дангулов А. Х.
>
> Товарищ Дангулов докладывает.
>
> Тов. Гюбиев:
>
> Я послушал доклад старшего тренера тов. Дангулова и скажу откровенно, что он меня совершенно не удовлетворил. Товарищ Дангулов начал свою речь с того, что в Сочи им были

предоставлены все возможности. Очень хорошо. Раз все возможности предоставлены, то надо работать. Но работа, которую провел т. Дангулов с командой, совершенно не удовлетворительная. Контрольные игры, что были проведены в Сочи, показали и нам, находящимся в Москве, что в команде есть что-то не здоровое. Команда должна была все эти контрольные игры показать себя с лучшей стороны, но они были проведены слабо. Команда играет отвратительно, надо сознаться в этом. Если команда будет так играть дальше, то, очень похоже, что „Спартак“ попадет во вторую группу из первой. Разве можно допустить, чтобы „Спартак“, известный не только в Советском Союзе, но и за границей, попал во вторую группу? Это недопустимое дело.

Но во всяком случае надо признать, что команда в настоящее время больная. Команду надо лечить, ей надо сделать операцию, если так решит консилиум врачей. Надо сделать операцию обязательно! Возьмите вы строительство, производство, медицину, литературу — везде и всюду новшества. Так почему мы не можем провести новшества в команде футбольной? Может быть, товарищ Дангулов до этого не додумался?

Мы первенство Союза ни под каким видом не выиграем. Но впереди Кубок, и мы должны принять меры, чтобы Кубок нами был выигран. Но при таком состоянии „Спартак“, конечно, выиграть Кубок не сможет. Значит, надо что-то делать.

Если тов. Дангулов сам не может дойти до этого, он должен обратиться по-товарищески к старым людям, как я. Я занимаюсь спортом 50 лет, я сам играл в футбол, позднее тренировал. Команда моя оставила очень хорошее впечатление, хороший полезный отпечаток.

Я с удовольствием помогу тов. Дангулову, потому что я старый спортсмен и болею за „Спартак“. Я не могу видеть, как „Спартак“ проигрывает.

Возьмите, как она играла с ЦДСА, она должна была выиграть со счетом 3:2, а проиграла 0:1. Возьмите, с „Торпедо“. Что из себя представляет „Торпедо“? Ничего. Как себя показал в этой игре „Спартак“? Игроки не понимали друг друга! Что же смотрит тов. Дангулов?

12 мая команда играет с „Даугавой“. Большой процент за то, что мы проиграем. <…>

Тов. Полухин:

Я могу без преувеличения сказать, что я выступаю, как старый болельщик. Я болею за „Спартак“ еще с 1929 года. Я сам в свое время работал в „Спартаке“ общественным инструктором в нескольких клубах кустарей. Тогда еще клуб был на 1-й Мещанской.

Я старый болельщик, и это дает мне право предъявить претензии и требования.

Я лично не доволен докладом т. Дангулова. Он о членах команды говорит, как о маленьких детях. Просто стыдно, до чего вы себя довели. Тов. Дангулов, если вы себе позволяете таким тоном разговаривать с игроками, вы плохой воспитатель. Вы не прививаете чувства ответственности.

В качестве крупного успеха в политикомассовой работе вы приводите данные, что для команды проведены два доклада квалифицированным докладчиком из Сочинского горкома партии.

Квалифицированный докладчик из Сочинского горкома партии и кто-то из музея Достоевского. Это, конечно, крупный успех. А такую простую истину, что команда должна быть командой — до сознания не довели. Надо напомнить команде „Спартак“, что с ней нельзя нянчиться. Вы же мужчины, а не дети! Это надо понять.

Я должен сказать больше. Я выступал в городе Копейске, и моя лекция „Основы физкультуры“ превратилась в отчет, почему вы так неудачно выступаете. Там на стадионе было восемь тысяч народа и были заданы вопросы, которые продиктованы большим чувством симпатии к вам. И на эту симпатию, на эту любовь надо иметь какую-то ответную реакцию, общечеловеческую реакцию. За такое доверие надо быть благодарным и отдать все для победы, чтобы престиж и слава команды не терялись, а повышались. И надо, чтобы сегодня родилась воля к победе. Именно на таком собрании, при таком к ним отношении может родиться воля к победе. А иначе мы имеем дело с гнильем. И прав товарищ, говоря, что для оздоровления больного организма нужна операция! *(Аплодисменты)».*

У «Даугавы» спартаковцы всё же выиграли, но в конце мая после поражения от московского «Динамо» Абрам Дангулов был снят с должности старшего тренера. Его место занял Георгий Глазков, бывший

форвард «красно-белых». С ним команда завершила чемпионат СССР 1951 года на шестом месте, вылетев из Кубка страны еще в четвертьфинале.

*

В основе футбольного «Спартака» Игорь Нетто появился девятнадцатилетним юношей. И сразу молодой левый полузащитник запомнился и своей техникой, и умением отдать пас, и серьезным отношением к делу. Возможно, такого футболиста и не хватало послевоенному «Спартаку». Его отношение к тренировкам и режиму было образцовым. Видя, как тренируется совсем юный футболист, остальные просто не могли халтурить. И «Спартак» постепенно пошел вверх.

Когда Игорю исполнилось 22 года, игроки «Спартака» избрали его своим капитаном. При том что в коллективе было немало куда более опытных футболистов. Но большинство проголосовало за Нетто. В том же 1952 году Игорь получил приглашение в сборную СССР. Были опасения, что его из-за старшего брата Льва не выпустят на Олимпийские игры в Хельсинки. Но опасения оказались напрасными. Игорь Нетто принял участие в олимпийском турнире, имевшем для нашей сборной столь драматичные последствия. Правда, молодого футболиста оргмеры не коснулись. А в возрожденной сборной СССР именно Игорь Нетто стал капитаном.

Досье внутреннего пользования

В пятидесятые годы руководство «Спартака» аккуратно, после каждого сезона, подводило итоги. В том числе составлялись личностные характеристики игроков, стилистически знакомые нам …по фильму «Семнадцать мгновений весны».

Разумеется, в них преобладали спортивные показатели, но отмечались и другие моменты — образование, семейное положение, культурный и политический уровень.

Вот фрагменты досье футбольной команды «Спартак», составленного по итогам сезона 1955 года:

ТУЧКУС Вл. — 1932 г. Вратарь. Женат. Образование 8 классов. Хорошо сложен и координирован. Гибкий, ловкий и сильный. Хорошая скорость и реакция, но слабая выносливость и недостаточно внимателен.

Хватка мяча не всегда надежна. Игра на низкие мячи не полноценна. Недостает упорства и настойчивости на тренировочной работе. Недостаточно уравновешен и не требователен к себе.

МИКУЛЕЦ Э. — 1936 г. Вратарь. Женат. 7 классов. При достаточной скорости недостаточно прыгуч. Владеет ударом с земли с обеих ног, но точности в передаче мяча явно недостает. Хорошо вбрасывает мяч от плеча. Хватка мяча не отработана и поэтому не всегда надежна. На низкие мячи смело и быстро выходит из ворот, на верхние же реагирует нерешительно. В команде первый год. Требует большой работы, как над повышением культурного уровня, так и над повышением знаний в спорте и непосредственно в футболе.

СОКОЛОВ Ю. — 1929 г. Правый, левый защитник. Женат. 6 классов. Владеет ударом с обеих ног, но лучше с земли, чем с лета, хорошо играет головой, далеко и точно вбрасывает мяч. Не использует игру телом и несколько скован в движениях. Не уравновешен. Следует работать над повышением тактической подготовленности в умении сочетать игру «сторожа» с позиционной игрой.

СИМОНЯН Н. — 1926 г. Центральный нападающий. Женат. Образование среднее. Член КПСС. В связи с серьезной травмой с мая и до половины августа месяца не имел возможности серьезно работать над собой. С конца октября сыграл в нескольких международных встречах за сборную СССР с Францией и за «Спартак» в Югославии. Провел эти игры вполне удовлетворительно. Техника и удар находятся в должном состоянии.

САЛЬНИКОВ С. — 1925 г. Левый полусредний. Женат. ВШТ. Хорошо сложен и координирован. Умеет правильно применять толчки и хорошо закрывает мяч корпусом. В совершенстве владеет техническими приемами. Отлично играет головой в прыжке в условиях борьбы с соперником. Является в команде ведущим игроком. Хорошо сохраняет связи. Много, упорно и настойчиво тренируется по технике, неохотно работая по общей физподготовке.

ИЛЬИН А. — 1931 г. Левый крайний. Холост. 7 классов. Очень выносливый. Имеет хорошую скорость. Недостатком является неумение мягко и точно подавать с края в центр внутренней стороной подъема, особенно на большой скорости. В игре не хватает волевой собранности и

инициативы. Дисциплинирован и выдержан. Серьезно относится к тренировкам.

ТАТУШИН Б. — 1933 г. Правый крайний. Холост. 5 классов. Физически развит. Имеет большую скорость с отличным стартом. Владеет ударом с правой ноги, левая слабее. Верно выбирает место при атаке, но не всегда замыкает фланг, при обороне своих ворот умело отходит, сохраняя связь с полузащитой. Не уравновешен.

ПАРШИН Н. — 1929 г. Центральный нападающий. Женат. 5 классов. Владеет хорошим ударом с обеих ног, особенно по летящему мячу. Смело и решительно действует в штрафной площади противника. Всегда успевает занять правильную позицию для взятия ворот. Смело вступает в физическое единоборство. Скромен, достаточно дисциплинирован, но не уравновешен.

ПАРАМОНОВ А. — 1925 г. Правый полузащитник. Женат. Образование среднее. Строго соблюдает режим. Умело сохраняет спортивную форму. Обладает большой выносливостью. Умеет играть против подопечного, но значительно слабее играет позиционно. Часто запаздывает с моментом передачи мяча партнеру. Дисциплинированный и достаточно уравновешенный.

НЕТТО И. — 1930 г. Левый полузащитник. Образование среднее. Холост. Владеет многими отличными игровыми качествами: быстро бежит, разворотлив, хорошо прыгает, координирован, гибок, ловок. Хорошо понимает и разбирается в тактике. Правильно оценивает обстановку в тяжелых условиях и быстро находит выход. Может хорошо выключить подопечного и организовать атаку, сам включаясь в линию нападения для завершающего удара. Не уравновешен.

МАСЛЕНКИН А. — 1930 г. Центральный защитник. Образование среднее. Холост. При наличии природной быстроты не отработал нужного старта, недостаточно внимателен. Требует систематического внимания. Мало практикует жесткую игру. Хорошо сложен, сильный, гибкий, ловкий. Серьезным отношением к тренировкам за прошедший сезон добился больших результатов. Вошел в состав сборной СССР.

ОГОНЬКОВ М. — 1932 г. Правый, левый защитник. Холост. 6 классов.

Начальная скорость бега достаточная, но снижается при увеличении дистанции. Имеет хороший прыжок, но техника игры головой недостаточна. Необходимо повысить требовательность к режиму. Обратить внимание на улучшение подстраховки центрального защитника и ворот.

ТИЩЕНКО Н. — 1926 г. Правый защитник. Образование среднее. Холост. Имеет сильный корпус, подвижен, но недостаточно разворотлив, бежит недостаточно быстро. Прыгучесть слабая и поэтому игра головой оставляет желать лучшего. В работе над собой должную требовательность проявляет периодами. Бьет с обеих ног, но излишне часто практикует лишь короткие передачи.

ИСАЕВ А. — 1932 г. Правый полусредний. Холост. 7 классов. Ведет мяч с неожиданными переключениями скорости и резкой сменой направлений, обыгрывая противника на ходу. Бьет с обеих ног без подготовки, но точность попадания слабая. Тактический кругозор недостаточен. К тренировкам относится серьезно. Недостаточно собран и мобилизован.

В чемпионате СССР 1955 года «красно-белые» стали вторыми, уступив чемпиону столичному «Динамо» очко. Да и вся пятерка столичных клубов выступила неплохо. Первые пять мест — у Москвы.

*

Игорь Александрович выводил нашу команду на матчи олимпийского турнира в Мельбурне, ставшего триумфальным для сборной СССР. В двух первых матчах чемпионата мира-58 Нетто не смог сыграть из-за травмы. Но едва залечив повреждение, вернулся на поле и сыграл на совесть. Иначе не мог.

В пятидесятые годы к Игорю Нетто приклеилось прозвище Гусь. То ли из-за длинной шеи, то ли из-за шипящего голоса. Сам Нетто терпеть не мог, когда его называли Гусем. Однажды в Египте с Игорем Александровичем вышел курьезный случай. В 1955 году сборная Советского Союза прибыла в Каир для товарищеской встречи с местными футболистами. Во время заключительного банкета, устроенного в честь игроков сборной СССР, наш посол в Египте Солод подошел к Нетто и довольно бестактно спросил:

— Скажите, это вас называют Гусем?

Игорь тут же покраснел. Настроение у него было испорчено. А тут еще в самый разгар банкета капитану нашей команды показали дружеский шарж, опубликованный в одной из местных газет. Там был изображен гусь с очень длинной шеей, а вместо головы птицы красовалась голова Игоря Нетто. Корреспонденты через нашего переводчика поинтересовались, понравился ли этот шарж футболисту.

Игорь, которому посол уже испортил настроение, взглянув на шарж, вспылил:

— Да что же это такое?! Передайте этим арабам, что они идиоты! Надо же было до такого додуматься!

Переводчик, не моргнув глазом, повернулся к египетским журналистам:

— Нетто шарж понравился… Даже очень.

Лекция о дружбе и товариществе

В сезоне 1958 года спартаковцы выступили отлично: завоевали золотые медали чемпионата и взяли Кубок СССР. Дубль! Тем не менее годовой отчет в разделе «политико-воспитательная работа» общих восторгов не разделяет. Выводы, прямо сказать, не очень… И это несмотря на усилия таких асов, как лектор профессор Гиппенрейтер, знакомство с культурой Индонезии и почти ликвидированную в коллективе картежную игру!

И по сей день, при чтении документа, у особо нервных товарищей пробегают мурашки.

Вот выдержки из дела № 249, сохранившегося в столичном архиве:

> Политико-воспитательная работа проводилась в форме кружка текущей политики, лекций, общих собраний и бесед, как с командой в целом, так и с отдельными игроками. Коллективно посещались выставки, музеи, театры, кино, осматривались исторические места тех городов, где команда выступала как в Советском Союзе, так и за рубежом. Игроки самостоятельно читали художественную литературу, центральные газеты, спортивные журналы. Отдельные статьи и фельетоны, связанные с вопросами воспитания и нравов, обсуждались на собраниях команды.
>
> Общие собрания команды собирались по принципиальным

вопросам. Таких было 20. Среди них обсуждались: план подготовки к сезону, приказ Комитета о случаях пьянства, фельетон «Звездная болезнь», поведение И. Нетто и С. Сальникова в игре с «Торпедо», проступки М. Огонькова и Б. Татушина, фельетон об Ивакине В., о нетактичном заявлении И. Нетто в адрес судьи после игры с московским «Динамо» и другие.

Занятий по текущей политике проведено 32. К обсуждению привлекались все члены команды.

Было 15 лекций за год. Темы: о дружбе и товариществе (проф. Гиппенрейтер), облик советского человека, мораль советского спортсмена, культура Индонезии, о международном положении, о советской литературе, об истории русского футбола, о химии и другие.

Культурные выступления — 20 за год. Среди них: выступление в клубе университета, просмотр игры СССР — США в баскетбол, выступление на заводе малолитражных автомобилей, выступление в пионерлагере Мосгорисполкома, посещение Русского музея в Ленинграде, выступление в школе-интернате Фрунзенского района, чествование команды в Театре Советской Армии и другое.

Передача опыта заключалась в выездах на периферию — в Мытищи, Тамбов, Горький, Владимир, Подольск, Коломну.

Необходимо указать, что несмотря на всю перечисленную выше политико-воспитательную работу в течение 1958 года в команде мастеров московского «Спартака» имели место 26 мая сего года возмутительные проступки со стороны игроков товарищей Татушина Б. Г. и Огонькова М. П, а затем 16 августа позволил себе дебоширить в пьяном виде товарищ Ивакин В. Г.

Помимо этих нарушений норм общественного поведения и спортивного режима, целый ряд ведущих игроков команды подвергался дисциплинарным взысканиям за нетактичное поведение на поле и грубую игру.

В этом трижды оказывались виновными товарищи Нетто И. А. и Сальников С. С. и по одному разу товарищи Ильин А. М., Солдатов А. В. и Мозер И. И.

Давая оценку политико-воспитательной работе в команде, необходимо указать, что таковая была значительно усилена и улучшена после проступков товарищей Огонькова М. П. и

Татушина Б. Г., когда на помощь руководству команды в деле поднятия дисциплины и организации учебы игроков пришли партийные организации и Всесоюзный Комитет физкультуры и спорта.

Партийная группа в команде состоит из 4-х человек (Н. Старостин, Н. Гуляев, Н. Симонян и Ю. Седов), но своего парторга не имеет.

Членов ВЛКСМ — 11 человек и в ноябре месяце подали заявление с просьбой принять их в ряды комсомола еще 6 человек.

Общие заключения по истекшему году:

Из состава команды выбыли за недопустимый проступок такие ведущие игроки, как защитник М. Огоньков и нападающий Б. Татушин.

В течение 10 дней был исключен из команды вратарь В. Ивакин за дебоширство в пьяном виде.

Отсутствие этих игроков ставило команду в трудное положение, однако совместными усилиями всего коллектива боеспособность и силу команды удалось сохранить. Основным недостатком являлось то обстоятельство, что подавляющее большинство игроков не повышало своего образования и поэтому их общий невысокий культурный уровень приводил к случаям зазнайства и мнениям о незаменимости.

После большой разъяснительной работы удалось изменить многие дурные привычки и нравы, сложившиеся в последние годы в кругу футболистов. В частности, почти ликвидированы: картежная игра, выпивки, курение, праздное времяпровождение в дни и часы, свободные от тренировок, и т. д.

Особого внимания и искоренения заслуживают факты нетактичного поведения на поле таких ведущих футболистов, как Игорь Нетто и Сергей Сальников, трижды в сезоне получавших предупреждения от судей.

Известное улучшение общего состояния политико-воспитательной работы не дает право забыть о необходимости продолжать укреплять дисциплину среди игроков и повышать их самосознание.

*

В 1960 году сборная СССР стала первым обладателем Кубка Европы. Кубок был вручен нашему капитану Игорю Нетто. К тому времени Игорю Александровичу было уже тридцать. Он успел со «Спартаком» завоевать четыре чемпионских титула и два Кубка. На поле он умел всё: и обыграть соперника, и отобрать мяч, и сделать точную передачу, и забить сам, хотя забивал Нетто нечасто. Единственное, что Нетто никогда не делал на поле, так это… длинные передачи.

«В чем его величие как игрока? — рассуждал Никита Симонян. — Нетто был очень техничным футболистом. Техника технике, однако, рознь. Есть жонглеры, которые могут своей работой с мячом поразить воображение неискушенного зрителя. Я же считаю высокотехничным того игрока, который может выйти из любой экстремальной ситуации на поле благодаря умелому обращению с мячом — то ли с помощью обводки, то ли отдав вовремя передачу партнеру, то ли сделав хитрый финт… Нетто как раз и был образцом такого футболиста. У него была, как я называю, спонтанная обводка. Он не готовил ее заранее, а импровизировал в зависимости от обстоятельств, причем свободно мог обойти соперника, уходя как влево, так и вправо. И это ему практически всегда удавалось. И передачи партнерам, в основном короткие и средние, Нетто делал чуть ли не идеально».

В 1962 году сборная СССР не лучшим образом выступила на чемпионате мира. Упустила победу в игре с Колумбией — 4:4, с трудом обыграла Уругвай (в том самом матче, где Игорь Александрович попросил отменить гол, которого не было). А потом наша команда уступила в четвертьфинале хозяевам турнира и отправилась домой. Нетто повезло больше, чем Льву Яшину, — никто персонально не упрекал капитана в неудаче. Но возглавивший сборную страны Константин Бесков не стал вызывать Игоря Александровича в сборную.

Нетто отыграл еще четыре сезона за «Спартак» и в 1966 году завершил карьеру. Вот как описывала этот момент вдова футболиста актриса Ольга Яковлева: «Вечером, когда Игорь приехал со стадиона после прощального матча, он молча лег на диван и отвернулся к стене. Я пыталась его растормошить, говорила, что жизнь еще не кончилась, но он не реагировал. Почти целый месяц, приходя домой, я заставала его лежащим на диване — тихим, безучастным, сонным. Через много-много лет приятели Игоря рассказали, что он не хотел тогда уходить, надеялся поиграть еще. Но его вынудили».

Другая жизнь

Очень сложно было Игорю Александровичу привыкнуть к новой жизни. Никакой должности в «Спартаке» ему не предложили, а быть навязчивым капитан не любил. Не хотят — не надо. Зато пригласили на Кипр тренировать местный клуб «Омония». Так Нетто стал первым советским тренером в небольшой средиземноморской стране. И первым нашим специалистом, которого пригласили работать в профессиональную лигу. Правда, уровень футбола в этой лиге был еще тот.

Роман с «Омонией» оказался недолгим — всего четыре месяца. Клуб неважно выступил в чемпионате Кипра, и руководители стали искать нового тренера. Да и сам Игорь Александрович не горел желанием оставаться в Никосии. Хотелось поработать в «Спартаке». А позвали в ярославский «Шинник», причем вторым тренером. Там Игорь Александрович понял, чем класс «А» отличается от класса «Б». И уровень футбола иной, и мастерство футболистов, и отношение к делу. Нетто, привыкший побеждать со «Спартаком», вдруг окунулся в болото, где всех всё устраивало. Мириться с этим человек, «строивший» Симоняна, Паршина, Ильина, Сальникова, возражавший Гуляеву и даже Старостину, не мог. Иначе бы он перестал быть Нетто.

Потом была административная должность в хоккейном «Спартаке». Хотя это был «Спартак», да и хоккей — не чужой для Нетто вид спорта, всё равно это не то, что хотелось бы. Нетто предложили поработать со сборной Ирана. Отчего же не поработать? Там-то Игорь Александрович столкнулся с неожиданными для себя проблемами. Во-первых, переводчик слабо владел русским языком, а в футболе и вовсе ничего не смыслил. Поэтому Нетто не мог донести до игроков свои установки, не было должного контакта с футболистами. Во-вторых, в дела сборной вмешивались все, кому не лень. Мог приехать представитель шахской семьи — просто так погонять мячик. Тренер об этом узнавал последним. Для Игоря Александровича было полной неожиданностью появление на тренировках солидного господина, который лез всюду и требовал исполнения всех своих капризов. Переполнил же чашу терпения советского тренера такой случай. Сборная Ирана прибыла в Гонконг, с которым у СССР не было дипломатических отношений. О визе никто не позаботился. И Нетто просидел несколько часов в аэропорту, пока дипломаты не добились разрешения на его въезд в британскую колонию.

Отработав в Иране год с небольшим, Нетто вернулся в Москву.

Наконец-то в «Спартаке» вспомнили о своей легенде, предложили должность тренера в спортивной школе. А в 1974 году Николай Гуляев позвал Игоря Нетто на должность второго тренера «красно-белых». Этот год стал самым успешным в тренерской карьере Игоря Александровича. «Спартак» занял второе место, пропустив вперед только киевское «Динамо». Но в следующем сезоне в силу разных причин спартаковцы отступили со второго места на десятое. Оргвыводы последовали незамедлительно. Тренеры Гуляев и Нетто были отправлены в отставку, а начальник команды Николай Старостин — на пенсию. Для «Спартака» это волевое и непродуманное решение московских профсоюзных боссов обернулось падением в первую лигу. Нетто же вновь оказался не у дел.

Работа с греческим «Паниониосом» не принесла Игорю Александровичу ни лавров, ни удовлетворения. Примерно те же проблемы, что и в «Шиннике», — игроки клуба-середняка были довольны своим статусом и не желали перетруждаться. К тому же умерла Юлия Вильгельмовна. Игорь Александрович тяжело переживал потерю матери.

О личном

После возвращения из Греции Нетто уже не работал на высшем уровне. Тренировал мальчишек в спартаковской школе — это он нашел Игоря Шалимова. И конечно же ветеранский футбол. Тут Игорь Александрович был в своей стихии — и на поле выходил, пока позволяло здоровье, и тренировал. Правда, жена Нетто, Ольга Михайловна, мягко говоря, не одобряла участие мужа в ветеранских матчах. Не секрет, что такие игры не всегда идут на пользу здоровью, иногда даже опасны для немолодых людей. Так, во время одного из матчей не выдержало сердце олимпийского чемпиона Николая Тищенко, а через несколько лет в раздевалке умер другой герой Мельбурна, Сергей Сальников.

Пришлось взять паузу. Позднее Игорь Александрович все-таки вернулся в ветеранский футбол. А его брак с актрисой Ольгой Яковлевой к тому времени распался.

Вот так от спортивной жизни Игоря Нетто мы перешли к жизни личной. Игорь Александрович всегда старался произвести впечатление успешного человека, и мало кто догадывался, что на самом деле он одинок и несчастлив. Ибо Нетто никого не посвящал в свои проблемы.

Во время Олимпиады в Мельбурне Игорь влюбился в гимнастку Галину Шамрай. Но она предпочла другого — товарища Нетто по сборной

и «Спартаку» Анатолия Ильина. Того самого, что забил победный мяч в финальном матче. Что никак не отразилось на отношениях двух футболистов. И если на поле Ильину порой доставалось от капитана, то в обычной жизни они были приятелями.

Через некоторое время Игорь встретил другую девушку — Ольгу Чернышеву. Вскоре он сделал ей предложение, и Ольга ответила согласием. Даже был назначен день бракосочетания — 9 января 1958 года. Но свадьбу расстроил отец невесты — высокопоставленный военный не пожелал видеть зятем футболиста. Перечить воле отца Ольга не стала. А через несколько лет вышла замуж за другого футболиста — Игоря Численко.

Игорь очень хотел сыграть свадьбу не в какой-нибудь другой день, а в свой день рождения. И осуществил-таки свою мечту. Правда, благословения матери на этот брак не получил, Юлия Вильгельмовна вообще не пришла на свадьбу. Александра Генриховича к этому времени уже не было в живых. Да и товарищи по команде отговаривали почти тридцатилетнего капитана от женитьбы на восемнадцатилетней девушке.

Избранницей Игоря Нетто стала студентка Щукинского театрального училища Ольга Яковлева — соседка Нетто по лестничной клетке. Точнее, она приехала из Запорожья и снимала квартиру у знаменитой актрисы Зои Федоровой, жившей в том же доме, что и Нетто.

Почему же и мать футболиста, и тренеры невзлюбили невесту? Видимо, почувствовали, что Ольга — человек, не созданный для семейной жизни. Театр для нее был всем. Она осуществила свою мечту — стала выдающейся театральной актрисой. А вот в семье существовали серьезные проблемы. И главная из них — нежелание Ольги Михайловны иметь детей.

Ольга Михайловна вообще не жаловала футбол, была к нему равнодушна. Попытки Игоря Александровича приобщить супругу к своей профессии успеха не возымели — заглянув в раздевалку «Спартака», актриса так скривилась от вида потных, уставших мужиков, украшенных синяками и шрамами, что Нетто пожалел о том, что взял жену на матч. Кроме того, Ольга Михайловна иногда могла разыграть супруга. Например, однажды посоветовала ему вымыть голову с хной перед встречей спартаковского коллектива: волосы стали огненно-рыжими, и Игорю Александровичу пришлось в срочном порядке смывать краску. В другой раз позвонила на ипподром, куда, к неудовольствию жены, любил ходить Игорь, и попросила объявить по радио, чтобы футболист Нетто срочно возвращался домой, где у него якобы случился пожар.

И, конечно же, театр. Ольга Яковлева была ведущей актрисой Театра им. Ленинского комсомола, затем примой Театра на Малой Бронной.

Репетиции, спектакли, гастроли… Она была любимой актрисой режиссера Анатолия Эфроса, который отдавал ей все главные роли. Естественно, в театре были недовольные этим и распространяли про Эфроса и Яковлеву разные слухи и небылицы, которые доходили и до Игоря Нетто. А он, по воспоминаниям знакомых, был весьма ревнив. Масла в огонь подливал и сам Анатолий Васильевич. Он мог при большом стечении народа заявить, что не знает, кто такой Нетто, и что вообще футбол ему не интересен. Мог позвонить Яковлевой в любое время суток, а мог просто явиться к ней домой и начать репетицию за закрытой дверью. Вряд ли это могло понравиться Игорю Александровичу. Но он старался не показывать того, что творилось у него на душе.

В январе 87-го Эфрос скоропостижно умер, и для фаворитки режиссера начались черные дни. Ей перестали предлагать роли, из Театра на Таганке пришлось уйти. Игорь Александрович пытался поддержать супругу, но сделал это, наверное, неловко. Сказал, что театров много и что после ухода из театра жизнь не заканчивается. Привел в пример себя: рассказал, как ему было непросто после завершения выступлений. Ольге Михайловне это не понравилось.

Вот так на ровном месте родился конфликт, приведший к расторжению брака, длившегося 27 лет. Никто из знакомых и родственников так и не узнал, что супруги развелись. Они продолжали жить в одной квартире — правда, Ольга Михайловна на несколько лет уезжала работать во Францию. Лев Александрович Нетто случайно узнал об этом событии в жизни брата, когда оформлял ему визу и увидел штамп в паспорте. Игорю Александровичу пришлось во всем признаться брату.

Игорь Александрович приветствовал перемены, происходившие в стране в конце 1980-х. Он провел три дня возле Белого дома в августе 1991-го, но в новую жизнь, как и многие из его поколения, не вписался.

Болезнь

Однажды Игорь Александрович пришел на футбол и не был пропущен охранником, увидевшим, что пропуск его просрочен. Фамилия Нетто охраннику ничего не говорила. Об этой истории случайно узнал Никита Павлович Симонян, капитану сделали новый пропуск. Но всё это были мелочи по сравнению с тем, что приключилось с Игорем Нетто в лихие девяностые.

Игорь Александрович заболел — стал терять память. В медицине это

называется болезнью Альцгеймера. Нетто мог забыть ключи, забыть закрыть дверь, забыть выключить воду. То, что было давно, он помнил в деталях, а вот то, что случилось утром, — не всегда. Лев Александрович не сразу заметил эту перемену в младшем брате. Однажды во время средиземноморского круиза Игорь Александрович вдруг захотел навестить мать, узнать о ее самочувствии. Лев Александрович тщетно пытался объяснить, что Юлия Вильгельмовна умерла 26 лет назад. Лишь фотография с похорон смогла убедить Игоря Нетто, что матери больше нет.

Болезнь прогрессировала. Сильный, еще не старый человек на глазах превращался в беззащитного ребенка. Ольга Михайловна отказалась ухаживать за бывшим мужем. Игорь Александрович перебрался к брату. В трехкомнатной квартире проживало шесть человек. Узнав о тяжелом положении капитана, Никита Симонян, Анатолий Исаев, Алексей Парамонов сумели пробить для Игоря Александровича квартиру в Бескудникове. Российский футбольный союз выделил деньги на сиделку.

В марте 1999 года у Нетто случился инсульт. Игорь Александрович больше месяца пролежал в Боткинской больнице. Но лучше не становилось. 30 марта Игоря Александровича не стало. Ему было 69 лет.

Конечно, про смерть великого футболиста узнали все. На прощании присутствовали и Ольга Чернышева, на которой когда-то чуть не женился Нетто, и Ольга Яковлева, и чиновники от спорта. Игоря Нетто похоронили на Ваганьковском кладбище, недалеко от Льва Яшина и Эдуарда Стрельцова. Небольшой спартаковский стадион в Москве на Преображенке назван его именем.

ВАЛЕНТИН ИВАНОВ

Как-то в беседе он вдруг высказался на совсем иную, но, видно, волновавшую его тему:

— Да, «Торпедо» — странная судьба… Вот, смотри, «Спартак», значит, народная команда. Пускай… ЦСКА — армейская. «Динамо» — понятно, «Локомотив» — железнодорожная. А мы? Мы, выходит, рабочая, заводская. И что делать, если завод, рабочие оказались вдруг никому не нужны? Что делать прикажешь? Ладно… Давай следующий вопрос.

А в другой раз вдруг сообщил, так, между прочим:

— Нет, не думаю, что мы когда-то были так уж сильнее иностранных команд. Особенно по части техники, тактики… Просто всегда выходили, как на бой с ними. Да и здоровье у людей было — не чета нынешним. Опять же — мы любили футбол иначе. А проигрывать — не любили. В кровь расшибись, а не проиграй! Для нынешних это непонятно. Но и сравнивать современный футбол с прежним — пустое. Скорости были не те, что нынче, свобода не та. Но важно, знаешь ли, своему времени соответствовать. Вот мы соответствовали тому времени, тому уровню, а некоторые — Яшин, Стрельцов — его превосходили. А из нынешних… Кого вспомнят? Что они выиграли?..

*

Самый торпедовский торпедовец. Эту характеристику дал Валентину Иванову Константин Бесков, который хорошо знал Валентина Козьмича и по работе в клубе, и по сборной страны. Действительно, почти вся жизнь Иванова прошла в «Торпедо». Равно как и почти все успехи автозаводцев связаны с именем этого выдающегося футболиста, а впоследствии и знаменитого тренера. Да и сборная СССР с Ивановым блистала. В 1956 году Валентин Иванов был среди тех, кто выиграл олимпийское золото Мельбурна, а четыре года спустя он в составе сборной СССР стал победителем первого Кубка Европы.

На поле Валентин Иванов был виртуозом своего дела — он обладал превосходной техникой, мощным ударом с обеих ног, безупречным видением поля, а главное, в игре он всё делал очень своевременно. Знал, когда обвести, когда ударить, а когда отдать передачу. Тренер Иванов

зарекомендовал себя как требовательный и настойчивый специалист, умевший добиваться результата и находить в игроках скрытые возможности.

Любопытно, но один из самых выдающихся нападающих нашего футбола начинал… в воротах. В дворовой команде, куда Валентина привели старшие братья Владимир и Николай, нужен был вратарь. Вот и поставили в ворота самого младшего. Валя возьми да отбей пенальти. С тех пор его долго ставили в ворота, хотя мальчику хотелось играть впереди, забивать голы. И со временем он оставил опостылевший пост номер один и перебрался поближе к чужим воротам.

ЦИАМ — ЗИС

«Только в четырнадцать лет я закрепился в нападении. Чувствовал себя очень счастливым. Стал мечтать о настоящей команде, где все играют в одинаковых футболках, где игрокам выдают бутсы, где матчи судит настоящий судья. Мои приятели ходили записываться в такие команды, и кое-кого, даже таких, кто в нашей дворовой „табели о рангах“ стоял ступенькой ниже меня, принимали. Мне же никак не удавалось выбрать удачный момент. Дело в том, что летом — хочешь не хочешь — надо было ехать в пионерский лагерь. Без этих ежегодных моих поездок матери трудно было бы свести концы с концами в довольно скудном бюджете нашей большой семьи. А для того, чтобы попасть в настоящую команду, надо было оставаться летом в Москве».

Валентин Иванов — коренной москвич. Родился 19 ноября 1934 года в семье рабочего, выходца с Орловщины. Был четвертым, самым младшим ребенком в семье. Любопытно, но Козьмичом Валентин стал случайно, благодаря ошибке работницы загса; два старших брата носили более традиционное и правильное в этом случае отчество Кузьмич. Осенью 41-го отца, как ценного специалиста, эвакуировали с заводом в Куйбышев, а семья осталась в осажденной столице. Кузьма Иванов больше не вернулся в семью, и Валентин Козьмич этой деликатной темы никогда не касался. Не будем касаться и мы. Но семье пришлось нелегко в послевоенные годы. Старшие братья и сестра так и не смогли закончить семилетку, с юных лет пришлось идти работать. И Валентин после седьмого класса устроился на завод имени Баранова, где трудились Владимир и Николай Ивановы.

«Зато, окончив семилетку, я оказался игроком сразу трех команд: нашей дворовой, команды Центрального института авиационного

моторостроения им. Баранова и первой юношеской команды „Крылья Советов“. В ЦИАМ я пришел по стопам братьев — Володя работал там слесарем-сборщиком, Коля — модельщиком. Явился я туда на другой день после получения паспорта и тоже стал учиться на сборщика. В „Крылья Советов“ (их стадион находится и сейчас в том же Мееровском проезде) меня привел кто-то из ребят.

Моим первым тренером стал Виктор Сергеевич Бушуев. Он не имел больших теоретических познаний в футболе, как и его коллеги с других стадионов, не был знаком с научной методикой тренировок. Он просто очень любил свое дело, любил нас, ребят, любил футбол, в который играл всю жизнь. Мы тогда были уверены, что он и живет на „Крылышках“ — он там дневал и ночевал, там его можно было застать в любое время. Он сам чинил мячи, сам смотрел за полем, сам выдавал нам бутсы, сам утрясал дела с нашим календарем, сам договаривался об играх с другими командами. Мы были за ним как за каменной стеной. Он заботился о том, чтобы мы могли играть и тренироваться сколько душе угодно. И „Крылышки“ выпускали в большой спорт футболистов и хоккеистов. Среди них Севидов, братья Котовы, Кучевский, Прилепский, Грошев и еще множество известных мастеров».

Первая юношеская команда «Крыльев Советов» участвовала в первенстве Москвы. Во время поединка со сверстниками из «Спартака» юный нападающий приглянулся тренеру «Торпедо», в прошлом известному футболисту Георгию Ивановичу Жаркову. А потом тренер «Крыльев» Николай Архаров сообщил Валентину, чтобы тот связался с другим торпедовским тренером Николаем Котовым. И в декабре 1952-го Иванова позвали на просмотр в «Торпедо».

Автозаводцы пригласили тогда группу молодых игроков и отправили всех на сбор в Сухуми. Иванов понравился тренерам и в первый день нового, 1953 года был зачислен в команду, с которой будет связана вся его жизнь. Параллельно с зачислением в «Торпедо» состоялся перевод Валентина на ЗИС. И на первый сбор «Торпедо» Иванов отправился будучи рабочим автозавода.

Валентин дебютировал даже раньше, чем планировал, — уже в начале чемпионата. Автозаводцы потеряли двух ведущих нападающих, и тренеру Виктору Маслову не оставалось ничего иного, как бросить в бой восемнадцатилетнего Иванова, сыгравшего лишь матч за дубль. Первый выход пришелся на игру с вильнюсским «Спартаком». «Торпедо» потерпело поражение 1:3. Валентин ничем не выделялся, но и в следующей встрече вышел на поле с первых минут. И дальше Маслов выпускал

Иванова на поле.

Был момент, когда Валентин ненадолго потерял место в основе — во второй половине чемпионата 1953 года, когда Виктора Маслова сменил Николай Морозов. Но вскоре и новый тренер разглядел талант в молодом футболисте. И с тех пор Валентин Козьмич играл всегда, если не был травмирован. В первом же своем сезоне он завоевал бронзовую награду.

В 19 лет Валентин Иванов — важный игрок основы. А в двадцать он получил приглашение в сборную СССР и принял участие в турне по Индии. Валентину очень хотелось сыграть в товарищеском матче с чемпионами мира — сборной ФРГ. Но обстоятельства сложились так, что пришлось слушать радиорепортаж на больничной койке. За две недели до матча Валентин повредил колено. Прямо с игры с ЦДКА он был доставлен в ЦИТО.

Повреждение мениска. Потребовалась операция. Техника в то время была далека от совершенства, и место повреждения было определено ошибочно — разрез был сделан с внешней, а не с внутренней стороны колена. Операция затянулась на три с лишним часа, действие наркоза стало заканчиваться. Колено так и не восстановило свою полную подвижность. Почти полгода Иванову пришлось ходить с палочкой. Грустно, конечно, но Валентин утешал себя тем, что он еще легко отделался. Немало футболистов завершали карьеру после таких травм с осложнениями.

«Но ни в дни неудач, ни в часы успеха я ничем не мог помочь своей команде. Обо мне заботились, меня навещали, мне помогали, меня лечили. А мне нечем было за все это отплатить. Торпедовцы приезжали на стадион из Мячкова, я — из дому. После матча в раздевалке ребята обсуждали перипетии игры, сидели усталые, стаскивали с себя потные футболки, расшнуровывали бутсы, выглядели так, как выглядят люди, заслужившие после тяжкого труда свой отдых. И мне так хотелось чувствовать то же, что и они, даже если мы проиграли. Чувствовать эту огромную усталость, ощутить мягкий ковер под натруженными босыми подошвами, которые еще горят, только освобожденные от крепко зашнурованных бутсов. Ощутить теплую струйку душа, смывающего соленый липкий пот. Но главное — ощутить себя причастным к тому, что происходило сейчас на поле и происходит здесь, в раздевалке… Вы легко поверите, если я признаюсь, что все это время, а в дни матчей особенно, меня посещали невеселые мысли. Я стоял со своей палочкой на негнущейся ноге у подножия той вершины, на которой находился совсем недавно и взобраться на которую мечтает каждый футболист. Я проделал этот путь быстро, быстрее многих. Я был на вершине в 21 год. И вот — снова внизу. И кто знает, взойду ли когда-нибудь

еще раз».

В 1956 году завершил выступления капитан автозаводцев Агустин Гомес, и капитанская повязка перешла к 21-летнему Валентину Иванову. В то же время образовалась связка Иванов — Стрельцов. Валентин и Эдуард очень быстро нашли общий язык на поле — они понимали друг друга с полуслова. Не случайно Гавриил Качалин взял обоих торпедовцев на Олимпиаду в Мельбурн.

Сборная СССР вернулась из Австралии с золотыми медалями. Но ни Иванова, ни Стрельцова в числе награжденных не оказалось, ибо, согласно действовавшему в ту пору регламенту, медали вручались только участникам финальной встречи. В финале же ни тот ни другой не играли. В полуфинале с Болгарией Валентин получил сильный удар по ранее травмированной ноге. Доиграть встречу — а замены тогда были запрещены — Иванов сумел, но рассчитывать на него в финале Гавриил Качалин не мог.

Там же, в Мельбурне, Валентин познакомился с олимпийской чемпионкой гимнасткой Лидией Калининой. Через три года они сыграли свадьбу. На следующих Олимпийских играх, в Риме, Лидия Гавриловна побеждала уже под фамилией Иванова.

Связка Иванов — Стрельцов могла стать сильнейшей не только у нас в стране, но и в мире. Гавриил Алексеевич возлагал на торпедовцев большие надежды и наигрывал их к чемпионату мира 1958 года. Но Эдуарду не довелось принять в нем участие. Валентину Козьмичу приходилось играть, что называется, за себя и за того парня. В 1960 году сборная СССР стала первой в истории победительницей чемпионата (Кубка) Европы. Валентин Иванов участвовал в обоих матчах финального турнира и забил два мяча в ворота сборной Чехословакии.

Слово Андрея Старостина

Но в перерыве между чемпионатом мира 1958 года и Кубком Европы карьера Иванова оказалась под угрозой. В 1958-м сборная СССР крупно проиграла англичанам 0:5. И хотя матч был товарищеским, «разбор полетов» предстоял нешуточный. Нашли и трех главных виновников разгрома, среди которых оказался и Валентин Иванов.

«В чем только нас не обвиняли! Без всякого преувеличения, во всех смертных грехах. И трусы мы, и плохие патриоты, и бездельники, и эгоисты. И никто не вспомнил, что в биографии каждого из нас не только

ужасные проигрыши, но и победы, и призы, и неплохо проведенные игры.

…Наконец, встает председательствующий на этом заседании, резюмирует всё сказанное и предлагает проект постановления. Смысл таков: выступление команды признать неудовлетворительным, а трех главных виновников поражения дисквалифицировать и лишить их звания заслуженного мастера спорта. Кто же эти три негодяя? Первый — Никита Симонян, поскольку является капитаном команды, второй — Борис Кузнецов, из-за которого назначен в наши ворота одиннадцатиметровый удар, третий — Валентин Иванов, „не поднявший ногу“, что привело к голу (не помню, то ли третьему, то ли четвертому).

Мы понимали: через минуту все дружно поднимут руки, и — конец, прощай, футбол…

Так, вероятно, всё и было бы, если б в последний момент не раздался голос с места: „Прошу слова“. Это был Андрей Петрович Старостин. Не могу привести его выступление дословно — слишком много лет прошло, но говорил он так, как умеет говорить только Старостин — ярко, убедительно и логично, не оставляя своим оппонентам никаких шансов. Смысл его речи был примерно таков: неужели поражение, даже разгромное, может ослепить взрослых, разумных людей? Да, сыграли плохо, получили серьезный урок на будущее. Однако все мы достаточно знаем и Симоняна, и Иванова, и Кузнецова, общеизвестны их заслуги, их отношение к футболу вообще и к своим обязанностям в сборной в частности. И если даже в одном каком-то, пусть ответственном, матче они сыграли плохо, то такое может случиться с кем угодно…

Старостин сел, и мы почувствовали, что атмосфера в зале изменилась. Всем будто стало стыдно за свое недавнее поведение, за свое стремление во что бы то ни стало найти и принести жертву. Собрание свернуло с накатанной дороги, по которой катилось только что. В конце концов, выступление сборной признали неудовлетворительным, но вину между игроками делить не стали. На том и разошлись… (Кстати, через пару дней подоспела из Англии и кинопленка, которая полностью реабилитировала трех „злоумышленников“ в глазах самых ярых обвинителей.)».

…В финальном турнире первого Кубка Европы участвовали четыре команды. Турнир это был во многом экспериментальный, что никак не должно принижать ценности победы. В полуфинале сборная СССР играла с командой Чехословакии и одержала блестящую победу со счетом 3:0. В той игре Валентин Козьмич забил самый памятный из своих ста пятидесяти голов.

«Это был третий гол в матче с Чехословакией. И ничего он уже не

решал — шел второй тайм, и мы вели в счете. Я получил мяч в середине поля, сразу обошел кого-то из чехословацких игроков и пошел вперед вдоль правого края. На пути к лицевой линии я обвел крайнего защитника и повел мяч дальше. Я думал только об одном: продвинуться поближе к воротам и „прострелить“ в штрафную площадь, куда уже мчались остальные нападающие. Я добежал почти до границы поля и повернул налево, к воротам. Навстречу мне ринулся центральный защитник. Надо „простреливать“. Но чувствую — силы еще есть. „Эх, — думаю, — пан или пропал!“ Протолкнул мяч мимо защитника, который остался позади. Теперь мяч между мной и вратарем, и мы оба торопимся к мячу. Кто первый? Я успел чуть раньше. Позади и вратарь, а я с мячом в штрафной площадке, метрах в десяти от ворот, а в воротах уже три защитника. Я сразу заметил, что они прикрыли углы, и пробил в самую середину. Мяч влетел в сетку на уровне метров полутора от земли… Так запомнил этот эпизод я, а кто-то из ребят клялся мне потом, что обвел я по дороге к воротам даже не четверых, а целых пять игроков. Но пусть будет четыре. Это тоже неплохо. Никогда в жизни мне больше не довелось испытать такого восторга, такой радости от одного мига».

Белое и черное

Начало шестидесятых — время расцвета московского «Торпедо». Вернувшийся на тренерский пост Виктор Маслов создал блестящую команду, и Валентин Иванов был ее примой. В 1960 году автозаводцы сначала выиграли Кубок СССР, а потом впервые в истории стали чемпионами страны. В 1961 году торпедовцы заняли второе место, и руководство ЗИЛа расценило этот результат как неудачный.

«Мой пост был в самой гуще борьбы — в районе штрафной площади. Это трудней, рискованней, здесь больше шансов потерять мяч или ошибиться при передаче — и меня, и партнеров здесь охраняет много сторожей и держат нас особенно плотно. Но зато, если уж удастся осуществить свой замысел, — противнику плохо: тот, кому отдал я мяч, находится у самых ворот. Да и я тут как тут, сам могу забить. Словом, я был не настоящим инсайдом, а вторым центральным нападающим. Я был и разыгрывающим, и завершающим атаки. Не случайно ведь почти после каждого сезона я оказывался в числе наиболее результативных игроков… Победа „Торпедо“ на всесоюзной арене не была случайностью — ее подготовили все предшествующие годы. Просто наступил момент, когда

количество перешло в качество».

Сезон-62 оказался неудачным для автозаводцев — сказалась отставка Виктора Маслова. Но Валентин Иванов по-прежнему много забивал, был лидером не только «Торпедо», но и сборной СССР. На чемпионате мира в Чили он с четырьмя голами стал самым результативным в нашей команде. Правда, самому Валентину Козьмичу то мировое первенство удовлетворения не принесло, ибо советская команда обидно проиграла чилийцам в одной четвертой финала. Гавриила Качалина сняли, а сборную возглавил Константин Иванович Бесков, хорошо знакомый Иванову по совместной работе в «Торпедо» в 1956 году.

Год 64-й стал для Валентина Козьмича дважды серебряным. Сначала наша сборная заняла второе место на Кубке Европы — проигрыш в финале испанцам был расценен как крупная неудача. В чемпионате СССР автозаводцы стали вторыми, уступив в переигровке тбилисским динамовцам. В решающей встрече, проходившей в Ташкенте, торпедовцы вели со счетом 1:0. Но Валентин Иванов получил повреждение и был заменен. В итоге «Динамо» победило 4:1.

Это серебро (между прочим, очень высокой пробы) Валентин воспринял как личную неудачу. Ведь могло не быть ни той злосчастной переигровки, ни травмы, забей Иванов пенальти в матче последнего тура. Выиграй «Торпедо» в Киеве, и автозаводцы — чемпионы. Но удар Валентина Иванова, одного из сильнейших пенальтистов той эпохи, отразил киевский вратарь Виктор Банников.

В 65-м разрешили играть за родное «Торпедо» Эдуарду Стрельцову. Старые приятели по-прежнему блестяще — словно не было паузы в шесть лет — взаимодействовали на поле. Во многом присутствие Иванова помогло Эдуарду Анатольевичу снова найти себя в большом футболе. И не просто найти, а выиграть чемпионат страны 1965 года и дважды стать лучшим футболистом СССР.

Но долго поиграть вместе им не довелось, ибо в 1967 году (а фактически, даже в 1966-м) 31-летний Иванов закончил карьеру игрока, явно недоиграв отпущенный ему срок. «Тренер „Торпедо“ Виктор Марьенко стал осторожно и ненавязчиво, но всё чаще и чаще заводить со мной разговор о том, что надо уже мне подумывать о переходе на тренерскую работу и что ему, Марьенко, не нужен был бы в этом случае лучший помощник, чем я.

Не знаю, как сложилось бы все в дальнейшем, окажись на моем месте человек с яшинским характером. Но никто, кроме меня, на моем месте оказаться не мог — жизнь не игра, и дублера тут не попросишь. А я

мучился, колебался, раздваивался, терзался сомнениями. И это накладывало явственный отпечаток на мою игру. Я стал играть со срывами. То, что еще недавно давалось легко и просто, теперь, под враждебными, как я считал, взглядами тренеров, перестало получаться. Исчезла такая необходимая футболисту, — во всяком случае, с такими психическими данными, как у меня, — уверенность в себе. И тут… И тут у меня появился еще один противник. Пожалуй, самый мощный, последовательный и непримиримый. Против меня восстали трибуны. На каждой игре я подвергался теперь обструкции зрителей. Меня освистывали. Мне кричали: „Балерина!“, „Пора на пенсию!“, „И-ва-но-ва с поля!“ И эти крики пригибали меня к земле, давили на плечи, наливали свинцом тело. Я готов был провалиться сквозь землю. И одновременно меня обуревало желание доказать всем, что я тот же, каким был всегда, каким был всего год назад. Я старался играть безошибочно и, конечно, переигрывал.

Я задержался в футболе еще на сезон. Но выходил на поле без настроения и — впервые за четырнадцать лет, прожитых в большом футболе, — радовался, когда не находил своего имени в списке основного состава на ближайшую игру. Никогда не забыть мне проводов, которые устроил мне стадион, мои друзья и тренеры. Круг почета вдоль трибун Большой арены Лужников я проделал на плечах моих товарищей. Публика устроила мне щедрую овацию, и впервые за эти полтора года я не услышал при упоминании своего имени ни одного свистка. Меня осыпали подарками, приветствиями, адресами. В тот день я снова чувствовал себя счастливым».

Невидимая граница

Валентин Иванов ушел в августе 1967-го. А в сентябре стал старшим тренером «Торпедо». Неожиданно для всех, в том числе и для самого себя. Валентина Козьмича вызвали в партком ЗИЛа и предложили возглавить команду. И как быть? Он отказался. Все-таки огромная ответственность, да и отношения со вчерашними партнерами нужно было выстраивать заново.

«Между игроками и тренером должна лежать некая невидимая граница во взаимоотношениях, без этого тренеру успеха не добиться. А как ее воздвигнешь, эту границу, если еще вчера нынешние твои воспитанники были тебе партнерами? Сегодня ты не в праве прощать им слабости, которые раньше тебя не касались и которыми, вполне возможно, грешил ты сам. Сегодня ты обязан предъявлять к своим товарищам суровые

требования, которые и сам не всегда выполнял, о чем они прекрасно знали. Еще вчера для одних я был „Валей“, для некоторых „Валькой“, а завтра для всех должен был стать „Валентином Козьмичем“. Я уже не говорю о человеческой зрелости и опытности, которой должен обладать тот, кто берет на себя роль воспитателя взрослых людей».

Но друзья, среди которых были и Эдуард Стрельцов, и Валерий Воронин, и Виктор Шустиков, поддержали молодого тренера. «Тренируй, Козьмич, мы поможем. Можешь на нас рассчитывать. Мы будем тебе опорой». И Валентин Козьмич согласился. Под руководством тренера Иванова «Торпедо» завершило чемпионат на двенадцатом месте. Неудача, конечно, но не будем забывать, что к сезону команду готовил Виктор Марьенко, а бóльшую часть первенства автозаводцев тренировал Николай Морозов. Фактически дебютом тренера Валентина Иванова был сезон-68.

И этот дебют стоит признать более чем успешным. «Торпедо» выиграло Кубок СССР, а затем заняло третье место в первенстве страны. И это при том, что серьезно пострадал в автокатастрофе Валерий Воронин, редко выходили на поле Владимир Бреднев и Владимир Щербаков. Но хорош был Эдуард Стрельцов, сдержавший свое слово и ставший опорой для друга. По-прежнему надежен был Виктор Шустиков, взошла звезда Михаила Гершковича. Иванов же смог быстро убить в себе игрока и перейти в иную ипостась — тренерскую.

Но то, что работа тренера — это не только радость, Валентин Иванов понял довольно скоро. Сошли Стрельцов, Воронин, позже и Шустиков, ушел в «Спартак» Анзор Кавазашвили — Валентин Козьмич долго обижался на вратаря. «Торпедо» постепенно увядало; росло недовольство и зрителей, и руководства ЗИЛа. Первые кричали с трибун — «Козьмич, выходи сам!», а в 1972 году самому Валентину Козьмичу предложили подучиться у Виктора Маслова. «Дед» выиграл с автозаводцами Кубок страны, но через год «Торпедо» рухнуло. Пришлось снова вызывать Иванова, закончившего к тому времени Смоленский институт физкультуры. И снова начались тяжелые будни.

Теперь в «Торпедо» уже не было самородков наподобие Эдуарда Стрельцова, Валерия Воронина или самого Валентина Иванова. Валентину Козьмичу приходилось выжимать максимум из добротных, старательных, но не выдающихся игроков. И порой удавалось прыгнуть выше головы. Так, например, в осеннем чемпионате СССР 1976 года «Торпедо» выиграло золотые медали. Как оказалось, в последний (на сегодняшний день) раз. Через несколько лет Иванова сняли. А потом вернули, когда автозаводцы с трудом удержались в высшей лиге.

«Торпедо» восьмидесятых годов — это авторский проект Валентина Иванова. Его команда так и не смогла добиться больших успехов — Кубок 1986 года, бронза 1988-го да пара кубковых финалов. Но ведь и середняком «Торпедо» не было. Все время автозаводцы были около призовой тройки, и это при жесткой конкуренции в чемпионатах СССР. Но главное — «Торпедо» Иванова имело свое лицо и достойно представляло наш футбол в еврокубках. За Валентином Козьмичом закрепилась слава жесткого, авторитарного, требовательного тренера. «Суров, но справедлив» — это про него. Но игроки от Иванова не бежали, наоборот, с удовольствием шли к нему. Причем и именитые. Где оказался Леонид Буряк, ставший ненужным Валерию Лобановскому? А еще раньше Виктор Банников? В «Торпедо». Валентин Козьмич доверял молодым, бросал в бой совсем зеленых Юрия и Николая Савичевых, Дмитрия Харина, Дмитрия Чугунова, Сергея Муштруева, Игоря Чугайнова, Юрия Тишкова. Стоит ли говорить, что почти все они стали известными игроками, а Юрий Савичев и Дмитрий Харин выиграли в Сеуле золотые олимпийские медали?!

В 1991 году, в последнем, как оказалось, чемпионате СССР, торпедовцы стали третьими вслед за ЦСКА и «Спартаком». В финале Кубка автозаводцы в драматической борьбе уступили армейцам. В команде появилась очень способная молодежь, многих из которых Валентин Козьмич знал с детсадовского возраста. И как было горько тренеру, когда эти парни, а в их числе и сын Виктора Шустикова Сергей, подняли бунт против излишне авторитарного тренера. Валентину Козьмичу вновь пришлось уйти.

Битая карта

Рядовой, в общем-то, сентябрьский кубковый матч 1991 года «Крылья Советов» — «Торпедо» в Самаре получил неожиданное продолжение уже за пределами поля. Ультиматум московских игроков: «Или мы — или Иванов!» — привел к вынужденному отпуску, а затем и отставке главного тренера.

Одному из авторов этой книги довелось оказаться в гуще событий той демократической вольницы, не виданной прежде в нашем футболе. Вот фрагмент из интервью с Валентином Козьмичем, напечатанного в еженедельнике «Футбол» в январе 1992 года.

— Особой любовью футболистов я никогда не пользовался. Ни раньше, ни теперь. Да оно и понятно. Кто тренировочный процесс ведет?

Я. Воспитательной работой кто на деле занимается? Опять же я. Нет меня, бывало, в команде (уехал там или приболел) — оставляю начальнику и второму тренеру указания, как проводить тренировки. Игроки им сразу: тяжело. Давайте полегче что-нибудь… Ну, те и согласятся. Возвращаюсь и сразу вижу: команда не в том состоянии. Ясно. Чтобы мою программу выполнять, надо идти на конфликт с футболистами. Заставлять их трудиться. А можно повести себя по-другому — уступить, не заметить, например, как в самолете выпивают. И вся любовь — они в глазах игроков вроде бы хорошие, а я плохой…

— Значит, в основе конфликта…

— В основе конфликта, в основе конфликта… Мое кредо — дисциплина. Бытовая, игровая. Во всем. Это многим не нравилось. А между тем, когда при мне «Торпедо» опускалось ниже шестого места? Только раз, по-моему. Да, я бываю не сдержан. Выхожу из себя. Но что думаю — говорю в лицо. Интриг не затеваю. У меня почти двадцать четыре года тренерской работы за плечами — так приводите конкретные примеры моих ошибок. Но ведь ничего! Плохой, говорят, Иванов и всё.

— Валентин Козьмич, но ведь они, футболисты, все как один против вас. Вины своей не чувствуете?

— В чем вина-то? Мне еще Качалин с Гуляевым внушили: порядок бьет класс. Тысячи примеров тому есть. «Крылышки» как играли когда-то? А ростовский СКА? А «Локомотив»? За счет дисциплины и порядка брали. Ваш брат-журналист иногда любит поудивляться — как так, у команды игра вдруг пропала? А всё очень просто: игроки держали себя вначале, режимили, к каждой игре готовились, на тренировке выкладывались, а затем стали себе поблажки давать… Один игрок, второй, третий. А футбол — игра коллективная, характерные издержки имеет. Иной так и думает: «Ладно, сегодня я не очень готов, ребята отыграют, зато уж в следующий раз…» А в следующий раз другие сорвались. Вот и пропадает у команды игра. Хотя, бывает, стараются на поле, по-прежнему из кожи вон, но мяч-то не обманешь. Да и меня тоже трудно обмануть — повидал всякое.

Сейчас в «Торпедо» играют люди со способностями, попадаются среди них и игроки с ма-а-аленьким талантом. Можно эти способности увеличить, сохранить хотя бы? Можно. Если силенки есть да плюс хорошее отношение к делу. Был вот в нашем футболе Заваров. Игрок по-своему талантливый. Ну, хорошо, взял его вовремя в руки Лобановский. Заставил работать, как следует, и Заваров два-три сезона показывал, на что способен. Но перешел он в «Ювентус». А там у них не принято держать рядом с игроками «человека с палкой» — и поплыл Заваров. Пропал. Другой

пример — Юрин. Способности вроде бы средние, но настоящий профессионал: он, если забудет в четыре часа яблочко съесть, так ему жена напомнит! Режим для него — святое дело. В «Торпедо» у меня Юрин видным игроком стал, капитаном команды. А когда вторым тренером стал, с ребят строго спрашивал. И что же… 90 процентов его не поняло. Петраков, помню, заявлял: «Или я, или Юрин!» Но теперь такие футболисты, как Юрин, редко встречаются. Еще реже те, у кого и талант есть, и отношение к делу хорошее. Вот разве что Тишков. Так его, сколько замечал, остальные на расстоянии держат. Не пьет с ними…

— Что же они все — пьяницы, что ли?

— Да нет, не поняли вы. Я сам играл, знаю, футболист — живой человек, надо ему расслабиться. Я, бывало, говорю игрокам: «Ребята, скоро перерыв десять дней, отдохните. Но к такому-то числу будьте готовы». А они, молодые особенно, меры не знают. Не понимают. Не хотят понимать, что сами себя, как игроков, этим губят. Да иные тренеры тоже хороши: Шустикова отчисляют из олимпийской сборной за нарушение режима. А на следующий матч снова зовут. Воспитатели! Или Афанасьева взять. До отъезда Полукарова была конкуренция в защите, он и старался. А осталось их трое — хорошо играет через раз. Почему? Да всё потому же. Агашков, Гришин, когда пришли — хорошо играли? Хорошо. А потом началось… Ну, с Гришиным я не зря ссорился, в этом сезоне он себя показал, наконец. Во многих матчах был лучшим. Во многих. А должен бы во всех! Понимаете?

— Вот вы всё о дисциплине. А футболисты, с которыми пришлось беседовать, заявляют, что они вам не верят…

— Не верят? В чем не верят? Не понимаю. Пусть придут. Прямо скажут. В чем их недоверие заключается. Я тоже разговаривал с некоторыми. Спрашиваю того же Агашкова: «Ну что, без Иванова лучше? Дисциплина в порядке? На тренировках больше стараетесь?» Мнется: «Да нет… Бывают нарушения дисциплины. Даже побольше их стало». — «Обстановка улучшилась в команде?» — «Да нет, не особенно».

Жукова я выгнал за пьянство — вернули его. И что? Сейчас отчислили во второй раз. Гришина за трусость на поле сколько раз ругал? Так он, Гришин, как здорово со «Спартаком» сыграл! А во Владикавказе снова стал убирать ножки, «липачил». Его ребята сами заменить попросили, потому и против «Сигмы» (в Кубке УЕФА) не поставили. Игроки не поставили. Не Скоморохов. А Сарычев… Да нет, не будем о нем… Валера ведь еще недавно с моим сыном дружил. Теперь тоже обиженным улетает.

— Выходит, у вас в команде ни одного единомышленника не было?

— Как это не было?! А как же я тогда с ними за пять лет трижды в финал Кубка выходил?

Теперь, по прошествии времени, многое узнаешь. С возвращением Чугайнова из «Локомотива» эти превращения начались. Хотя я его часто в пример другим ставил. Нарушать режим он нарушал, но зато на совесть в игре отрабатывал.

Вот вы о недоверии говорили. А когда я футболиста, который готов был прилично сыграть, на матч не поставил? Они репрессий страшились? Разве я отчислял из команды хорошо играющего, пусть он даже со мной конфликтовал? Игра — вот показатель. А не перешептывание по углам…

— А если бы Полукаров оставался в команде?

— Может, и не было бы ничего. Его слово многое значило. В одном, признаться, я нынешним ветеранам благодарен — хоть Филатова из «Локомотива» в тренеры не призвали. И на том спасибо.

— Как-то вы говорили, что ваша лучшая команда еще впереди…

— Говорил. Не отрицаю. А сколько раз я этих ребят молодых собирал и что им говорил, спрашивали? Спросите: у Тишкова, Шустикова, Ульянова, Арефьева, Чельцова, Кузьмичева. Спросите обязательно. Лет через пять эта команда могла бы очень приличный результат показать.

Я знаете, не люблю проигрывать. Во что бы ни играл, всегда стремлюсь победить. А здесь проиграл. Поставил на карту, которая давно была битой…

Но это мы все задним умом крепки. Я за свои слова и дела привык отвечать и всю жизнь ответ держал. А вот с них, ни с молодых, ни с опытных, ни с кого — уверен, не спросится. Может, потому, что время теперь другое? Хотя, по-моему, к предателям во все времена одинаково относились.

— Не вернетесь, Валентин Козьмич?

— Вряд ли. Гордость моя человеческая задета…

…Следующий сезон, первый российский, «Торпедо» провалило, не попав даже в десятку. В последнем же чемпионате СССР, на ивановских «дрожжах», сумело занять почетное третье место.

В «Торпедо» Иванов, конечно, вернулся… Тренерство в Марокко, роман с «Асмаралом» были недолгими… В 1995 году его последняя торпедовская команда с капитаном Сергеем Шустиковым во главе заняла пятое место в чемпионате России. Это был приличный результат. Но то была лебединая песня старого «Торпедо», вечный хозяин которого ЗИЛ больше не мог содержать команду. С 1996 года началась новая история

клуба, и преобладали в ней, увы, не белые, а черные тона. Козьмич оказался в центре торпедовского раздрая, разделения торпедовского лагеря на части, и эта ноша была для него особенно тяжела.

*

В 70 лет Валентин Козьмич ушел из футбола. Пока позволяло здоровье, ходил на матчи, огорчался за свое родное «Торпедо», угасавшее на глазах. А потом Валентина Козьмича свалил тяжелый недуг — болезнь Альцгеймера. Жизнь легендарного футболиста оборвалась 7 ноября 2011 года. До своего 77-летия Валентин Козьмич не дожил 11 дней.

Семью Ивановых можно назвать спортивной без всяких условностей. Жена, Лидия Гавриловна Иванова (Калинина), — выдающаяся гимнастка, двукратная олимпийская чемпионка. Завершив выступления на гимнастическом помосте, Лидия Гавриловна стала судьей. А уже потом — спортивным комментатором на федеральном канале. Мало кто разбирается в тонкостях гимнастики так, как она.

Сын Валентин Иванов-младший пошел по стопам отца — стал футболистом. Полузащитником дебютировал в составе «Торпедо» в 1980 году. Несколько лет Валентин выходил на поле в составе команды, которой руководил его отец. Валентин Козьмич поблажек сыну не давал. Но большого игрока из Валентина Валентиновича не получилось. Ни в «Торпедо», ни в ставропольском «Динамо». Да и травмы дали о себе знать. Зато из Иванова-младшего получился знаменитый футбольный судья, неоднократно представлявший нашу страну на крупных турнирах, ныне руководитель судейского корпуса.

Козьмич с нами[2]

В последний раз видел его… разумеется, на «Торпедо», на Восточной улице. На стадионе, где благодаря его личным усилиям впервые в Союзе сделали подогрев поля. И он нет-нет да и вспоминал об этом с усмешкой: «Выходит, опередил время, а? Только в Киеве был подогрев, да у нас… Ну, что с Киевом равняться, там Лобановский… И Щербицкий вмиг всё решал, а у нас — только труба вот, дымит…» «Трубой» он коротко, ласково называл ЗИЛ и относился к заводу так, словно сам там работал где-нибудь в горячем цеху. Да, впрочем, так ведь оно и было.

А тогда, при последней встрече на стадионе, малость провинциальном, играли с кем-то смешным, то ли с Подольском, то ли с Калугой. Вторая лига, низы, но он, всё одно, был при параде: при галстуке, в темной пиджачной паре и светлой рубашке, брюки в стрелочку, ботиночки блестят и только взгляд имел чуть иной — сонный. Поздоровались, я только что-то надумал спросить, как к нему уже набежали со всех сторон, и он подмигнул: потом, давай потом, после. «После» стало холодновато, и я ушел еще в перерыве. Скучная была игра, хотя Иванов всерьез говорил, что скучных игр не бывает и что только мы, журналисты, сочиняем про скучные игры и приносим футболу вред. Со временем я понял, что́ он имел в виду.

Журналистов он быстро раскусывал: сказывались многолетний опыт и прирожденный здравый смысл. Говорил всегда только то, что можно было печатать, хоть и добавлял, конечно: «Это только тебе, это не пиши…» Но когда я приносил ему визировать материал, одобрял и то, что писать вроде было не надо. Валентин Козьмич казался мне непростым собеседником, он быстро реагировал на вопросы, легко отыскивал слабину, еще легче перехватывал инициативу и говорил о том, что казалось ему важнее, а главное, важнее футболу. Новые молодые журналисты его смешили и сердили одновременно. «Ты понимаешь, скандал ему подавай! — делился он как со старым и проверенным знакомым. — У меня матч через день, а этот звонит и спрашивает: какие, мол, есть ЧП в команде? ЧП ему подавай…» И добавлял по адресу «этого» короткое злое присловье, которым пользовались тогда в «Торпедо» все: футболисты, дублеры, врачи, администраторы, массажисты, работники базы, ветераны, причем все они произносили четыре буквы с его, ивановской интонацией и обязательно — как он, весело блестя глазами. Выходило: не ругались, а так — ставили юмористическую закавыку в конце предложения.

Быть знакомым с ним — большая честь, это я понимал и старался не навязываться, не мельтешить, не беспокоить пустяшным вопросом. Я считал, что мне повезло — говорить с самим Ивановым. Это чувство я потом испытал еще только раз — когда познакомился с Бесковым. Была в них обоих какая-то совсем редкая, ушедшая теперь порода. Ни тот ни другой про свои подвиги никогда не говорили, настроены были критически, чему-то сердились и с чем-то спорили, хмурили брови, а вот уходишь от них — неизменно с веселым, щемящим чувством. Мне кажется, к этой породе принадлежал и Андрей Петрович Старостин.

Разговоры с ним, а когда-то их было немало, почти все как-то оформились, вышли в разных жанрах, в газетах, журналах, книжках, и

вспоминаются теперь отдельные его пассажи, часто неожиданные, вроде и не вызванные специальным вопросом.

«Жена-то? Да она меня просто спасла. Я бы без нее никем не стал, так футболистом бы и остался. Ну играл там, выигрывал… А почему? Да потому что после матча мы всегда в баньку, отогреться, попариться, а там пошло-поехало, сам понимаешь. А жена, как расписались, посмотрела на это дело и говорит: „Ты, Валя, что-нибудь давай выбери: или я, или баня с дружками…“ Ну, пришлось выбрать. А иначе где б я был-то теперь…»

И смеялся, довольный, то ли выбору, то ли ладно скроенной этой истории.

Или вот:

«Ну, перед сезоном, как полагается, в горком. К Гришину, к самому. Какие, мол, планы, чем помочь… Гришин меня спрашивает: „Какое место думаете занять, Валентин Козьмич?“ А я ему: „Надеемся четвертое занять, Виктор Васильевич“. — „Почему только четвертое?“ — „Так ведь, Виктор Васильевич, у вас же динамовцы, спартаковцы, армейцы уже были?“ — „Были“, — отвечает. „Ну, вот они пьедестал, поди, заняли…“ Гришин смеется. Помогал он нам хорошо».

Или еще:

«Да что ты мне про „Лужники“ говоришь! Спасли они нас, понял, спасли! У завода ничего не осталось, ни копейки не было для нас. Где брать, чем платить? Какие там спонсоры для рабочей команды? Никому мы были не нужны, никому… Алешин пришел и всё решил. А иначе мы давно бы вылетели. А „Торпедо“, между прочим, никогда из высшей лиги не вылетало. Даже „Спартак“ вылетал, ЦСКА, а мы — нет. Держались до последнего. На пару с „Динамо“. Нет, при мне „Торпедо“ из высшей лиги не вылетало, а дальше — это уж другая история, сами разбирайтесь…»

Как-то его спросили о новичках, и он зло брякнул в трубку: «А что новички? Клюйверта среди них нет!»

Клюйверт был тогда в большом порядке. Рвал и метал в «Барселоне» и сборной Голландии. «Клюйверта им подавай… А что — игрок! А у нас вот в основном не игроки, а футболисты…» — усмехнулся и заговорил о другом.

В траурные дни одна из газет вышла с «шапкой»: «Ивановых в России много, а Козьмич — один». Впервые эту фразу я услышал от шахматного обозревателя «Московской правды» Леонида Гвоздева в 1992 году. И, конечно, использовал ее в заголовке. Сейчас бы Леня, пожалуй, сказал: «Козьмич с нами, ребята!»

Если собрать все мои беседы с ним — хороший бы вышел сборник.

Все-то он знал и про футбол, и про «Торпедо», — да и про всю остальную нашу жизнь — тоже.

ЭДУАРД СТРЕЛЬЦОВ

Захожу к Сергею Шмитько, на Автозаводскую, в старый, кучеренковский еженедельник «Футбол», где было так уютно, и вижу, как поэт пыжится над заметкой.

Морщится, курит одну за одной. Оказалось, трудится над информашкой, освещает чье-то официальное мероприятие… Сорок строк… Срочно в номер…

Я посочувствовал, а он усмехнулся: «Мне, понимаешь, легче обо всем этом в стишках сказать. А тут вот казенщина нужна, скукотища. Хочешь, за пять минут сделаю? Выпей пока растворимого кофе… Вот тебе банка, вот пепельница. Посиди».

Я посидел и унес домой, рожденный за три минуты в сигаретном дыму, длинный стихотворный набросок. Мне запомнились такие строки:

…Лучше выпить коньяка
и бутылку пива
За успехи «Спартака»
и «Локомотива»…

Это и в самом деле было куда как лучше скучной заметки, которая появилась три дня спустя. Стихи вышли шутейные, но прекрасно отражали суть дела. Помню, подумал: «Если б редактором был я, ограничился бы стихами».

Встречи с поэтом и журналистом, старейшиной нашего цеха Сергеем Николаевичем Шмитько почему-то всегда отрывочны, случайны и запоминаются надолго. Вот, в июле, сидим мы во дворике Литинститута, где он когда-то учился, а я просто люблю там бывать…

Шмитько говорит, торопясь и переезжая с одной темы на другую, вовсе не связанную с предыдущей, а я в основном слушаю и стараюсь запомнить детали. Он рассказывает, как этот двор подметал Андрей Платонов, как вон в том желтоватом флигеле когда-то жил Осип Мандельштам и как Николай Рубцов, приезжий вологодский поэт, сдавал сессию и хлопотал о московской ночевке.

Во дворе, наискосок от нас, в углу футбольной площадки, лежит

мячик, и я сказал, показав рукой: «Мячик лежит…»

Сергей Николаевич кивнул: «Вот именно мячик… Так и Стрельцов всегда говорил — мячик… Не мяч, а только мячик…» И привел характерную для Стрельцова историю.

— Эдика, уже ветерана, пригласили на какое-то чествование районного масштаба. По дороге, в трамвае (!), великий футболист вдруг занервничал:

— Понимаешь, я забыл дома удостоверение…

— Какое удостоверение? — удивился спутник.

— Удостоверение заслуженного мастера спорта. На столике лежит, в прихожей.

— Ну и что? — недоумевал провожатый.

— Как что? А вдруг без него не пустят? — выдохнул Стрельцов.

«Понимаешь, именно в этом, именно в этом — „а вдруг не пустят?“ — и заключался характер Эдуарда Анатольевича Стрельцова», — резюмировал Шмитько.

От кого-то, уж и не помню, от кого именно, в раннем детстве услышал его фамилию — «Стрельцов». Именно по фамилии, без имени, уважительно и строго звали его в нашем доме. А футболом в нашем доме болели с довоенных времен. Болели исключительно за «Динамо».

Обстоятельств не помню, но, скорее всего, эту фамилию я услышал от дяди. В конце концов, ведь это я — семилетний пацан — первым в семье стал вдруг болеть за «Торпедо». Нуждался же я в некотором просвещении!

Так неприметно вошел в мою жизнь Стрельцов и сопровождает по сию пору. Ненавязчиво так, неприметно, вроде и нет его, а вдруг — стоп, стоп, вот он, рядом… Помалкивает, думай, мол, сам, разбирайся…

И в самом деле, пора.

Во дворе мне сказали, как отрезали: «Стрельцов — футболист хороший, а человек — плохой! Потому что сидел в тюрьме. А у нас просто так людей не сажают. У нас не Америка, там чуть что — сразу! Особенно если негр!»

Дома я поставил вопрос ребром — как же так? Ведь футболисты — лучшие люди на земле, разве их могут сажать в тюрьму? Неужели соврали? Вообще-то, в нашем дворе ребята хорошие…

Ответили как-то уклончиво, как обычно не отвечали. Но подтвердили — в тюрьме сидел. За преступление. Отсидел. Вышел. И снова играет. Причем лучше всех. Остальное узнаешь потом, когда вырастешь. Сейчас

важно — хорошо учиться.

Я понял, что с «Торпедо» и Стрельцовым вышла несправедливость. Ошибка вышла. И стал болеть за команду еще сильнее. Хотя по телевизору ее показывали не так уж и часто. «Спартак» куда чаще! Но «Торпедо» у него, бывало, выигрывало, и я понимал: Стрельцов всех сильнее. И плохим, стало быть, быть не может. Сильный — он всегда добрый, так нас учили и в школе, и в кино, и в книге.

Никита Симонян любит вспоминать такую историю. Разбор полетов в «Спартаке» после неудачного матча с «Торпедо».

Тренер, обращаясь к защитнику: «Что же ты, милый, Стрельцова-то не закрыл? Вот он и положил нам свои два. Они вон как Симоняна из игры выключили!»

— Обижаете, — возражает в сердцах расстроенный защитник. — Симоняна и я бы выключил.

В пионерлагерях мое поколение училось жизни. Там про всякие «глупости» рассказывалось просто и без затей. А иногда и показывалось. Наш пионервожатый Саша — брат известного полузащитника Киселева из «Спартака». Любимец местных женщин и герой очередного матча против деревенских. У него настоящие бутсы с шипами.

После утреннего кросса и купания голышом в холодном еще пруду он рассказывает нам про Стрельцова. Произносит страшное слово — «изнасилование». Мы уже знаем, что это такое… В его глазах горечь, слова он цедит медленно, будто сплевывает: «Все беды от баб… дочь министра оказалась, отсюда и шухер… прокурор старался от души…»

Вечерами, тайком, слушаем Высоцкого. «Плюс пять мне сделал прокурор…» Казалось, что про Стрельцова.

В Доме кино была премьера фильма о Стрельцове. Людей было много. Я запомнил вдову — всю в черном — и мать-старушку. Когда ее назвали, она поклонилась присутствующим в пояс. И по ее лицу текли слезы.

Фильм был, как и положено, сентиментальный. С экрана говорили много и как-то очень убедительно. Тема — Стрельцов был очень добрый и беззащитный. Играл не хуже Пеле. Словом, елейности хватало. Не потому ли сидевший рядом организатор ветеранских футбольных матчей вдруг вспомнил:

— Летели как-то играть. Туда он по трапу еще сам зашел. А обратно — мы его заносили. Три дня в номере не просыхал. Дверь открывал только

тому, кто в магазин бегал.

Без злобы всякой сказал. С грустью. Я посмотрел на него, а он смутился, покраснел и уставился в экран. Все кадры живого Стрельцова были известны. Их слишком мало, кадров. О Высоцком, кстати, сказать, немногим больше.

Мой отец совсем не болел за футбол. Если я приставал чересчур долго, отшучивался: «Как не болею? Болею. Кто там сейчас слабее? „Зенит“? Вот за него и прибаливаю. За слабого. Сильный, он и так разберется».

И все-таки я уговорил его пойти на Стрельцова. Одного меня в Лужники еще не пускали.

Было холодно и дождливо. Голов не было, и народ ругал Стрельцова тихо, но настойчиво. Я боялся, что и отец скажет что-нибудь типа: «Ну и что же твой Стрельцов?»

Но отец молчал. Может, он понимал мое состояние? Не знаю. Не спросил. А теперь и не спросишь.

Играли, между прочим, с «Араратом», который стоял на вылет.

Эту историю любят вспоминать в кулуарах. В газетах она, понятное дело, не обнародовалась.

Футболист «Торпедо» продал матч. То есть взял деньги и обещался не забивать одной южной команде. Об этом никто не знал, но потом узнали. Узнали свои.

— Ты пойми, почему мы тебя выгоняем, — сказал ему Стрельцов. — Мы тебя не потому выгоняем, что ты деньги взял. А потому, что ты с ребятами не поделился.

Футболист перешел в другую команду и выступал там неплохо.

«Картошка», как и стройотряд, являлась обязательной в вопросах получения высшего образования. И, на мой взгляд, это было совсем не лишним.

Малознакомый преподаватель неожиданно встрял в наш разговор о Стрельцове. Перекур затянулся. Кандидат наук, поблескивая на солнце очочками и поминутно их протирая, изложил свою версию стрельцовского сидения. Он слышал ее от достойных людей, входящих во многие кабинеты без стука.

Даже в поле он излагал, понизив голос.

Оказалось, Стрельцов получил так много — 12 лет — вовсе не потому, что… А потому, что на суде брякнул: «Зря я в Англии не остался.

Предлагали же!»

Так что сами понимаете… Мы понимали. Но недоверие у меня лично осталось. Оно усилилось, когда выяснилось, что доцент страшился «картошки» и хотел сделать из нас «рабочую аристократию».

Однажды мы с приятелем переживали творческий кризис. Его усиливали жара и похмелье.

Вечерело, а спортивная полоса в ежедневной газете не сдана. Дежурный редактор заглядывал в нашу комнатку уже в седьмой раз.

И тут приятеля осенило. Он ткнул в календарь:

— Завтра день рождения Стрельцова! Разделимся…

Мы разделились и в первый и последний раз в жизни написали заметку за двумя подписями. Наш Стрельцов был разным, но он был живым. По сию пору я думаю о нем так, как думалось в тот жаркий день.

Между прочим, приятель мой вспоминал о том, как он не взял у него интервью, как почувствовал, что, находясь рядом, в одной компании, за рюмкой чаю, подло и нехорошо оказаться вдруг на пару часов журналистом; он просто слушал его, старался запомнить и поднимал рюмку вместе с ним.

Мой приятель легко «разговаривал» наших профи, тех, что в Канаде, с клюшкой. А вот со Стрельцовым… Диктофон показался чужим и лишним. И об этом не стоило сожалеть, и ему удалось это выразить. Звали приятеля Миша Быков.

А вскоре, часа через два, позвонил Михаил Гершкович. И заговорил о Стрельцове. Вернее, о памятнике, который почти готов.

Готов он мог быть много раньше, но загулявший рабочий обиделся на весь мир и крушил кувалдой всё, что попало под руку. Попал и Стрельцов. Бронзовый, но попал.

Памятник на Ваганькове открывали год спустя. В день рождения, который почти совпадает с днем смерти. Батюшка освящал, снимали белую холстину, возлагали цветы. Торпедовцы, динамовцы, цеэсковцы, спартаковцы… Все. Поминали. Солнце било в глаза и мешало нашему фотокору работать. Но он хорошо знал свое дело.

Презентаций книги юриста N. о деле Стрельцова было несколько. Я побывал на одной из них. Официальный зал. Портрет Стрельцова в углу. Речи. Шампанское и фрукты. У входа почему-то раздавали значки команды «Торпедо-ЗИЛ». Входишь, а в ладони значок. Здороваться неудобно.

Я полистал книгу. Писать юрист не умел. Попробовал представить

здесь, в зале живого Стрельцова. Не смог. Благородство авторов и исполнителей никак не вязалось с человеком в пропотевшей футболке под девятым номером.

Шампанского я пить не стал. Книгу подарил знакомой — весьма далекой от футбола. Зато читающей «Мегаполис» и разные там «Сов. секретно». Вот значок сохранил. Красивый.

Вообще, я заметил, что любителей покопаться в гробу у нас более чем достаточно. В Америке есть целое подразделение в журналистике — «разгребатели грязи». Но там разгребают грязь еще живущих людей.

У нас — гуманнее. И здоровее. У нас копаются исключительно в царстве мертвых.

Газетный заголовок — «Кто заказал Эдуарда Стрельцова?» — убивает читателя наповал.

Я хоть и не читаю газет, и то сломался. Купил. Ознакомился. И что же? Вновь возвышенность, благородство, реабилитация и… НКВД. Или КГБ, не важно. Состряпали дело Стрельцова, организовали поездку на дачу, подложили специально обученную даму. Зачем? А чтобы обескровить профсоюзную команду «Торпедо». А заодно и профсоюзную команду «Спартак», потому что Татушин и Огоньков играли в «Спартаке». И тоже были на даче. И к ним тоже подвезли специально подготовленных дамочек.

И всё ради побед «Динамо» и ЦСКА! Несмотря на приближающийся чемпионат мира, в котором впервые выступает сборная СССР, где центрфорвард Эдуард Стрельцов — один из лидеров команды. Как, впрочем, и Огоньков с Татушиным.

Кусочки уголовного дела… Что-то про анализы спермы… Сальные подробности «отдыха на природе». Полученные синяки и снятая одежда.

И, конечно же, продолжение следует! То есть не забудьте купить и следующий номер нашей газеты!

Мне представляется, Эдуард Анатольевич Стрельцов потугам всех этих «благодетелей» вряд ли обрадовался бы. И это еще мягко говоря.

Да и не посмели бы они при нем-то, живом, не посмели бы.

Наши борцы за правду уже разоблачили убийц Есенина. Вычислили убийц Маяковского. Теперь вот взялись обелить Стрельцова, не спросив ни у кого: а нуждается ли он в вашей реабилитации?!

Знакомый журналист со стажем слушал-слушал благородного юриста со товарищи, а потом шепнул мне:

— Брехня это! Изнасилования там и близко не было. Он с той бабой

давно знаком был. А она его оженить хотела. Мне один футболист рассказывал, когда жил у меня. Ничего этот юрист не знает…

Бывший защитник «Динамо» и сборной страны Эдуард Мудрик вспоминал:

— Собрались ветераны сборной на какой-то показательный матч. То ли в Донецк, то ли в Вологду. Собрались на вокзале. Смотрим, все на месте, кроме Стрельцова. Он живет рядом с вокзалом, но мы волнуемся: вдруг забыл?

Звоню из телефонной будки:

— Эдик, через полчаса поезд!

— Помню. Но еще рано.

За 15 минут до отхода его все нет. Звоню.

— Эдик, пятнадцать минут осталось!

— Еще рано, — слышу невозмутимый ответ.

Вот уже пять минут остается…

Кричу в трубку:

— Эдик! Пять минут! Пять, понимаешь?!

— Уже поздно; — спокойно отвечает Стрельцов.

Истории Мудрика похожи на анекдоты. Но, как ни странно, они не придуманы. Разве что самую малость…

Мудрик знает сотни таких историй. Собери, издай — книга выйдет на загляденье. Правда, многое рассказы утеряют на письме. Хотя рассказчик Мудрик — потрясающий.

В нелепом, на мой взгляд, телевизионном ток-шоу в течение целого года определялся лучший отечественный футболист XX века. Участвовали известные в прошлом игроки и тренеры. Не обошлось без журналистов и спортивных чиновников. Бобров или Федотов? Яшин или Хомич? Стрельцов или Блохин? И так далее — имен, повторяю, хватило на целый год.

В конце концов главный приз достался Стрельцову.

Если бы Эдуард Анатольевич был жив, думаю, за призом бы не пришел. Он знал, что такое слава, он знал, что такое жизнь. Побрякушки его вряд ли интересовали.

Недавно мне позвонил журналист со стажем. Поинтересовался, нельзя ли опубликовать его материал в газете. Тем более ему вот-вот шестьдесят исполняется. Юбилей.

Я горячо поддержал:

— Конечно, — говорю, — мемуарчик какой-нибудь…

Он принес четыре страницы. Три из них были посвящены Васе Уткину, который не знает, кто такой Стрельцов! И не стесняется заявлять об этом с экрана.

Я позвонил автору и говорю:

— Вы об этом уже писали! Три года назад. Именно в нашей газете.

— Ну и что? С тех пор ничего не изменилось. Ни во мне, ни тем более в Уткине! Стрельцова не знать!

Я напомнил о мемуарчике.

— Какой мемуарчик, когда люди Стрельцова забыли!

И в трубке раздались частые, как брань, гудки.

На Автозаводской площади большое движение. Переходить ее надо с умом. Или на светофор.

Человек с Востока, в мятых брюках и кепке, не спешил делать ни того ни другого. Ему гудели, а он в затылке чесал. Словно и не подвергался опасности, а стоял где-нибудь на скале в полном своем одиночестве.

Я предложил кепке помощь, и мы оказались на тротуаре. Но он и здесь продолжал размышлять. Наконец обратился ко мне:

— Слушай, дарагой, где здэсь дэньги на памятник Стрэльцову собирают? Я из Баку спэциально приехал.

Я показал ему на корпуса ЗИЛа, где размещался тогда торпедовский футбольный клуб. А заодно поинтересовался, откуда такая любовь к москвичу, торпедовцу, который ведь и «Нефтчи» забивал.

— Да пусть бы он и тэперь забивал! Такого игрока на руках надо носить, как дэвушку! У нас тоже люди играли — Банишевский, Маркаров, но Стрэльцов — он… Они все как дети перед ним, понял, дарагой?

С его слов выходило, что именно в Баку Стрельцов провел свой первый матч после зоны. Неофициальный. Товарищеский. Потому что люди из Баку хорошо попросили.

Я потом рылся в архивах, опрашивал знакомых футбольных статистиков. Подтверждения бакинского матча не нашел. Но — памятник Стрельцову на стадионе «Торпедо» стоит.

А вот разных машин на Автозаводской площади стало еще больше.

Онкологический центр на Каширке виден издалека. Несмотря на старания архитектора, от здания веет чем-то мрачным. Стрельцов умер там.

Михаил Гершкович вспоминал:

— Пришли мы к нему поздравлять. Знали, что ему плохо, что надежды

нет никакой, но день рождения есть день рождения. Рая, жена его, взяла Эдика за руку, подняла ее, в наши поочередно протянутые ладони положила: «Эдик, ребята пришли к тебе, поздравить». Он глаза прикрыл, мол, понимаю. Узнал. А может, нам просто хотелось в это верить?

Минут десять побыли в палате, говорили что-то бодрое и ненужное. Ну что в таких случаях говорят…

Утром, часов в восемь, я позвонил Раисе Михайловне и услышал: «Умер Эдик. Ночью умер»…

Недалеко от Каширки — Варшавка. Варшавское шоссе. Там, где однажды нашли умирающего молодого красивого мужчину. Как оказалось, Валерия Воронина. Убитого неизвестно кем. Убийца не найден. Умирал Воронин в тех же краях, что и Стрельцов.

Поразительно, что на всех фотографиях, что мне довелось видеть, Стрельцов спокоен, умиротворен. Никакой истовости, напряжения в лице, никакой муки.

Да и привычного теперь оскала радости тоже в нем нет. Никакого сверхторжества и триумфаторства.

Словно и не было матча, боли, победы. А была просто жизнь.

Без показного героизма и дешевой патетики.

Ежемесячник «Торпедо» издавали два веселых человека. Саша и Юра. Они были и редакторами, и заказчиками, и наборщиками, и курьерами. А также продавцами тиража.

Параллельно они боролись с завистниками.

Казалось, они знали о «Торпедо» всё, ведь каждый новый номер получался пригожим, читабельным и свежим, как мамин пирог.

Продавали они его где придется — у завода, на стадионе и на Ленинградском вокзале. Там приходилось бороться за место с другими торговцами и торговками. В этой борьбе им здорово помогал портвейн.

Однажды я встретил их там, как раз в период борьбы за место под солнцем. Принял липкий стакан — символ недолгого мира. И говорю:

— Знал бы Стрельцов, что номер его памяти продается среди бомжей, воблы и семечек…

Юра подумал, прикурил и закончил:

— То есть среди народа. Для которого он и играл. Значит, все нормально.

Стоит ли говорить, что я остался вместе с ребятами и уехал на

последнем поезде метро?

Номеров вышло около тридцати. Лучшие из них — именные. Посвященные Воронину и Стрельцову.

Затем у клуба кончились деньги, и ежемесячник «Торпедо» стал раритетом.

Когда мы, наконец, станем чемпионами мира по футболу? На этот вопрос некоторые ветераны отвечают:

— Да мы бы ими стали в 1958-м! Если бы Эдика не посадили да не убрали Огонькова с Татушиным! Всех бы порвали.

В конце тридцатых годов в нашей стране жило много испанцев, эмигрировавших от Франко. Один из них работал на заводе и дружил с моим дядей. В шестидесятых большинство из них вернулось на родину. Дядин друг уехал в Бильбао.

Иногда от него приходили поздравительные открытки. В них, между прочим, он спрашивал:

— Как там Стрельцов? Недавно ваша сборная играла у нас, а его почему-то не было.

Не думаю, чтобы дядя отвечал на столь невинный для испанца вопрос. Не думаю.

На моей книжной полке стоит деревянный игрушечный камин из Бильбао. Как память об Испании. Как память о том вопросе. Как память о дяде. Как память о Стрельцове.

Как его звали, этого баска? Я снова забыл спросить.

Никита Симонян часто вспоминает эту историю.

— 1956 год. Мельбурн. Мы — олимпийские чемпионы. Получаю золотую медаль, но к радости примешивается укол совести — Стрельцову-то медали не дали. Не полагалось тогда. Давали только тем, кто выступал в финале. Получалось несправедливо: он играл все матчи, а на последнюю игру тренеры выпустили меня.

Подхожу к Эдику, говорю: «Эдик, эта золотая медаль не моя. Она твоя. Ты ее заслужил. Можешь взять ее себе». Эдик отказывается наотрез, обижается даже. Я отступил, но, когда плыли обратно на теплоходе «Грузия», вновь к нему подхожу. А он рассердился: «Еще раз предложишь мне свою медаль — обижусь!»

…Интересно, что в некоторых книжках к рассказу Симоняна добавлялась одна деталь. Стрельцов в ответ говорит более старшему

товарищу: «Бери, бери. Я еще молодой, еще выиграю».

Владимир Дерябин, бывший в шестидесятые капитаном одесского «Черноморца», душа-человек. Про себя лично — как ни упрашивай — ничегошеньки не расскажет, зато про других — пожалуйста!

Как-то ехали с ним в Одессу. Спросил Дерябина про Стрельцова. Тот вспомнил такой момент:

«— Играли у нас, в Одессе. Наш защитник Юра в раздевалке перед матчем клятву дает: не пропущу Стрельца! Мы только усмехнулись… Играем, значит… А Юра, надо сказать, парень могучий, приклеился к Эдику, как репей, то по ногам молотит, то за майку держит. Ну Эдик будто не замечает. И вот проспали мы комбинацию… Кто-то ему на ход кинул по центру. Стрельцов, только-только пассивный, вялый был, — как рванет! Юра оторопел, за ним во весь дух! Стрельцов по дороге двоих, как детей, обыграл и к штрафной! Тут Юра наш изловчился и сзади ему на шею как прыгнет! Чистый Тарзан. А Стрельцов даже бега не замедлил: врывается в штрафную и, не дожидаясь вратаря, — с размаху в угол. И говорит Юре: „Слезай, что ли, приехали…“ Нельзя было его удержать, невозможно».

Дерябин осенью умер. Так и не рассказав о себе.

Известный тренер Владимир Сальков играл за донецкий «Шахтер» защитником. Персонально против Стрельцова — такое у него было задание, если «Шахтер» встречался с «Торпедо».

— Вот Стрельцов с мячом, приближается к штрафной, замахивается бить по воротам. Я реагирую на замах. Он сразу меняет решение, видя, что я перекрыл ворота. Делает новое обманное движение, но я и на него успеваю среагировать. Но и оно оказывается ложным. Я понимаю это, видя, что он делает третий финт, понимать-то понимаю, но уже лежа на траве, координацию потерял! Народ смеется на трибунах, а мне не до смеха. Я пытаюсь и лежа ворота закрыть, как амбразуру телом, ползу по траве. А он, видя, что удар может прийтись мне в спину, забирает мяч и мимо меня лежащего тихонько так катит мяч в дальний угол! Вратарь у нас тогда был приличный, но, наблюдая эти ложные его замахи, готовился к сильнейшему удару, а тут — прямо застыл как вкопанный.

Я многих нападающих до и после видел, но чтобы вот такой гол сотворить… Фантастический талант. Талантище. И это ведь в 1966 году было, после стольких лет заключения.

Владимир Маслаченко, прекрасный голкипер и профессиональный

комментатор, сказал о Стрельцове, мне кажется, лучше всех: «Стрельцов — это футбольный Шаляпин».

Впервые в футболке «Торпедо» он вышел на поле 4 апреля 1954 года в Харькове. Это был первый тур очередного чемпионата страны. Паренек, которого скоро будет знать вся страна и которому еще не исполнилось семнадцати лет, отыграл неполный второй тайм. Он вышел на замену под двенадцатым номером. И забил мяч на 70-й минуте. 3 мая его впервые увидели москвичи. «Торпедо» играло с «Локомотивом» и победило — 1:0. Этот единственный мяч забил шестнадцатилетний Эдуард Стрельцов.

26 июня 1955 года он впервые играл за сборную. Против шведов, в Стокгольме. И забил три мяча!

Как-то на стадионе «Торпедо» по трибунам прошелестело: «Стрельцов, Стрельцов!!!» Я долго искал его глазами. Они никак не хотели останавливаться на лысоватом здоровом дядьке в коричневом пиджаке.

Он сразу же сел и стал для меня невидим. Он не ждал ничьего, моего в том числе, внимания. Это я понял годы спустя.

Кто-то спросил его, играл ли он там, на зоне. Он ответил, что только однажды. И рассказал о том матче так:

— Нас вывезли на пятый лагпункт, километрах в трехстах от Кирова, в тайгу. Кругом решетки, решетки, проволока и… охрана, охрана, охрана, аж в две шеренги…

Единственное в своем роде описание футбольного матча. О себе самом, об игре не сказано, заметьте, ни слова.

Отбывал он точно по приговору — на тяжелых работах: лесоповал, узкоколейка в тайге, химзавод, строительство домов.

Он не сломался там, а потом — здесь — не любил вспоминать о прошлом.

Последний раз перед тюрьмой забил столичному «Спартаку». Забил гол, и встреча 2 мая 1958 года завершилась вничью — 3:3. За восемь последних игр забил пять мячей.

В его письмах оттуда (некоторые — опубликованы) про тюрьму очень мало. Вообще, если бы не знать, что они из зоны, читатель и не догадался бы ни о чем.

Вот человек уехал работать. Работает. Ему тяжело, но это с непривычки, — привыкну, будет полегче. А в целом всё нормально, главное, вы там следите за своим здоровьем, обо мне не волнуйтесь…

Пишет он в основном матери, Софье Фроловне, и если просит о чем, то добавляет: если трудно, тогда не надо. И — главное, он словно забыл, что был знаменитым на всю страну футболистом. Он словно и не знал об этом. Приговор был — лишение свободы сроком на 12 лет без поражения в правах. Позднее Верховный суд РСФСР снизил наказание до семи лет, а в 1963 году Стрельцов от неотбытого срока наказания (два года три месяца десять дней) был условно-досрочно освобожден. Выходит, в заключении он пробыл пять лет.

Литература о Стрельцове поразительна. Она вроде бы есть, но ее как бы и нет.

Сложно найти книгу об отечественном футболе, в которой бы не упоминалось его имя.

Однако и книг, посвященных собственно Стрельцову, очень мало. О Бекхэме пишут куда чаще.

Особняком стоит творчество спортивного литератора Александра Павловича Нилина. Нилин был дружен с Ворониным и Стрельцовым. Дружен в течение многих лет. Естественно, что он мог бы написать о них не просто тома — собрание сочинений. И Нилин действительно написал о Стрельцове несколько книг.

Но они, мне кажется, уступают другим его книгам, не отмеченным столь близким и столь теплым отношением к герою. Давно замечено: рассказать о том, кого хорошо знаешь и любишь, — сложно.

Лично мне больше всего нравится книжка Нилина о Бескове. Зато Бесков был ею недоволен и даже сердит на автора.

Мне хотелось бы привести здесь литературный отрывок, посвященный Эдуарду Стрельцову. После долгих сомнений я остановился на Аркадии Галинском, замечательном футбольном журналисте, уже покинувшем этот мир.

Не выходит больше и газета, откуда этот отрывок взят. Она называлась «Советский спорт плюс восемь».

Судьба Галинского — не из простых. Один из самых талантливых из пишущих о футболе, он подвергался незаслуженным гонениям, травле. Его пытались изгнать из футбола за то, что он показывал футбол таким, каким тот был. Он не рисовал лубок, вот в чем дело.

Когда Аркадий Романович умер, его вдова принесла нам в редакцию последние, неопубликованные доселе статьи. Они поразительно успевали за временем.

Итак, слово Галинскому. Он оказался свидетелем возвращения Стрельцова в большой футбол после пяти лет заключения.

«В конце июля 1963 года мне позвонил в Киев заместитель редактора отдела футбола „Советского спорта“ Александр Вит (в ту пору я был заведующим украинским корпунктом этой газеты) и спросил: не хотелось ли бы мне съездить на недельку в Одессу, чтобы передать оттуда отчет о матче сборной клубов Москвы (а фактически — сборной СССР) с олимпийской командой Японии? Вопрос показался мне странным. Во-первых, почему на недельку, если требовался отчет об одном-единственном матче? Во-вторых, сколько-нибудь серьезной борьбы в нем быть не могло, а в „Советском спорте“ для соревнований подобного рода отводилось обычно несколько строк сугубо статистической информации. Отчего я и ответил Виту, что справиться с этим заданием сможет в Одессе любой начинающий местный журналист. Но Вит засмеялся и сказал, что матч с японцами состоится 31 июля, а 25-го в Одессу прилетит, чтобы сыграть в тот же день товарищескую встречу с „Черноморцем“, московское „Торпедо“. В составе же последнего впервые после пятилетнего перерыва выступит Стрельцов!»

Прервем здесь автора для ремарки. Общеизвестно, что Стрельцову долгое время не разрешали играть. Что огромную роль здесь сыграл Вольский, в ту пору парторг ЗИЛа. Он будто бы напрямую выходил с просьбой о Стрельцове в верха партии!

Но! Как видим, руководители спортивной прессы тоже не могли или не хотели сообщать о предполагаемом выходе Стрельцова на поле. Пусть и в товарищеском матче! Здесь и подвернулся Галинский. Киев — политическая периферия…

«…В Одессе, в раздевалке „Торпедо“, сидел, зашнуровывая бутсы, уже не юноша с открытым светлым нежным лицом и симпатичным русым коком над высоким лбом, а грузноватый, сильно лысеющий мужчина. У юноши были красивые длинные сильные ноги, теперь же ноги Стрельцова напоминали колонны. Он поднял голову, внимательно посмотрел на меня и несколько напряженно поздоровался. Я сказал: „Эдик, всё будет хорошо!“ Он ответил: „Я надеюсь“. В футбольной раздевалке говорить много не принято, мы условились побеседовать в автобусе — торпедовцы после

матча вылетали в Москву вечерним рейсом. Ужинали футболисты практически всухомятку, уже в самолете. Стрельцов, рассказали мне, есть не мог.

О том, что одесская публика имеет возможность увидеть 25 июля 1963 года игру Эдуарда Стрельцова, местное радио сообщало в тот день несколько раз. И свыше сорока тысяч зрителей, пришедших на стадион, не ошиблись в своих надеждах, — писала газета „Черноморская коммуна“. — На 12-й минуте счет был 2:0 в пользу гостей. Центрфорвард „Торпедо“ Э. Стрельцов дважды заставил голкипера „Черноморца“ Б. Разинского вынуть мяч из сетки. Первый гол Стрельцов забил со штрафного, а второй мяч направил в ворота ударом с ходу — столь же сильным, сколь и неотразимым.

„Первый гол Стрельцов забил со штрафного…“ Это волшебство мне не забыть. Мяч был положен примерно метрах в восемнадцати от ворот и почти прямо против них. Одесситы выстроили стенку, прикрывая левую от голкипера сторону. Арбитр, как обычно, суетился, делая вид, что намерен отодвинуть игроков на положенные девять метров. В конце концов, метрах в пяти от мяча стенка пятиться перестала. Стрельцов разбежался и ударил. После чего мяч исчез из поля зрения. Где же он? Судья побежал к воротам. И тут, наконец, все увидели мяч. Он лежал в сетке у левой стойки. Но ведь мяч над стенкой не пролетал! Значит, он каким-то образом ее обогнул — сбоку, снизу? Ах, так вот почему и московские, и одесские игроки, когда мяч был вынут из сетки, буквально облепили Эдика…

Я видел тысячи забитых мячей, сотни из них описывал в отчетах подробно, но этот гол поражает воображение и поныне. После матча, в автобусе, прошу Стрельцова объяснить мне происшедшее. Его рассказ я записал по возвращении в гостиницу, и этот текст привожу далее дословно: „Одесситы, — говорит Стрельцов, — стенку построили неважно, поскольку дальний от вратаря угол был не совсем закрыт. Я подумал, — говорит он, — бить надо туда прямо, с подъема, а главное — быстро, как только судья отойдет. И уже стал разбегаться, когда стенка сдвинулась и закрыла стойку, видно, Разинский подсказал. Словом, шансов никаких, но не останавливаться же! Вот на ходу и решил резать по самому краю мяча и как можно сильнее, да стопу „навалить“ покруче. Ну и еще, наверное, подфартило: может быть, стенку они все-таки недотянули“».

Галинский не был бы Галинским, если бы, навестив через несколько дней сборную, не сказал в полный голос: «Стрельцов в Одессе сыграл потрясающе!»

У игроков и тренеров — пауза из «Ревизора». Все же знают, что играть Стрельцову — запрещено! Но это в Москве, Одесса же — вольный город.

Первый официальный матч за «Торпедо» Стрельцов провел только два года спустя. 15 апреля 1965 года. В Баку.

Так что к пяти годам заключения добавились еще два года отлучения от футбола на воле. Семь лет вне футбола!

Он забил в 26 матчах 12 мячей, «Торпедо» стало чемпионом страны!

…Не про этот ли матч 1965 года вспоминал тот бакинец с Автозаводской площади?

Как тут не привести лаконичный отзыв легендарного Григория Федотова. Отозвав как-то Стрельцова в сторону, Григорий Иванович только и сказал: «Я сам играл, но как ты играешь…»

Что ответил Стрельцов — неизвестно. Но он ответил Федотову игрой. Два мастера мирового класса «разговаривали» на поле.

В быту они были людьми скромными и витийством не отличались.

Эдуарда Стрельцова невозможно представить себе в другой команде. Только в «Торпедо».

«Завод, — как говорили сами футболисты о команде, — куда мы без него?»

Теперь эти времена в прошлом.

Угловой Лобановского вошел в поговорку. Все знают, что мяч, пущенный долговязым рыжим нападающим киевского «Динамо» от бокового флажка, зависал в воздухе и аккуратно укладывался под дальнюю штангу. Коронный удар этот Лобановский шлифовал на каждой тренировке.

Неповторимый удар — такое бытовало мнение.

Однажды разговор этот возник на торпедовской базе в Мячкове. «Неповторимый удар», — сказал кто-то.

«Да ну? Так уж — неповторимый?» — улыбнулся Стрельцов и направился с мячом на угол поля. Тщательно установив мяч, Стрельцов словно задумался, поглядел вниз, на ворота, опять на мяч и, отойдя на несколько метров, с короткого разбега пробил. Мяч завис над пустыми воротами и — опустился в угол у дальней штанги.

До этого Стрельцов никогда угловые не пробивал. Принципиально не любил отправлять мяч туда, где партнеру еще предстояло за него побороться.

У меня, видевшего его мальчишкой, осталось, как теперь кажется,

верное впечатление. Вот он — один, могучий, опытный, всё наперед знающий, а кругом остальные — ученики. Талантливые и не очень. И соперники — злые и не очень. Что интересно, и зритель такой же.

Я слышал, как освистывали его! И орали: «Бегай!» И мне это не нравилось, и я не орал вместе со всеми. Потому что не знал, но чувствовал — и в стойке его в центре поля что-то таится пока неизвестное.

А потом — мяч, движение, одно, другое, пас — и все белые футболки с черной буквой «Т» на груди мельтешат, как снег, и кто-то свободно выходит на вратаря…

«Словарь любителя футбола» продавался в газетном киоске. И стоил 56 копеек!

Сумма для меня — огромная. Заполучить ее у родителей — задача почище алгебраической. Кроме того, я боялся, что книжка, на обложке которой футбольный мяч, как спутник, облетает Землю, вот-вот будет распродана. И я останусь ни с чем.

Но мне повезло, и вскоре я вооружился клеем, чтобы заняться ее ремонтом. Странички разлетались от внимательного чтения. Книжечка была издана провинциально — в Ростове-на-Дону. Но в ней было всё! От истории Кубка Англии до режима питания игроков в калориях.

Вот что в ней было написано в разделе «Удар пяткой»:

«Удар пяткой — отбрасывание мяча назад партнеру. Футболист при этом как бы перешагивает бьющей ногой через снаряд и резко отталкивает его пяткой.

Особенно эффективен этот прием вблизи ворот соперника, так как он всегда неожидан для защищающихся. Нападающий делает вид, будто собирается пробить по цели или дать кому-нибудь из партнеров впереди или сбоку, а сам отбрасывает мяч пяткой назад. Это застает обороняющихся врасплох и может привести к взятию ворот».

Стрельцов как мастер именно такого паса не назван, хотя он буквально рисуется при чтении. На той же странице помещен рассказик про «Удар через себя», где аккуратно добавлено, что «у нас этим приемом хорошо владели Ниазбей Дзяпшиа и Гиви Чохели».

Книжка выпущена в 1970 году, так что я не обижался за молчание о торпедовской «девятке». Теперь — не обижаюсь тем более.

В 1974 году выходит книжка Константина Есенина «Московский футбол». О Стрельцове Есенин говорит так:

«Заслужив спортивную славу, Стрельцов, однако, этой славы не выдержал, и в 1958 году случилось так, что „Торпедо“ пришлось с ним расстаться. Но это не деморализовало коллектив».

И через пару страниц:

«Несколько сезонов бывший центр нападения „Торпедо“ выступал в заводской клубной команде, наблюдал „большой футбол“ с трибуны. Это обогатило его игру…»

Теперь эти слова режут слух! Оказывается, вот что обогатило Стрельцова… Сидение на трибуне и матчи за заводскую команду.

На игры которой — Константин Сергеевич не мог не знать об этом — ходила вся Москва. Думаю, и Есенин ходил.

Но иначе тогда о Стрельцове и писать-то было нельзя. Вот нельзя — и всё.

Правда, стоит добавить, и маститый Лев Иванович Филатов, и знаток всех футбольных цифирей Константин Есенин были преданными болельщиками «Спартака». Но не «Торпедо». Отношения этих команд на поле всегда были перпендикулярными.

Вот и в более поздних книгах своих (а их немало) Лев Иванович о Стрельцове рассказывает, но сквозь зубы, столько же, сколько, допустим, о Родионове или Банишевском…

Эдуард Стрельцов забил в ворота «Спартака» восемь мячей.

Оценивая отечественных нападающих, Николай Петрович Старостин оставляет на долю Стрельцова лишь колорит. И ограничивается банальным: «Тебе много дано, с тебя много спрашивается».

Правда, книга была написана Н. П. Старостиным давно. Брат Андрей любил в сердцах бросить старшему: «Ничего ты, Николай, в футболе не понимаешь!»

Режим Эдуард Стрельцов нарушал. О чем искренне признался тренеру сборной СССР Михаилу Якушину: «Вы уж освободите меня, могу подвести вас…»

По части нарушения режима Стрельцов напоминает Джорджа Беста. Или Марадону. И по таланту они где-то рядом. «Непьющие люди в футбол не играют», — по сию пору любят повторять футболисты.

Вадим Никонов, которого я очень любил и за которого болел отдельно, говорил мне:

— Да разве я играл? Я в основном учился играть у великих. Мне повезло, я у профессоров учился.

Под профессорами Никонов понимал Стрельцова, Иванова и Воронина.

Юрий Тишков рассказывал:

— Никонов научил нас многому. Порой самым простым вещам, неожиданно простым, до того простым, что сам бы никогда не додумался. К примеру, пас своему, если на тебе сразу несколько соперников висят и голову поднять некогда. Значит, на гетры смотри. Гетры, они ведь разные. Кати на свои — и порядок!

Никонов, игравший, кстати сказать, под восьмым номером, в честь своего кумира Валентина Иванова, в свою очередь заметил, что премудрость про гетры перенял от них — от профессоров — Стрельцова и Иванова.

Когда о Сереже Шустикове заходила-загуляла недобрая слава любителя «отдохнуть», я с тревогой спросил у его отца, заслуженного торпедовца Виктора Михайловича Шустикова, не пропустившего ни одной тренировки и сыгравшего за «Торпедо» больше всех — 427 матчей, о сыне. Тот неожиданно для меня ответил:

— А чего? Я сыном доволен. Голова светлая, всё видит на поле, соображает. Да и с мячом… Может. Мне еще когда про него Эдик сказал: «Голова светлая!» А он таких вещей просто так не скажет. Ни по дружбе, ни по чему другому… Гуляет? Так это пройдет.

Виктор Шустиков был дружен со Стрельцовым. Именно он приехал встречать его, когда срок Стрельцова закончился.

Тандем Иванов — Стрельцов был лучшим у нас в футболе. Причем дело даже не в забитых ими голах — за сборную и за «Торпедо». Дело в глубине понимания игры, в интуитивном чувстве — где в тот или иной момент находится партнер.

Ни Иванов, ни Стрельцов не могли похвастаться тем, что кто-то еще понимает их лучше, чем они оба два. И уж тем более никто не мог заменить кого-то из них.

Хотя рядом с ними играли выдающиеся мастера. И в «Торпедо», и в сборной.

Константин Иванович Бесков, который, кажется, и поставил их вместе в 1956 году, вспоминал:

«На установке, которую я проводил перед матчем с динамовцами, в центр нашего нападения был назначен Иван Моргунов. Перед ним была поставлена задача: перемещаться и уводить за собой центрального защитника динамовцев Константина Крижевского, который, как я мог предположить, станет опекать Моргунова персонально и вплотную. Значит, уводить в сторону, передвигаясь параллельно линии штрафной площади, в

непосредственной близости с ней. А в освобождающуюся таким образом зону центрального защитника динамовцев в нужный момент должны были врываться либо Иванов (если Моргунов уводит Крижевского влево), либо Стрельцов (если Крижевский выманен направо). Наш замысел удался: Крижевский неотступно преследовал Моргунова даже без мяча, тандем Иванов-Стрельцов выполнил свою задачу „засады“, и торпедовцы выиграли.

Следующая встреча — с ЦДСА. Там в центре обороны играл Анатолий Башашкин, который, как правило, сочетал персональную опеку с игрой в зону. Вряд ли, думал я, Башашкин оставит свою зону без присмотра ради „держания“ Моргунова, тут нужен более опасный форвард. Поставлю-ка я в центр атаки Эдика Стрельцова. От него Башашкин далеко отрываться не станет, значит, будет уходить со своего центрального поста, а туда сможет „наведаться“ Валентин Иванов.

Так мы и сделали. Башашкин действительно не отходил от Стрельцова, который исправно заманивал его то в одну, то в другую сторону от центра обороны ЦДСА. И на освободившееся пространство сразу же вырвался Иванов. У него было минимум два стопроцентных момента, Валентину не повезло, а то бы счет был 2:0…»

Так, с легкой руки Бескова, получился неповторимый тандем Иванов — Стрельцов. Или Стрельцов-Иванов. Они и забивали вместе, и гуляли вместе.

Знаменитая история о том, как они опоздали на поезд, в котором уезжала сборная, как догоняли его на автомашине и как, догнав, каялись и обещали искупить делом — и искупили, забили, кажется, на двоих три мяча, общеизвестна.

И всё же в жизни большими друзьями они не стали. Но относились друг к другу тепло, по-товарищески. Известно, что голос Стрельцова был отмечен тогда, когда решалось — передавать ли команду молодому тренеру Валентину Козьмичу Иванову или искать поопытнее. Стрельцов поддержал Иванова, чья долгая тренерская судьба знала немало счастья.

Валентин Козьмич сотни, наверное, раз вспоминал Эдуарда Стрельцова. Устно и письменно. На собраниях и на турнирах, на открытии памятника и на кладбище, среди друзей и среди журналистов, дома и на работе, по телевизору и в кино.

Это нелегкая доля. Иванов справлялся с ней очень достойно. Но — так мне казалось почему-то — главного о Стрельцове он так и не сказал. Или не обобщил в какую-то большую и важную главу — воспоминание. И,

рассказывая о нем, Иванов всегда собирался с духом, — это чувствовалось — внимательно относился к каждому своему слову и даже жесту.

Смерть Стрельцова он переживал тяжело. Я помню его лицо на похоронах. Измученное и скорбное.

Однажды я брал у него интервью, и по делу мы поговорили быстро, а у него была пауза, и он никуда не спешил.

Я спросил, не подумывает ли он о новой книге. Заметил, что теперь можно сказать куда больше, чем позволялось ранее. Иванов усмехнулся:

— Да кто ее теперь издавать будет? И продавать тоже? Теперь же всюду предоплата, а? Да и нужна ли она кому?

Я думаю, что любая искренняя книга мемуаров очень нужна. Про футбол таких книг почти нет.

Как-то спросил Игоря Чугайнова, тоже тренировавшегося у Стрельцова:

— Что же вы такие закрытые люди — футболисты? Про это — нельзя, и про то — нежелательно! Крепостные прямо…

— А ты как думал? — хохотнул он в ответ. — Мы и есть крепостные. Футбол-то игра — командная, может, слышал? Все одной ниточкой связаны…

Стрельцов заканчивал выступление в 1970 году. В том же году заканчивал выступать Лев Иванович Яшин. Стрельцов играл на месяц дольше Яшина. Правда, у него не было никакого прощального матча.

26 сентября в «Лужниках» «Торпедо» проиграло минчанам 0:1, и последний матч Стрельцова смотрело всего-то восемь тысяч зрителей…

На похоронах Льва Ивановича кто-то обратил внимание на то, как плохо выглядит стоящий у могилы Эдуард Стрельцов.

Да и он сам, видимо, чувствовал… И ушел совсем скоро, следом за Яшиным, как выходил вслед за ним на зеленый ковер стадиона в матчах за сборную.

Они ушли в вечность.

Для меня они были и остались очень большими. Очень большими, потому что я видел их — маленьким.

Когда говорят, что вот жаль, что Стрельцов совсем не известен на Западе, я не понимаю…

Вот и Пушкин там тоже не очень известен. Меньше, чем Достоевский.

Зона Стрельцова — Россия, здесь его знал каждый, и любили его, как своего, русского, мастерового, не очень счастливого.

А кто в России был особенно счастлив?

В прошлом футболист разных команд, поигравший и в первой, и в высшей футбольной лиге Александр Ткаченко нашел литературную стезю. Или она нашла его.

Ткаченко стал поэтом и писателем.

Беспощадная по правдивости его книга «Футболь» не имеет аналогов. Причем, я думаю, не только в России. Естественно, что реакция на книгу была различная. Но все соглашались в одном: ничего похожего о футболе они никогда не читали.

Вот один отрывок из воспоминаний Ткаченко. Он не вошел в книгу.

«Банька не только примиряла футболистов, но и несла в себе фактор примирения. Помню, как-то Эдик Стрельцов лежал на мраморной плите, положив под голову распаренный веник, и массажист встряхивал его мышцы. Подходили защитники, которые накануне вставляли ему на всю растрату и сзади и спереди, так что Эдик только охал. Смотрели на его бесконечные синяки на теле и извинялись. А Эдуард великодушно отмахивался от них: да ладно, мол, мужики, всё нормально, дело житейское. В московском „Локомотиве“ тогда играл на позиции центрального защитника Олег Чиненов. В бане подошел он как-то после игры к Стрельцову, обнял его и говорит: „Эдик, я тебя обожаю, извини, пожалуйста, ради бога, врезал тебе нечаянно, не хотел!“

Эдика любили, но и били в игре нещадно, но он был добродушным и всем всё прощал».

Кажется, Валентин Козьмич Иванов вспоминал о том, что Эдик мог и не простить. Если подло, в открытую, били товарища.

Он заступился за своего и был удален вместе с грубияном. Терпеть, видя, как бьют товарища, не смог.

А когда стали намекать, пора уж тебе, уходи, просить о себе тоже не мог. Ушел, и всё…

Анатолий Папанов — большой русский актер — болел за «Торпедо». Об этом не все знали, как все знали почему-то, что за «Торпедо» болеют Арканов и Ширвиндт.

Мне кажется, многие киногерои Папанова чем-то напоминали Стрельцова. Или они — Стрельцов, Папанов — были чем-то схожи. Большие, красивые русские люди. Не суетные. С талантом от Бога.

Валерий Воронин, отвечая на какую-то анкету, на вопрос о партнерах

ответил так:

— Уважаю партнеров, понимающих тебя без слов. Этим качеством выгодно отличались Иванов, Батанов, Маношин. Было бы превосходно, если бы партнеры научились понимать Стрельцова так же, как он понимает их…

Об исключительном созидательном таланте Стрельцова, проявившемся в 1960–1970-е годы, у нас написано бесконечно мало.

Валерий Воронин, один из самых интеллектуальных футболистов своего времени, в одном предложении выразил и величие, и одиночество таланта.

Любопытно, что Стрельцов плохо бил пенальти. Статистик Юрий Кошель подсчитал: Стрельцов бил пенальти семь раз. Забил три, причем один из них — с повторного удара. Четыре раза вратари отражали его удар.

В чемпионате и Кубке он забил 115 мячей. А «Торпедо» за те годы, что выступал в нем Стрельцов, — 490. Каждый пятый мяч — на счету Стрельцова!

А вот его голевой расклад по годам:

1954 год. 22 игры (5 забитых мячей) — «Торпедо» занимает 9-е место.
1955-й. 22 (15) — 4-е.
1956-й. 22 (12) — 5-е.
1957-й. 15 (12) — 2-е.
1958-й. 8 (5) — 7-е.

1965 год. 26 (12) — 1-е.
1966-й. 31 (12) — 6-е.
1967-й. 20 (6) — 12-е.
1968-й. 33 (21) — 3-е.
1969-й. 11 (—) — 5-е.
1970-й. 12 (—) — 6-е.

Больше всего забивал в ворота «Динамо» (Тбилиси) — 14 в 17 играх, ЦСКА — 11 в 17 играх, «Спартаку» и «Динамо» (Киев) по 8 за 18 игр.

222 матча в чемпионатах СССР — ровно 100 голов. Еще 15 забил в Кубке страны. 25 голов — за сборную СССР.

Рассказывают, на манер анекдота, что Брежнев в ответ на обращение к нему многочисленных ходоков, страдающих, что Стрельцову всё не разрешают играть в чемпионатах СССР, сказал: «Я не понимаю. Отсидевший в тюрьме слесарь может вернуться к станку. А почему

футболист не может вернуться к своему главному делу?» И Стрельцов вернулся.

Или: версия о роли министра культуры Фурцевой в деле Стрельцова. Она якобы мечтала познакомить с ним дочь, на что подвыпивший молодой форвард ответил: «Не-е, я свою Алку ни на кого не променяю…» Стрельцов говорил о своей первой жене, которая подала на развод сразу же после суда.

Рассказывают о том, что Стрельцов долго-долго не хотел читать книгу Иванова «Центральный круг», где о нем была специальная глава, которая называлась так: «О человеке, который был сильнее всех на поле и слабее всех за его пределами».

Герои всегда обрастают мифами: было ли это на самом деле, не было ли — так ли теперь важно?

Вот признание о своих первых шагах в команде Валерия Воронина:

— Я вижу их одних: Иванова и Стрельцова. А меня для них нет. Они не видят меня в упор. Эдик — рассеянно-добродушно, Иванов — категорически. Кто не играет так, как он, для него не существует. А кто еще играет так, как он? И возможно ли так сыграть? Я хочу это понять. Я стараюсь не обижаться. Тем более что кричит он не на одних только младших, начинающих. И на старших — для него нет разницы. В команде есть он и Стрельцов — остальные не в курсе дела.

Михаил Гершкович остался недоволен моей реакцией на создание команды «Торпедо-Лужники». Я критиковал, в частности, новое название команды.

Гершкович для убедительности прибег к ненормативной лексике.

В ответ я сказал:

— Михаил Данилович, не думаю, чтобы Эдуард Стрельцов приветствовал бы продажу команды за бесценок. И уж тем более не оценил бы новое название…

Гершкович со мной не согласился. Но в значительно более корректной форме.

Позже Сергей Шустиков говорил: «Торпедо» есть «Торпедо». При чем тут какие-то «Лужники» с черточкой?

Название через год поменяли. То есть вернули старое.

Дмитрий Пасынский из тех, кто зарывает талант в землю. Его своеобразное умение мыслить на бумаге было отмечено самим Филатовым.

Дима по праву считался одним из лучших, если не лучшим, среди молодых футбольных журналистов.

Однако горячее желание руководить заставило Пасынского переквалифицироваться в футбольного чиновника.

В устной речи Пасынский словно наверстывает то, что не успел сделать в редакции. Например, выдает тему: отчет о матче глазами водителя пожарной машины, что завсегда стоит на беговой дорожке. Или — публиковать диалоги с тренерской скамейки. Без купюр.

Пасынский знает то, что творится в футболе. И то, что скрывается за этим понятием. Поэтому он молчит. То есть не пишет. Его советы и наблюдения активно используют коллеги. Я в том числе. Как настоящий творческий человек, Дима не жаден.

В ответ на мою просьбу вспомнить что-нибудь о Стрельцове он незамедлительно, но обстоятельно рассказал следующее:

— Первые профессиональные уроки футбола я получил у Алексея Корнеева, игрока «Спартака» и сборной страны. Мы занимались в Сетуни, стадион «Искра». Однажды, по случаю какого-то праздника, там был устроен матч между мужской командой «Искра» и сборной ветеранов Москвы. Конечно же я сидел на трибуне и смотрел во все глаза.

Так вот, среди ветеранов мне запомнились трое: Маслаченко, Шестернёв и Стрельцов. Маслаченко — сухой, подвижный, подтянутый — заметно выделялся среди товарищей. У тех уже появились животики, двойные подбородки. А Маслаченко был такой… плейбой, хотя этого слова мы тогда еще не знали. На контрасте с ним смотрелся Альберт Шестернёв. У него уже и лысина намечалась, но он руководил всеми и вся, жестом, взглядом, — и его все слушались. Трибуны вздыхали: «Алик… Алик!» Он недавно завершил выступления за ЦСКА. И Стрельцов. Рывка, дриблинга у него уже не было, но зато был фирменный пас пяткой. За игру он отдал три-четыре таких паса, причем два из них прошло. Как сейчас помню, он получал мяч и выдерживал паузу. Кто там набирал ход в свободную зону, он не смотрел. Но пас метров на десять-двенадцать он делал именно тогда, когда было нужно его сделать. Партнер, во-первых, уже был на ходу, но не в офсайде, и, во-вторых, пас был удобен, он шел прямо на ногу. Пас этот сразу отсекал нескольких защитников, он выводил партнера на оперативный простор.

Позже, когда я читал о знаменитом стрельцовском пасе, мне уже объяснять было ничего не надо. Я его видел и запомнил. Поразительно, но на партнера он не смотрел…

Поэт и футбольный журналист Сергей Николаевич Шмитько рассказывает как-то раз:

— Ну вот, смотри, я тогда никому не известный молодой человек, «корреспондент» (это длиннющее слово футбольные люди почему-то любят, выговаривают уверенно, в нем — имя твое и фамилия, пока ты никто), и залезает этот корреспондент, я то есть, в знаменитый торпедовский автобус после домашней игры в Лужниках.

Кто-то меня позвал? Кто-то окликнул? Я кого-то о чем-то спросил и за ответом пролез? Врать не буду, не помню.

А только помню я трепет. Рядом-то кто сидит? Рядом-то не просто люди — имена, кумиры, игрочилы. Для любого тогда просто рядом с ними постоять — событие, счастье на всю жизнь. Валентин Иванов. Валерий Воронин. Витя Шустиков. Да все они, торпедовцы, автозаводцы — это же лучшие игроки Союза… А уж Эдик Стрельцов… Тут и говорить-то нечего! Великий. Любимец. Стрелец.

Вот как бы теперь любой безусый парнишка сделал? Он бы по салону, как по льду, поехал бы, да? Он бы вопросиками зачирикал, как воробушек после дождя. Как вы забили гол? Кому посвящаете победу? Что сказал тренер в перерыве? Сколько планируете забить?

…А я только и углядел, что заслуженные сидят впереди, кто помоложе — сзади, ну и проперся быстрее в хвост, притулился на свободном сиденье. Какие еще вопросы? Ни боже мой. Немота от восторга и ужаса.

Я ведь уже и армию отслужил. Бывал кое-где. Кое-что видел в жизни. Но вот робею и только смотрю, смотрю…

Автобус меж тем не ждет, он едет, автобус-то. Из Лужников вырулил, набережная, река, свернул куда-то, в переулочки. И темнотища кругом. Осень. А матчи тогда в семь часов начинались. Слышу, говорят, едут на базу. А мне-то зачем на базу? Мне-то домой надо.

Да и не пустят на базу. Надо где-то сойти… А где?

Наклоняюсь к соседу, спрашиваю про метро. Парень плечами жмет, не знаю я, говорит, про метро. И спит себе. Я другого, запасного, тихонько спрашиваю: «Мне бы, мол, выйти, желательно, у метро. Не скажете, какая тут поблизости станция?» «Не-а, — сопит, не поворачивая головы, — я не в курсе. А метро мы уже проехали».

Ну, я приуныл, пялюсь в окно, хочу понять, где едем — и не понимаю. И тут… Вижу боковым зрением: поднимается фигура из первых рядов и идет прямо ко мне.

Стрельцов!!! Присаживается спокойненько рядом и объясняет ровным таким голосом, что вот теперь мы едем туда, а потом повернем и если тут,

на повороте, сойти и пойти правее, а там немного свернуть переулочком, то минут через семь аккурат станция метро и будет.

Так он мне это, как родному, рассказывал, что я сразу всё понял. Слез, где сказали, иду к метро, ликую, курю, вспоминая его интонацию, и думаю про себя: «Вот… Ты, Серега, сегодня получил от самого Стрельца пас на выход. Рассказать кому — не поверят. Засмеют. Лучше и не рассказывать».

А дорогу он мне объяснил — тютелька в тютельку.

…Глава близится к завершению. К последней точке. Как не предоставить слова Эдуарду Анатольевичу?

Итак, Эдуард Стрельцов. «Вижу поле». Запись Александра Нилина.

«…Теперь можно сказать, что лучше было бы совсем не играть, чем играть за дубль. И „ахилла“ бы не порвали.

Главное, ведь глупо порвали. Сколько меня прежде ни били на поле, как и всех, впрочем, нападающих, я редко жаловался — судьба. Но в дубле я не был опасным форвардом. Не разжигала меня совершенно игра на таком уровне. Играл без большого азарта…

И вдруг, пожалуйста, играем с дублем московского „Динамо“, и Никулин — защитник, чья грубость никому не в новинку, но здесь-то мог бы, кажется, укротить себя — подкатывается под меня. Да так, что я прямо вскрикнул от боли.

„Ахилл“ — травма из тех, после которых часто и не возвращаются в футбол. А еще вот в таком странном для себя качестве — и без травмы списывают…

Пока лечился — операция, конечно, и прочее — я почти успокоился. Такой уж характер — верю, что хорошее со мной еще случится, хотя сколько раз в этом обманывался.

„Торпедо“ к тому же играло тогда очень средненько. И я поверил, что вернусь и снова придусь ко двору.

Теперь-то я понимаю, что надежды практически не было — и лучше бы мне не возвращаться.

Мне намекали, а я не понимал. Я привык играть в футбол — привык, вернее, жить футболом. И даже про тренерскую работу не хотел слышать. Сгоряча я бы тогда перешел в другую команду и еще бы поиграл. Конечно, правильно, что руководство заводское со всей настойчивостью отговорило меня от такого шага. Мы — те, кто играл в большой футбол, — не себе одним принадлежим. Я многим обязан автозаводу, „Торпедо“, и совершенно правильно, что жизнь моя и дальше оставалась с ними связана.

Я не хотел никому показывать своих переживаний. Держался

неестественно бодро, хотя всё неестественное мне — нож острый… Кузьме, как видно, мое независимое от нынешнего положения в команде поведение, скорее всего, надоело. Он-то в свое время ушел безо всяких, а я вот резину тяну.

За дубль я больше играть не стал. Перед сборами звонил Кузьме: „Мне в Мячково приезжать?“ — „Как хочешь…“

Миша Гершкович единственный спросил: „Зачем ты уходишь, Анатольич?“

Мне приятно было, что именно он, игрок в расцвете лет, не понимает: почему я ухожу, не доиграв…

Но больше мне уже нельзя было оставаться при таком положении.

Я тихо-спокойно, как мне кажется, ушел.

В мире футбола ничего не изменилось без меня. А столько мне всего разного в разные годы было говорено: какой я необыкновенный, как же будет без тебя…

А вот так».

Раньше у стадиона «Торпедо», на заборе, висели жестяные футболистики в разных маечках, согласно командным цветам. Табличка первенства лесенкой такой получалась. После игры тут собирались люди, беседовали, курили, спорили. Фанатов еще не было никаких, и милиция со стадиона людей не торопила.

Мне запомнился спор двух старичков — спартаковца и торпедовца. Первый долго-долго, взахлеб говорил и на забор показывал: «Спартак» стоял куда выше «Торпедо». Второй долго молчал, стряхивал пепел в сторону. И сказал только одно: «Зато у нас есть Стрельцов!» Развернулся и пошел к шашлычной.

Я подавал мячи на матчах дублеров. Тогда на «Торпедо» играли только дублеры и трибуна была только одна.

Иногда нас прогоняли, потому что приходили ребята из торпедовской футбольной школы. Иногда — нет, видимо, они с кем-то играли.

Мы старались отличить и запомнить тех, кто попал сегодня в дубль, но вообще-то играет за основу.

На матче дублеров «Торпедо» и «Динамо» запомнился Ларин. Он бил так сильно, что штанги гудели. Мы в буквальном смысле дрожали и пригибались от ларинских зарядов. Но Стрельцов всё одно бьет сильнее, — утешал себя я.

Мой племянник болеет за «Торпедо».

Иногда мы вместе ходим на стадион, где уже нет жестяных футболистов, но есть две трибуны, подогрев, милиция и фанаты.

Камень на месте будущего памятника Стрельцову заинтересовал племянника.

— А кто это — Стрельцов? Расскажи! — попросил он с настойчивостью десятилетнего человека.

Вот я и рассказываю.

ВАЛЕРИЙ ВОРОНИН

В июне 1984 года поэт и журналист Сергей Шмитько написал о Воронине такие строки:

Похоронили мы Воронина,
Запили горькою Валерия.
Судьба такая проворонена,
Оставшаяся без доверия…

Он на песке Копакабаны,
Чернявый, стройный, молодой,
Не думал, что усталый, пьяный,
Умрет с разбитой головой.

Даже теперь, спустя время, писать о нем трудно, тяжело. Была у него не одна жизнь, а две. Одна белая, красивая. На виду всей страны. А вторая — короткая, черная… В одиночестве.

*

Валерий Иванович Воронин играл легко и красиво, получая удовольствие сам и даря радость людям. Он превосходно разбирался в футболе и должен был стать сильным тренером. Он хорошо владел словом и писал блестящие обзоры в еженедельнике «Футбол», в редколлегию которого входил. Наряду со Львом Яшиным он был самым узнаваемым советским футболистом за границей. Ему рукоплескали стадионы Чили и Испании, Англии и Италии. Сама британская королева вручила Воронину награду — приз зрительских симпатий чемпионата мира 1966 года. Валерий был прекрасно начитан, блестяще владел английским языком, был вхож в театральные круги. Он многое успел в своей недолгой жизни. Но не успел еще больше. И в этом виноват прежде всего сам Валерий Воронин.

Футболист необыкновенного таланта, он был способен сыграть на любой позиции. Чаще всего Валерий играл в центре полузащиты, но мог достойно отработать и в обороне, и в атаке, и персонально по игроку. На

тренировках Воронин иногда становился в воротах и действовал в них не хуже профессиональных вратарей. Красивый человек, он и играл красиво.

Он действительно был красив. Валерия называли Аленом Делоном советского футбола. И не только футбола. По признанию знакомых, Валерий Иванович был модником, любил смотреться в зеркало. И страшная авария, изуродовавшая его лицо, во многом сломала жизнь великому футболисту и сделала ее до обидного короткой. Валерий Воронин не дожил двух месяцев до своего сорокапятилетия.

Первые шаги

Как и многие мальчишки послевоенной Москвы, Лера (именно так называли его в семье) очень любил футбол. Жили Воронины недалеко от Калужской площади, а занимался будущий торпедовец при заводе «Каучук», располагавшемся недалеко — на Воробьевых горах. Вот как описывает первые шаги Воронина основатель журнала «Футбол» Мартын Иванович Мержанов:

«У подножия Ленинских гор, на низинном топком пустыре, который носил название Лужники, дети играли в футбол. Это были мальчики детской команды завода „Каучук“. Среди них был и черноглазый стройный парнишка Лера Воронин. Пришло время, и заводскую площадку снесли. Началось строительство большого стадиона на берегу Москвы-реки.

Детскую команду мальчиков перевели на Красную Пресню. Там были хорошие поля и можно было регулярно не только тренироваться, но и состязаться в матчах. Но Лера не стал ездить на Красную Пресню. Он жил на Калужской, и проезд на Пресню стоил очень дорого. Сначала мать смотрела на эти дальние поездки как на расточительное баловство, а затем „закрыла кредиты“.

Что же делать? Не бросать же футбол! Дешевле всего стоило проехать на автозаводской стадион, где тренировались мальчики „Торпедо“ — всего 30 копеек: туда и обратно. И Лера начал ездить на новый стадион. Там и родился футболист Валерий Воронин».

Сам он любил говорить, что попал в футбол через забор. Перелез через него на тренировку.

В детстве будущий торпедовец симпатизировал московскому «Динамо». Во многом потому, что в первый раз попал на стадион именно на матч с участием «бело-голубых». Муж старшей сестры Валентины был работником органов и заядлым болельщиком «Динамо», вот и взял

подростка на матч. Но Валерий стал торпедовцем. Во многом благодаря знаменитому динамовцу Константину Бескову. Отец Воронина был знаком с Константином Ивановичем, который в 56-м тренировал «Торпедо». Он и привел Валерия за руку в коллектив автозавода. И хотя Иван Воронин был далек от футбола (он трудился в сфере торговли), он понял, что сыну нужно попасть к Бескову. Даром, что Константин Иванович только начинал свою тренерскую карьеру.

Руководимое Бесковым «Торпедо» переживало смену поколений. Совсем молодой Валентин Иванов уже носил капитанскую повязку, уже успела вспыхнуть звезда юного Эдуарда Стрельцова. Оба футболиста прекрасно выступили на Олимпиаде в Мельбурне и только из-за нелепого регламента не получили заслуженные золотые олимпийские медали. Но ветераны роптали на Бескова и в итоге добились снятия молодого тренера. Однако фундамент великой команды был заложен.

Правда, шестнадцатилетний Воронин в ту пору был всего лишь дублером, мечтавшим выходить на поле вместе со Стрельцовым. Мечта эта осуществится очень не скоро. Валерию надо было трудиться и пробиваться в основу. Что он и делал. А заодно играл за юношескую и молодежную сборные СССР, где сразу заявил о себе как о незаурядном мастере. Снова обратимся к Мартыну Мержанову, который едва ли не первым из журналистов разглядел в темноволосом кареглазом парне огромный талант:

«Воронин сразу обратил на себя внимание. Его игра останавливала взгляды не только знатоков, но и любителей, которые больше всего ценили в игре красивый и корректный футбол.

Восемнадцатилетним пареньком он ездил в бельгийский город Гент, где защищал честь нашей юношеской команды. Тогда рядом с ним играли Э. Мудрик, В. Шустиков, И. Численко, О. Сергеев, В. Короленков. Это были „футбольные внуки“ наших ветеранов. Теперь же они возмужали и играют в одной команде, форма которой — красные футболки с буквами СССР на груди.

В 1959 году Валерий Воронин в составе молодежной команды успешно выступал в итальянском городе Казоле-Монферрато в турнире в честь судьи Калигариса, некогда умершего на этом поле во время матча. Это, пожалуй, была его последняя юношеская игра. Он возмужал, стал „футбольным мужчиной“ и играл на равных с известными асами.

Путь к вершинам мастерства лежал по тяжкой дороге, усыпанной терниями. Сначала техника была мачехой, держащей его в постоянном страхе ошибиться. Он работал с мячом в положенные тренировочные часы и игрался с ним в часы досуга. И всё же мяч не слушался, срывался с удара,

не попадал к адресату, отскакивал от ноги и вообще шалил. Его нужно было покорить. И он покорил его после того, как техника стала помощником, другом, союзником, раскрепостившим творчество, открывшим новые игровые горизонты.

Позже появилась техническая уверенность. Она позволила ему владеть мячом, не смотря себе под ноги, а глядя на поле, где в это время происходит быстрое перемещение игроков, на первый взгляд непонятное. Но именно мяч, которым владеет Воронин, и вызывает эти стремительные отрывы от опекунов, выходы на свободное место, просьбы паса, „предложение себя“ к активному действию.

Полузащитник должен дать правильное направление атаке. В этом раскроется его тактическое мышление.

Воронин стал хорошим мастером. Это был период, когда советский футбол стоял на перекрестке различных тактических путей, но постепенно склонялся к новым формам игры, провозглашенным на чемпионате мира в Швеции.

Старый футбол уходил с арены. Вместе с ним покидали поле „старые“ мастера. Но известно, что футбольные концепции обретают полную силу лишь со сменой поколений. Старые формы футбола, наигранные десятилетиями, не сразу уступают свои позиции. Мы это наблюдаем несколько лет.

Воронин сразу принял новый футбол. Он стряхнул с бутс пыль старой игры и стал футболистом нового типа, хавбеком, освобожденным от „держания“ инсайда, ибо амплуа инсайда исчезло. Это в корне изменило функции полузащитника, который стал игроком широкого диапазона, сочетая в себе качества и форвардов, и защитников, то направляя атаку, то организуя оборону».

Признание

Валерий Воронин дебютировал в основе «Торпедо» в роковом для Эдуарда Стрельцова 58-м — провел две неполные встречи. В следующем, 59-м Валерий уже чаще играл в первой команде. А в 60-м, золотом для «черно-белых», Воронин был основным игроком чемпиона страны. Возможно, молодой полузащитник в том сезоне находился в тени Валентина Иванова, Славы Метревели, Бориса Батанова, Геннадия Гусарова, но всё же пара центральных полузащитников Николай Маношин — Валерий Воронин признавалась одной из самых перспективных в нашем

футболе. Два торпедовца со временем должны были заменить в сборной СССР Игоря Нетто и Юрия Войнова.

Валерий быстро прогрессировал — уже осенью он, проводивший свой первый сезон в качестве основного игрока «Торпедо», дебютировал в сборной СССР. И не просто закрепился, а стал ее основным игроком, в отличие от Николая Маношина, так и не заигравшего в главной команде страны. В «Торпедо» Воронин так же быстро стал ключевым игроком. Даже в неудачном для автозаводцев сезоне-62 он выглядел неплохо. А ведь поначалу именно Маношин солировал в этой связке. Он поражал виртуозной работой с мячом, тогда как в юном Воронине ценили работоспособность и старательность. И вряд ли кому удалось заметить, когда именно атлет и работяга превратился в игрока, умеющего абсолютно всё, в универсала без слабых мест. Прекрасный выбор позиции, скорость, культура паса на любую дистанцию, тактический кругозор, поставленный удар с обеих ног. «Воронин не знал, что такое усталость на тренировках… Умел сам готовить себя и регулировать свою спортивную форму». Такие характеристики от Валентина Иванова дорогого стоят.

В том же 1962-м Валерий отправился на свой первый крупный турнир — чемпионат мира в Чили. Но в далекой южноамериканской стране чемпионы Европы выступили неудачно — проиграли в четвертьфинале хозяевам турнира. Воронина после того первенства не критиковали: весь шквал критики обрушился на Льва Яшина. Более того, советского полузащитника включили в символическую сборную мира, единственного из сборной СССР. Но сам Валерий остался недоволен своей игрой. «В Арику я приехал полный сил, контрольные матчи провел с точки зрения физической готовности хорошо, а уже в третьем матче первенства почувствовал, что силы меня оставляют. Матч против сборной Чили доиграл с трудом. Форсирование формы привело к тому, что ее пик быстро прошел».

Кстати, о травле Яшина. Валерий вступился за своего старшего товарища, объяснял, что вины Льва Ивановича в тех злополучных голах нет. И нападки на великого вратаря если не стихли, то пошли на убыль. Двадцатидвухлетний спортсмен пользовался большим авторитетом.

После Чили Валерий Воронин неожиданно превратился в фигуру общественного масштаба. Стране требовались новые герои — красивые, успешные, правильные. Таким и виделся Валерий Воронин. Вскоре он стал одним из самых популярных людей в Союзе, если не самым популярным после первых космонавтов Юрия Гагарина и Германа Титова. С Ворониным дружили актеры, деятели искусства. Кинорежиссер Марлен

Хуциев, увидев Валерия в ресторане Дома кино, понял, какой типаж ему нужен для фильма «Июльский дождь». Существует даже легенда, будто Марлен Мартынович, человек далекий от футбола, приглашал Валерия на главную роль. И только когда молодой человек, сославшись на занятость, отказал режиссеру, Хуциев пригласил на главную роль Александра Белявского. Конечно же, это легенда, хотя и красивая. Но чтобы о тебе сложили легенду, мало быть просто хорошим футболистом.

В 63-м Валерий женился на солистке ансамбля «Березка» Валентине Птицыной. Друзья восхищались — какая красивая пара! Через год родился первенец, Миша. Валерий и Валентина выглядели счастливой четой, а фотографии футболиста с маленьким сыном украшали журналы. Валерий в совершенстве овладел английским языком. Однажды секретарю парткома ЗИЛа Аркадию Вольскому на одном из мероприятий с участием иностранцев не повезло с переводчиком. Валерий, присутствовавший в зале, добровольно взвалил на себя эту роль. А Аркадий Иванович был горд, что в заводской команде выступает такой эрудированный футболист.

Основатель и первый главный редактор журнала «Футбол» Мартын Иванович Мержанов обожал Воронина. Валерий стал завсегдатаем популярного еженедельника — сначала как герой публикаций, а затем как автор и член редколлегии. Во многом из-за Воронина Мержанов ввел традицию определять лучшего футболиста страны. Первым победителем опроса стал, естественно, Валерий. И вторым, в 1965 году, — тоже он.

Талант Валерия был оценен не только в нашей стране. В 64-м Воронин вошел в символическую сборную второго Кубка Европы, а также в десятку лучших футболистов Европы в престижнейшем опросе еженедельника «Франс футбол». И ведь было за что хвалить! В том году обновленное «Торпедо» Виктора Марьенко заняло второе место в чемпионате СССР, уступив тбилисскому «Динамо» только в переигровке, а в следующем, 65-м, стало чемпионом страны.

Но подобная, говоря современным языком, раскрутка в итоге навредила Воронину. В какой-то момент он утратил чувство реальности.

Торпедовцы не были режимщиками. Они умели играть, умели и погулять. И посиделки в элитных ресторанах в богемных компаниях рано или поздно должны были дать знать о себе. Валерий всё чаще начал выпивать. Ранее безупречный и прилежный на тренировках футболист стал свысока смотреть на дисциплину. Мог в компании случайных друзей уехать в Ленинград или Сочи и весело провести там время. Всё чаще красавца-футболиста видели в компаниях различных дам. Всё это не могло нравиться Валентине. И если сочиненный обществом роман с итальянской

киноактрисой Софи Лорен Валентина справедливо восприняла как шутку, то частые исчезновения Валерия и слухи о его мелких победах разрушали некогда счастливую семью. Не остепенился Валерий и после рождения дочери Екатерины.

Высочайшее мастерство еще долго компенсировало не самое трепетное отношение к дисциплине. В середине шестидесятых Валерий Воронин по-прежнему оставался сильнейшим футболистом страны. Более того, многие зарубежные клубы были не прочь пополнить свои ряды русским футболистом. Но это было невозможно в те годы. А бежать за границу было неприемлемо для самого Воронина. Однажды в зарубежной поездке он прокомментировал якобы поступившее приглашение от мадридского «Реала»: «Надо подумать». Это заставило руководителя делегации изрядно понервничать. Возможно, Валерий чувствовал, что играть в чемпионате СССР ему становится скучно, хочется попробовать чего-то нового. Но вряд ли он всерьез расстраивался из-за этого. Тем более что осуществилась его давняя мечта. Вернувшемуся из мест заключения Эдуарду Стрельцову разрешили наконец выступать за «Торпедо», и теперь Валерий мог играть со Стрельцом.

Пеле

В том же 65-м в Москву должны были приехать бразильцы с самим Пеле. Встреча с действующими чемпионами мира вызвала огромный ажиотаж — все билеты в «Лужники» были раскуплены. Валерий Воронин подарил одну контрамарку случайному знакомому из Ленинграда, сказав: «Матч будет скучным, Пеле будет незаметен, потому что его закрою я».

Можно видеть в этих словах бахвальство. Но на самом деле Воронин тщательно готовился к встрече с «королем футбола», изучал финты и хитрости бразильца, даже смотрел киноленты с его игрой. Валерию не терпелось помериться силами с лучшим футболистом планеты, доказать, что он как минимум не слабее.

И вот 4 июля 1965 года сборные СССР и Бразилии сошлись на переполненной Большой спортивной арене «Лужников». Валерий Воронин, словно тень, следовал за Пеле, пытаясь выключить бразильца из игры. Но всё вышло с точностью наоборот. Бразильцы выиграли 3:0, два мяча в составе победителей забил Пеле, переигравший своего опекуна. Валерий же, поглощенный нейтрализацией лидера бразильцев, выпал из созидательной игры.

После игры огорченный Воронин сказал: «Такие люди, как Пеле, вообще не должны играть в футбол. Потому что ему нет равных». Проигранная дуэль больно ударила по самолюбию Валерия. Но не факт, что она сломала его, как кое-кто считает по сию пору. Во-первых, Воронин не стал играть хуже, не впал в депрессию. А во-вторых, в том же 65-м Воронин и Пеле снова встретились на футбольном поле. Матч проходил в Рио-де-Жанейро, на легендарном стадионе «Маракана» при аудитории в 130 тысяч. Воронин уже не стал опекать «короля футбола» персонально — эта миссия была возложена на Валентина Афонина, — а занялся своей привычной работой в центре поля. По ходу встречи сборная СССР проигрывала 0:2 — один из мячей забил опять же Пеле. Но наши сумели отыграться, а Валерий стал одним из лучших на поле. И наконец, некоторый реванш был взят на чемпионате мира 1966 года, где сборная СССР завоевала бронзовые медали, а Валерий Воронин получил из рук королевы Елизаветы II приз «самому элегантному футболисту». На первенстве мира Валерий нейтрализовал венгра Флориана Альберта и португальца Эйсебио, попал в символическую сборную. И мало кто знал, что Николай Петрович Морозов не хотел ставить Воронина в основной состав, что между тренером и игроком существовал конфликт. Но каждый сделал шаг навстречу, и сборная СССР добилась своего наивысшего успеха на чемпионатах мира.

Рассказ о двух матчах против Бразилии будет неполным без впечатлений самого Валерия Ивановича, изложенных на страницах еженедельника «Футбол»:

«Может быть, мы не отдавали себе отчета об истинной силе бразильцев? Не чувствовали их превосходства в технике? Забыли, что именно они дали миру ставшую теперь канонической схему игры? Что, наконец, они двукратные чемпионы мира? Всё это мы помнили. Мы были готовы ко всяким неожиданностям. А самой большой неожиданностью оказался Пеле. Из него уже давно сделали футбольного идола, и мне казалось (а живого Пеле я впервые увидел в этом матче), что его мастерство есть плод фантазии идолопоклонствующих. Как видите, здесь в недооценке главного козыря бразильской команды присутствовал элемент психологизма».

В 1966 году Воронин, казалось бы, достигший зенита славы, оказался вдруг в тени своего одноклубника Эдуарда Стрельцова, триумфально вернувшегося в большой футбол. Валерия это несколько задевало. А в октябре сменился главный редактор еженедельника «Футбол». Вместо обожавшего Воронина (и недолюбливавшего при этом Стрельцова)

Мартына Мержанова газету возглавил Лев Филатов, одинаково хорошо относившийся к обоим футболистам. Стать третий раз подряд лучшим футболистом страны у Валерия не получилось, в опросе «Футбола» победу одержал Эдуард. Будучи человеком добрым, Валерий порадовался успеху товарища. Но ощущение, что прима теперь уже не он, росло с каждым днем. К тому же Воронин всё чаще и чаще пренебрегал режимом, проще говоря — выпивал. Почитатели и поклонницы из мира богемы успешно сбивали его с пути истинного.

Анкета

«1. Какой самый памятный сезон, матч, эпизод в вашей спортивной биографии?

2. Кто самый уважаемый ваш партнер по команде? В командах соперника?

3. Кто ваш самый любимый тренер?»

Вот такие вопросы были предложены выдающимся футболистам — Льву Яшину, Андрею и Александру Старостиным, Альберту Шестернёву, Константину Крижевскому, Игорю Нетто, Василию Трофимову, Всеволоду Боброву, Сергею Ильину… Был в этом ряду и Воронин. Его ответы разительно отличаются от ответов товарищей. Иное у него настроение, иное на душе… Он не говорит ни о сборной СССР, ни о «Торпедо». Нет у него привычного пафоса, мажора. Зато одним предложением выделяет глубину таланта Эдуарда Стрельцова… Ответы остальных заслуженных мастеров схожи: сборная, золото, победы, товарищи, достижения, даты… Ответы Воронина — особняком:

«1. Плохое забывается с трудом. Упорно сохраняются в памяти те годы, которые приносили огорчения. Например, прошедший сезон, хотя, если начистоту, то и он закончился не так уж плохо. Впрочем, самые памятные матчи были для меня настоящим праздником и никогда не забудутся. Это выступления за сборную Европы в Копенгагене против сборной Скандинавии и в Белграде против сборной Югославии. Приятно было выступить в одной команде с Лоу, Чарльтоном, Гривсом, Эйсебио, Аугусто, Поплухаром. Приятно и поучительно. А самое яркое впечатление — общение с нашим „единовременным“ тренером Хельмутом Шёном. Его главное педагогическое оружие — улыбка и шутка. Не забуду, как он блистательно „разоружил“ защитника Гамильтона, чересчур увлекшегося атаками. Шён подошел к нему в раздевалке со словами: „Ради бога,

простите меня, я же не знал, что вы — центрфорвард…“ И лукаво добавил: „Злые языки утверждают, что видели вас даже в офсайде…“ Мы расхохотались, а лицо Гамильтона стало пунцовым.

2. Уважаю партнеров, понимающих тебя без слов. Этим качеством выгодно отличались Иванов, Батанов, Маношин. Было бы превосходно, если бы партнеры научились понимать Стрельцова так же, как он понимает их. Из соперников назову Хурцилаву, Маркарова, Метревели, Численко, Володю Федотова и Володю Мунтяна.

3. Бесков и Маслов».

В анкетах футбольных людей того времени фамилия Воронин звучит постоянно. Это уже не просто игрок, это «символ качества» советского футбола. Лишь Яшин и Воронин играют за сборные Европы и мира, и играют достойно. Основываясь на этом, известный журналист Юрий Ваньят, тоже в анкете, популярном тогда жанре, угадал предстоящую бронзу сборной СССР на чемпионате мира-66.

В футбольном справочнике 1965 года была помещена редкая по тем временам статья французского журналиста Жана Но. Француз восхищается нашим футболом. По нынешним меркам, статья удивительная. Почти без имен: только команды, только коллективы, только задачи и их блестящее выполнение. И вот на этом фоне прорываются два имени… Всего два имени во всей статье! И одно повторяется дважды:

«Иного нельзя ожидать от сыгранного и монолитного коллектива, возглавляемого двумя корифеями советского футбола Валентином Ивановым и Валерием Ворониным. Кстати, пользуюсь случаем, чтобы поздравить В. Воронина с присвоением звания заслуженного мастера спорта».

А вот название у статьи грустноватое, пророческое — «Футбольное раздвоение личности».

В сборной полувека Воронин застолбил за собой место уверенно. Пожалуй, лишь Яшин и Нетто оказались в таком же почете у футбольной общественности. Сборную СССР за 50 лет в 1967 году решили сформировать по тактической схеме 4–2–4. В определении состава приняли участие самые авторитетные футбольные люди страны, такие как Якушин, Филатов, Чулков, Озеров, Кассиль, Товаровский, Аркадьев, Синявский, Н. Старостин, К. Есенин… Было отобрано 56 претендентов.

И вот результат! Сборная СССР за полвека: Л. Яшин — Ал. Старостин, А. Шестернёв, Ф. Селин, Ан. Старостин — В. Воронин, И. Нетто — В. Трофимов, Г. Федотов, В. Бобров, С. Ильин.

В комментарии к списку, в частности, говорилось: «Очень легко было

составить линию полузащиты. И. Нетто и В. Воронин значительно опередили других претендентов (соответственно 14 и 10 голосов). Пожалуй, это звено сборной окажется наиболее сыгранным: Нетто и Воронин неоднократно выступали вместе. Для Игоря Нетто Воронин был последним, четвертым по счету партнером за 13 лет пребывания в сборной».

На 1 августа 1968 года больше всего матчей за сборную провел Лев Яшин — 78. Вторым шел Валерий Воронин — 66.

Авария

По авторитетному свидетельству начальника команды «Торпедо» Юрия Степаненко, Воронин попал под влияние ресторанных друзей где-то в 1962 году. «Им не нужен был Валерка Воронин, им нужен был блеск его имени, чтобы как-то возвыситься самим. Очевидцы рассказывали, что в ресторане ВТО знаменитого футболиста видели рядом с праздношатающимися детишками высокопоставленных лиц».

Косвенно подтверждает эти слова в автобиографической книге и Виктор Михайлович Шустиков, оплот торпедовской обороны:

«Воронин как магнит притягивал к себе людей. У него было огромное количество знакомых и друзей. Причем среди них были люди, представляющие интересный и заманчивый для Валерия мир театра, искусства, журналистики. Он стал своим человеком в спортивной редакции Агентства печати „Новости“, в театре „Современник“, на киностудии „Мосфильм“. К сожалению, как это часто бывает, вокруг знаменитостей больше оказывается мнимых друзей, чем истинных. А дружба обязывала. Она обязывала заслуженного мастера спорта Воронина удовлетворить, так сказать, „документально“ их близость с признанной „звездой“ зеленого поля. А способ для этого существует лишь один — застолье.

Валерий долго и искренне сопротивлялся всевозможным соблазнам, но, увы, он не оказался тем железным человеком, который может без моральных потерь пройти сквозь медные трубы.

И Воронин стал поддаваться натиску всевозможных искушений. Сначала медленно. Постепенно. То, что происходило с ним в шестьдесят шестом, шестьдесят седьмом годах, видели в ту пору только мы, игроки „Торпедо“. Видели, но делали вид, что не видим».

Существовали проблемы и творческого, футбольного свойства. Многие тренеры — и в «Торпедо», и в сборной — видели в Воронине

прежде всего разрушителя, великолепного, надежного оборонца.

— Понимаешь, требуют от меня то одного, то другого прикрывать и дальше чтоб ни с места. Я говорю, успею и прикрыть, но разрешите идти вперед, атаковать, помогать передней линии. Нет, боятся!

От такого футбола Воронин стал уставать. Как подметил Эдуард Стрельцов, он выглядел опустошенным.

Все-таки он был творцом, а не разрушителем.

Хорошо понимали специфику таланта Валерия Константин Иванович Бесков и Виктор Александрович Маслов. Да и Андрей Петрович Старостин еще в 1960 году точнехонько углядел его амплуа:

«Превосходными транзитными пунктами между защитой и нападением являются оба полузащитника — Н. Маношин и В. Воронин. Разные по внешнему рисунку игры, они, слившись воедино, составляют тот неиссякаемый источник, откуда команда черпает всё новые и новые силы для атаки».

Тренер Виктор Марьенко хотел решить все проблемы с Валерием тихо, не вынося сор из избы. Не получалось. К тому же летом 67-го Виктора Семеновича сняли. На его место пришел Николай Морозов, с которым Воронин «побил горшки» еще в сборной. Во многом Валерий был инициатором скорой отставки Морозова и замены его на только что закончившего выступления Валентина Иванова. Воронин, как давний приятель и партнер Валентина Козьмича, обещал молодому тренеру всестороннюю поддержку, но сдержать слово у него не получилось: мог запросто подвести команду, укатив со знакомой в Сочи накануне важного матча. Валентин Козьмич пытался навести порядок в команде, и это ему удавалось. Так, он, не дрогнув, отчислил талантливого нападающего Владимира Щербакова. Но одно дело Щербаков, а другое — Воронин, с которым Иванов провел столько матчей на всех уровнях. Воронина вызывали на партком ЗИЛа, но, как вспоминал Аркадий Иванович Вольский, «рука не поднималась наказывать того, кто сделал „Торпедо“ одной из сильнейших команд страны».

На футбольном поле Воронин по-прежнему смотрелся неплохо: мастерство в один момент не пропьешь. Но даже с трибун было заметно, что футбол не приносит ему былого удовольствия.

К чемпионату Европы 1968 года сборную готовил новый тренер — Михаил Якушин. Михаил Иосифович высоко ценил талант Воронина, но при этом не терпел ни непослушания, ни нарушений дисциплины. И трения с Валерием были неизбежны.

Путь в финальную часть чемпионата Европы лежал через

двухраундовое противостояние со сборной Венгрии. В Будапеште наша сборная проиграла 0:2. Через неделю нужно было побеждать с более крупным счетом. Воронин отыграл матч прекрасно. Еще через неделю он сыграл в отборочном матче Олимпиады против чехов. Наши выиграли 3:2, и Михаил Якушин остался доволен игрой торпедовца. А через несколько дней Михаил Иосифович выгнал Воронина из сборной.

Вот как описывает случившееся Александр Нилин в книге «Валерий Воронин. Несвоевременная звезда»:

«Из Вишняков исчезли трое футболистов — и Воронин в том числе. Нарушение режима столь беспрецедентное, что Якушин с начальником команды Андреем Старостиным, когда штрафники прямо накануне матча явились (Воронин, оказалось, никуда и не уезжал, а на чердаке выпивал с кем-то из обслуживающего персонала), засомневались: а стоит ли сообщать наверх о случившемся? Если проиграют, неприятностей не миновать, вне зависимости от того, как вели себя лучшие игроки на сборе. Андрей Петрович, как неисправимый романтик, предположил, что виноватые захотят смыть вину кровью. И не ошибся. Сыграли на подъеме. Спад наступил через несколько дней. И способы борьбы с ним, предложенные Ворониным, на этот раз не нашли в Якушине никакого понимания. Он прогнал Валерия со сборов. И скорее всего зря — все равно вряд ли отчисление было окончательным. Зная о дальнейшем, думаешь: уж лучше бы он оставался на сборах, под присмотром… Но и через годы Воронин на Якушина обиды не держал, да и Якушина, насколько знаю, совесть за тогдашнее решение не мучила. При мне — лет через пять — они встретились на малом стадионе „Динамо“, на игре дублей. Воронин вместе с Численко сидел через ряд от Михаила Иосифовича, и Валерий сказал: „Привет от хулиганов“. Якушин отечески им улыбнулся: „Взаимный — от бывшего“».

Никто не мог догадаться тогда, что отчисление Воронина из сборной приведет к столь трагическим последствиям. Через несколько дней Валерий угодил в страшную автокатастрофу. Заснул за рулем своей черной «Волги» и врезался в шедший по встречной полосе автокран. Только незакрепленное сиденье спасло жизнь футболисту.

Последствия майской подмосковной аварии 1968 года оказались ужасными. Врачи вытащили Воронина с того света — он пережил клиническую смерть, перенес несколько операций. Лицо было изуродовано так, что его с трудом узнавали знакомые.

«Не только лица было не узнать, но и внутренне стал другим — ушел в себя. Там ведь жуть, что было. Заснул, попал под МАЗ, перевернулся раза

четыре и опять встал на колеса. Экспертиза не нашла алкоголя. Просто переутомился. Удар пришелся в голову, но и ребра все переломал и конечности. Первым в больницу Иванов примчался. Рассказывал, что Валера был весь перебинтован, как мумия, и дышал через трубку», — вспоминает Виктор Шустиков.

После этой аварии Валерий смог вернуться в футбол. Во втором круге чемпионата 1969 года он сыграл несколько матчей и даже забил два мяча. Один — «Пахтакору» головой, а второй со штрафного — самому Яшину. Ходили слухи, что Лев Иванович специально пропустил этот мяч, хотел таким образом помочь Валерию обрести себя и вернуться в футбол. Но не получилось. Не доиграв до тридцати, Валерий Воронин завершил карьеру игрока и окунулся в новую жизнь, жесткую и безжалостную.

Валерия устроили на ЗИЛ — тренировать рабочую команду. Но вряд ли о такой работе он мечтал когда-то. Воронин стал пить еще сильнее. Жена не выдержала и ушла. Некогда многочисленные поклонницы отвернулись, исчезли: им нужен был знаменитый футболист, красавец, а не уставший от жизни, пьющий человек с изуродованным лицом. Конечно, друзья помогали Валерию Ивановичу. Но что они могли, если человек сам на себя махнул рукой?

Короткий диалог тех лет Виктора Шустикова и Николая Маношина:

— Ты его видишь?

— Да, вижу. Мы ведь живем рядом. Да лучше б не видеть…

— Всё так же?

— К сожалению.

Чем они могли помочь, бывшие партнеры?

Владимир Юрин, капитан «Торпедо» 1976 года, вспоминал:

— Жили с ним по соседству. Увидит, подойдет, займет трешку… Однажды я не выдержал, говорю: «Вот червонец, держи, но больше ко мне не подходи…»

Корит себя Юрин за эти слова? Наверное, корит…

Некий просвет в жизни великого мастера появился после знакомства с работницей ЗИЛа, некоей Марией Трофимовной. Фамилию этой женщины история не сохранила. Женщина, которая была старше Валерия Ивановича на несколько лет, сначала заботилась о футболисте, а затем стала его женой. Пить Воронин стал меньше, в нем проснулся интерес к жизни и к футболу. Он возобновил сотрудничество с журналом «Футбол-Хоккей», писал комментарии. Но Мария Трофимовна скоропостижно умерла, и Валерий Иванович снова оказался один.

Вопреки расхожему мнению, он не стал ни бомжом, ни вконец

опустившимся человеком. Пил сильно, бедствовал, но человеческого облика не терял. Лечился и снова срывался. На футбол его уже не всегда пускали, милиционеры не узнавали в подвыпившем человеке красавца-брюнета, которому рукоплескали стадионы.

Парадокс? Или ужас?! Попасть на прощальный матч Льва Ивановича Яшина Воронину помог … тренер сборной ФРГ Гельмут Шён… «Он увидел отца из автобуса, подбежал, обнял, расцеловал и, кажется, накричал на контролеров, провел на трибуну. В тот вечер отец пришел домой очень поздно, навеселе, но очень счастливый, — вспоминал сын Михаил. — Он сиял, он буквально расцвел, он готов был горы свернуть».

Но эпизоды оставались эпизодами, а одинокий, оказавшийся никому не нужным человек доживал свой век.

Он недотянул двух месяцев до своего сорокапятилетия. 9 мая Валерия Ивановича нашли без сознания у Варшавских бань. Пролежав в коме чуть менее двух недель, великий футболист умер.

Вот как рассказывает о последних днях Валерия Воронина известный литератор Федор Раззаков в книге «Звездные трагедии»:

«В последние годы своей жизни Воронин буквально предчувствовал, что его ждет трагический уход. Не зря он часто повторял своим друзьям: „Я, как Володя Высоцкий, умру рано, ненамного его переживу“. Очевидцы утверждают, что в последние годы жизни вокруг Воронина постоянно крутились какие-то подозрительные личности. Вот и накануне трагедии в „Лужники“ заехали какие-то веселые кавказцы. Юрий Степаненко спросил: „Валера, ты их знаешь хорошо?“ Тот рассмеялся и ответил утвердительно. Они все вместе уехали на „Волге“. А на следующий день, 9 мая 1984 года, в 8.15 утра Валерия Воронина нашли с разбитым черепом рядом с Варшавскими банями у проезжей части автодороги. Врачи предприняли всё возможное, чтобы спасти его, но все их попытки были безрезультатны: 21 мая Воронин скончался. Степаненко честил себя за то, что не подумал запомнить номер той „Волги“. Дело было закрыто из-за отсутствия улик и подозреваемых».

Николай Васильев, нападающий автозаводцев конца 1970-х — начала 1980-х годов, вспоминал:

«Это случилось незадолго до гибели Валерия Ивановича. У меня был день рождения. По существовавшей тогда в команде традиции Валентин Козьмич построил на поле всю команду, поздравил меня и вручил от имени завода и руководства клуба подарок. На стадионе был и Воронин. Вечером того же дня отмечали праздник дома в кругу семьи. Время было позднее — часов, наверное, двенадцать ночи. Вдруг — звонок в дверь. Подхожу.

Смотрю в глазок и вижу — Воронин. Открываю дверь и замечаю в темноте лестничной клетки еще три-четыре фигуры. „Колёк, — весело воскликнул Воронин, — поздравляю тебя! Ну и все такое прочее“. Он был уже навеселе. Делая вид, что ничего не замечаю, бодро говорю ему: „Валерий Иванович, заходите, самым дорогим гостем будете!“ А он вдруг жестко, сощурив свои красивые глаза, сказал: „Не, Колёк, поздно. Всё поздно. Понимаешь, для меня всё поздно“.

И, повернувшись, стал тихо, как-то неуверенно ступая, спускаться по лестнице, а за ним его спутники. Дверь в квартиру я закрыл только тогда, когда хлопнула парадная».

…Смерть Валерия Воронина, вопреки некоторым утверждениям, не осталась незамеченной. Похороны на Даниловском кладбище собрали немало людей — и тех, кто играл с Валерием Ивановичем, и тех, кто восторгался его игрой. Еженедельник «Футбол-Хоккей» посвятил своему автору и бывшему члену редколлегии целую полосу. Вот выдержка из некролога:

«У него было имя не просто в команде, даже не в сборной. У него было имя в футболе. На пляжах Копакабаны бразильские мальчишки играли в Воронина. Он был красив и строен, как матадор. А на тренировках и в игре трудился, как каменотес. Футбольные обозреватели всего мира восхищались его искусством владения мячом. Он прожил в футболе жизнь великого игрока. Пришедшее ему на смену поколение видело в заслуженном мастере спорта Воронине образец для подражания на поле».

Валентин Козьмич Иванов сказал о нем коротко и емко: «Он видел вперед на сто ходов и сто метров».

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

Якушин Михаил Иосифович (2 (15) ноября 1910 — 3 февраля 1997)

Правый полусредний нападающий. Тренер. Заслуженный мастер спорта (1940), заслуженный тренер СССР (1957). В «Динамо» Москва с 1933 по 1944 год. В чемпионатах СССР провел 87 матчей, забил 40 голов. В чемпионате 1941 года — 7 матчей, 3 гола. Чемпион СССР 1936 (весна), 1937, 1940 годов. Обладатель Кубка СССР 1937 года. Капитан «Динамо» в 1939–1941 годах. В сборной Москвы — в 1934–1940 годах.

Под руководством Якушина «Динамо» совершило триумфальную поездку в Англию в 1945 году.

Главный тренер «Динамо» в 1944–1950, 1953–1960 годах, «Динамо» Тбилиси — в 1950–1953, 1962–1964, 1974–1975 годах, «Пахтакора» Ташкент — в 1965–1966, 1969–1970 годах, «Локомотива» Москва — в 1973 году (по май). Главный тренер сборной СССР в 1959, 1967–1968 годах. Под руководством Якушина столичное «Динамо» выигрывало золотые медали чемпионата СССР шесть раз.

Непревзойденный организатор, теоретик и практик футбола, выдающийся тренер, талантливый игрок. Великолепно играл в хоккей с мячом, был одним из пионеров хоккея с шайбой. Награжден орденами Трудового Красного Знамени (1957) и Дружбы народов (1996).

Старостин Андрей Петрович (9 (22) октября 1906 — 24 октября 1987)

Центральный защитник и полузащитник. Заслуженный мастер спорта (1940). В «Спартаке» с 1935 по 1941 год. В чемпионатах СССР провел 93 матча, забил 4 гола. Чемпион СССР 1936 (осень), 1938, 1939 годов. Обладатель Кубка СССР 1938, 1939 годов. Капитан «Спартака» в 1938–1941 годах. В сборной Москвы — в 1933–1940 годах.

Один из лучших футболистов довоенной поры. Отличался игровым азартом, тактическим чутьем. Обладал всеми качествами лидера. Пользовался большим авторитетом в спортивном мире.

Начальник сборной СССР в 1960–1964, 1968–1970 годах. Заместитель председателя Федерации футбола СССР в 1961–1964 годах. Председатель

тренерского совета Федерации футбола СССР в 1967–1987 годах. Заведующий отделом спортигр ЦС «Спартака» в 1969–1987 годах. Вошел в символическую сборную СССР за 50 лет (1967). Награжден орденами «Знак Почета» (1937), Дружбы народов (1980).

Федотов Григорий Иванович (29 марта (11 апреля) 1916 — 8 декабря 1957)

Центральный и левый крайний нападающий. Заслуженный мастер спорта (1940). Начал играть в 1928 году в поселке Глухово в детской команде фабрики «Красное знамя». В СиМе и «Металлурге» Москва — в 1934–1937, в ЦДКА — в 1938–1949 годах. В чемпионатах СССР провел 163 матча, забил 129 голов. Чемпион СССР 1946, 1947, 1948 годов. Обладатель Кубка СССР 1945, 1948 годов. Капитан ЦДКА в 1942–1947 годах. Лучший бомбардир ЦДКА в чемпионатах СССР. Выдающийся нападающий, самородок. В нем сочетались спортивная культура, высокая техника, мощный рывок. Удар с лета был признан эталонным. Первый футболист, забивший 100 голов в чемпионатах СССР (1948). В 1967 году учрежден «Клуб Григория Федотова», в который входят футболисты, забившие 100 и более мячей. Вошел в символическую сборную СССР за 50 лет (1967). Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1957).

Бесков Константин Иванович (18 ноября 1920 — 6 мая 2006)

Центральный и левый полусредний нападающий. Тренер. Заслуженный мастер спорта (1948), заслуженный тренер СССР (1968). В «Динамо» Москва в 1941–1954 годах. В чемпионатах СССР провел 231 матч, забил 104 гола. Чемпион СССР 1945, 1949 годов. Обладатель Кубка СССР 1953 года. Капитан «Динамо» в 1950–1951 годах. Игрок исключительного комбинационного дарования. Главный тренер команд «Торпедо» Москва (1956), ЦСКА (1961–1962), «Заря» Луганск (1965), «Локомотив» (1966), «Динамо» (1967–1972, 1994–1995), «Спартак» (1977–1988), «Асмарал» (1991–1992). Главный тренер сборной СССР в 1963–1964, 1974, 1979–1982 годах. Старший тренер ФШМ в 1957–1960 годах. Под руководством Бескова «Спартак» стал чемпионом СССР в 1979 и 1987 годах. Выдающийся тренер-практик, воспитавший многих незаурядных футболистов, создатель собственного тренерского направления. Награжден

орденами Ленина (1985), «Знак Почета» (1957, 1971), Дружбы народов (1980), Отечественной войны 2-й степени (1985), «За заслуги перед Отечеством» 3-й степени (1995).

Бобров Всеволод Михайлович (1 декабря 1922 — 1 июля 1979)

Центральный и полусредний нападающий. Тренер. Заслуженный мастер спорта (1948), заслуженный тренер СССР (1967). Начал играть в 1936 году в Сестрорецке, в юношеской команде завода им. С. В. Воскова, затем в клубной команде «Динамо» Ленинград, команде завода «Прогресс» Омск, команде военно-интендантского училища Омска, команде авиаучилища в Москве. В ЦДКА — в 1945–1949 годах, в ВВС — в 1950–1953 годах, в «Спартаке» — в 1953 году, с июля. В чемпионатах СССР провел 114 матчей, забил 99 голов. Чемпион СССР 1946, 1947, 1948 годов. Обладатель Кубка СССР 1945 и 1948 годов. Выдающийся советский футболист и хоккеист, умевший на поле абсолютно всё. Исключительный, единственный в своем роде талант, самородок. Единственный спортсмен в стране, кто был капитаном сборной по футболу и по хоккею. Чемпион мира и Олимпийских игр по хоккею с шайбой. Вошел в символическую футбольную сборную СССР за 50 лет (1967). Руководил хоккейной сборной СССР в знаменитой серии 1972 года против канадских профессионалов. Награжден орденом Ленина (1957).

Симонян Никита Павлович (род. 12 октября 1926)

Центральный нападающий. Тренер. Заслуженный мастер спорта (1954). Заслуженный тренер СССР (1970). Начал играть в 1940 году в Сухуми. В «Крыльях Советов» Москва — в 1946–1948 годах. В «Спартаке» — в 1949–1959 годах. В чемпионатах СССР провел 285 матчей, забил 142 гола. Чемпион СССР 1952, 1953, 1956, 1958 годов. Обладатель Кубка СССР 1950, 1958 годов. Капитан «Спартака» в 1953–1954, 1959 годах. Лучший бомбардир «Спартака» в чемпионатах СССР (133 гола). В сборной СССР провел 20 матчей, забил 10 голов. Чемпион Олимпийских игр-56, участник чемпионата мира-58.

Главный тренер «Спартака» в 1960–1965, 1967–1972 годах, «Арарата» Ереван в 1973–1974, 1984–1985 годах, «Черноморца» Одесса в 1980–1981 годах. Главный тренер сборной СССР в 1977–1979 годах, начальник

сборной СССР в 1986–1990 годах. Под руководством Симоняна «Спартак» стал чемпионом СССР в 1962 и 1969 годах, обладателем Кубка страны в 1963, 1965, 1971 годах. В 1973 году чемпионом СССР и обладателем Кубка стал возглавляемый им «Арарат». На различных административных должностях в Федерации футбола СССР — с 1982 года, с 1992-го — первый вице-президент РФС. Награжден орденами Трудового Красного Знамени (1957), «Знак Почета» (1971), Дружбы народов (1995). Кавалер Олимпийского ордена МОК (1996).

Яшин Лев Иванович (22 октября 1929 — 20 марта 1990)

Вратарь. Заслуженный мастер спорта (1957). Начал играть в Тушине, в заводской команде, затем в молодежной команде «Динамо» — с 1948 года. В «Динамо» Москва — в 1950–1970-х годах. Провел 326 матчей в чемпионатах страны. Чемпион СССР 1954, 1955,1957,1959, 1963 годов. Обладатель Кубка СССР 1953, 1967, 1970 годов.

За сборную СССР провел 74 матча (1954–1967). Победитель Кубка Европы (1960), второй призер чемпионата Европы (1964), чемпион Олимпийских игр-56, полуфиналист чемпионата мира-66. Участник чемпионатов мира (1958, 1962). Капитан сборной СССР в 1966 году. Обладатель «Золотого мяча» 1963 года. Участник матчей сборной мира (ФИФА). Лучший вратарь СССР за все времена, самый популярный футболист СССР за рубежом. Непревзойденный голкипер. Имя Яшина навсегда вошло в мировую футбольную историю.

27 мая 1971 года на стадионе «Динамо» был проведен прощальный матч Льва Яшина: сборная «Динамо» — сборная звезд мирового футбола — 2:2.

Начальник команды «Динамо» в 1971–1975 годах. Заместитель председателя Федерации футбола СССР в 1981–1989 годах. Обладатель Олимпийского ордена МОК (1985), награды ФИФА «Золотой орден за заслуги» (1988). Герой Социалистического Труда (1990). Награжден орденами Ленина (1960, 1990), Трудового Красного Знамени (1957, 1971). Приз имени Яшина вручается ФИФА совместно с РФС с 1994 года — лучшему вратарю чемпионата мира. Вошел в символическую сборную СССР за 50 лет (1967). Преданность делу, высокое мастерство, человеческие качества снискали ему поистине всенародную любовь.

Нетто Игорь Александрович (9 января 1930 — 30 марта 1999)

Полузащитник. Заслуженный мастер спорта (1954). Начал играть в 1944 году в юношеской команде стадиона Юных пионеров. В «Спартаке» — в 1948–1966 годах. В чемпионатах СССР провел 367 матчей, забил 37 голов. Чемпион страны 1952, 1953, 1956, 1958, 1962 годов. Обладатель Кубка СССР 1950, 1958, 1963 годов. За сборную СССР провел 54 матча, забил 4 гола. Капитан сборной СССР в 1954–1963 годах. Победитель Кубка Европы (1960), чемпион Олимпийских игр-56, участник чемпионатов мира 1958, 1962 годов, Олимпийских игр-52. Выдающийся мастер советского футбола. Выделялся хорошей скоростной техникой, тонким знанием игры, обладал ярко выраженными лидерскими качествами. Многолетний капитан «Спартака» и сборной СССР.

Главный тренер «Нефтчи» Баку в 1979 году, «Шинника» Ярославль в 1968 году, «Омонии» Кипр в 1967 году, сборной Ирана в 1970–1971 годах, «Панионриса» Греция в 1977–1978 годах. В 1973–1975 годах входил в тренерский штаб московского «Спартака». Начальник команды ветеранов сборной СССР и России в 1991–1993 годах. В 1971–1972,1976, 1979–1990 годах тренер школы «Спартака». Вошел в символическую сборную СССР за 50 лет (1967). Награжден орденом Ленина (1957), орденом Дружбы народов (1995).

Иванов Валентин Козьмич (19 ноября 1934 — 8 ноября 2011)

Правый полусредний и центральный нападающий. Заслуженный мастер спорта (1957). Заслуженный тренер СССР (1988). Начал играть в 1950 году в юношеской клубной команде «Крылья Советов» Москва. В «Торпедо» Москва — в 1952–1966 годах. В чемпионатах страны провел 287 матчей, забил 124 гола. Чемпион СССР 1960, 1965 годов. Обладатель Кубка СССР 1960 года. Капитан «Торпедо» в 1956–1965 годах. За сборную СССР провел 59 матчей, забил 26 голов (1955–1965). Обладатель Кубка Европы (1960), чемпион Олимпийских игр-56, участник чемпионатов мира 1958, 1962 годов, финалист чемпионата Европы 1964 года. Капитан сборной СССР в 1963–1965 годах. Один из лучших форвардов страны за все годы. Выделялся высокой стартовой скоростью, широким диапазоном действий, прекрасным видением поля. Обладал непререкаемым авторитетом в «Торпедо». Главный тренер «Торпедо» в 1967–1970, 1973–1978, 1980–1991,

1994–1996, 1998 годах. Под руководством Иванова «Торпедо» стало чемпионом страны в 1976 году (осень). Выиграло Кубок СССР в 1968, 1972, 1986 годах. Главный тренер «Ража Касабланка» Марокко в 1992–1993 годах, «Асмарала» Москва в 1994 году. Награжден орденами «Знак Почета» (1960, 1997), Рубиновым орденом ФИФА «За заслуги» (2004).

Стрельцов Эдуард Анатольевич (21 июля 1937 — 22 июля 1990)

Центральный нападающий. Заслуженный мастер спорта (1967). Начал играть в 1951 году в юношеской команде завода «Фрезер», затем в юношеской команде «Торпедо» Москва. В «Торпедо» — в 1954–1958 (по май), 1965–1970 годах. В чемпионатах СССР провел 222 матча, забил 100 голов. Чемпион СССР 1965 года. Обладатель Кубка СССР 1968 года. В сборной СССР провел 38 матчей, забил 25 голов (1955–1958, 1966–1968). Чемпион Олимпийских игр-56 (4 матча, 2 гола). Участник отборочных матчей чемпионата мира 1958 года, чемпионата Европы 1968 года, Олимпийских игр-68. Лучший футболист страны 1967, 1968 годов. Выдающийся мастер отечественного футбола. Наряду с Бобровым и Федотовым, форвард — уникум, самородок. По мнению многих специалистов, самый талантливый нападающий СССР середины 1950–1960-х годов. Его карьера состояла из двух, оторванных друг от друга, периодов. Славу грозного бомбардира он получил уже в 17 лет. В паре с В. Ивановым они могли переиграть любую защиту. После возвращения в футбол к бомбардирским качествам добавились феноменальная игровая интуиция, фирменный пас пяткой, исключительное ви́дение поля. Один из самых популярных футболистов страны. Тренер школы «Торпедо» в 1971–1990 годах. Награжден орденом «Знак Почета» (1957).

Воронин Валерий Иванович (17 июля 1939 — 22 мая 1984)

Полузащитник и центральный защитник. Заслуженный мастер спорта (1964). Начал играть в 1952 году в Москве, в детской команде завода «Каучук», затем в юношеской команде «Торпедо» и ФШМ. В «Торпедо» Москва — в 1956–1969 годах. В чемпионатах СССР провел 219 матчей, забил 26 голов. Чемпион СССР 1960, 1965 годов. Обладатель Кубка страны 1960 года. Капитан «Торпедо» в 1965, 1967 годах. В сборной СССР провел 66 матчей, забил 5 голов (1960–1968). Полуфиналист чемпионата мира-66,

финалист Кубка Европы-64, участник чемпионата мира 1962 года, отборочных матчей чемпионата Европы 1968 года и Олимпийских игр-68. Капитан сборной СССР в 1965 году. Лучший футболист страны в 1964, 1965 годах. Вошел в символическую сборную СССР за 50 лет (1967). Выдающийся мастер отечественного футбола. Атлетически сложенный, элегантный, работоспособный, он выделялся большим диапазоном действий, широким тактическим кругозором. Отлично справлялся с любыми игровыми задачами. Был одним из самых популярных футболистов страны в 1960-х годах.

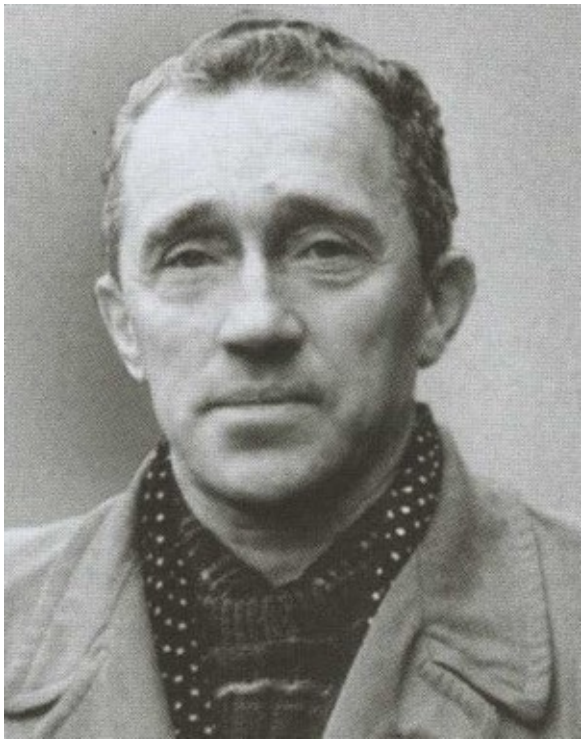
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Кубок СССР по футболу

Федор Селин

Борис Аркадьев

Михаил Якушин и Всеволод Блинков на стадионе «Динамо». Фото А. Бочинина

Михаил Иосифович Якушин — тренер

Братья Старостины в форме московского «Спартака». Слева направо: Николай, Андрей, Петр, Александр

Андрей Петрович Старостин и его жена, актриса и певица Ольга Николаевна Кононова. Фото сделано во время отбывания А. П. Старостиным срока в Норлаге

Андрей Старостин, Лев Яшин и Игорь Нетто с Кубком Европы. 1960 г.

Григорий Федотов (слева) наносит удар головой

Григорий Федотов. Фото А. Бочинина

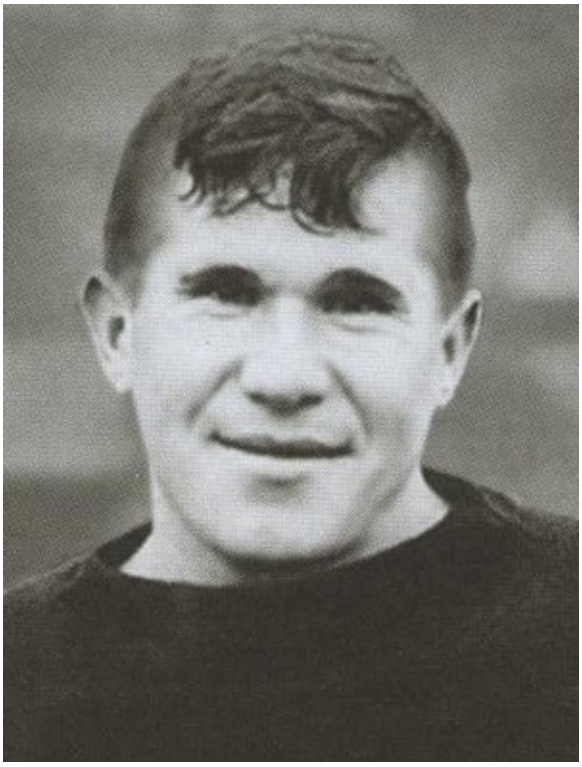
Григорий Федотов (ЦДКА) — слева, и Александр Пономарев («Торпедо»). Приветствие капитанов перед началом матча

Константин Бесков подает угловой

Петр Дементьев

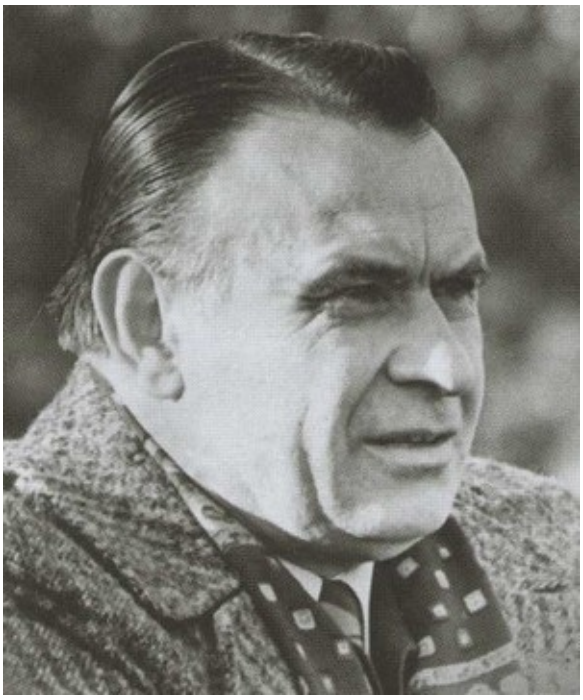
Алексей Хомич

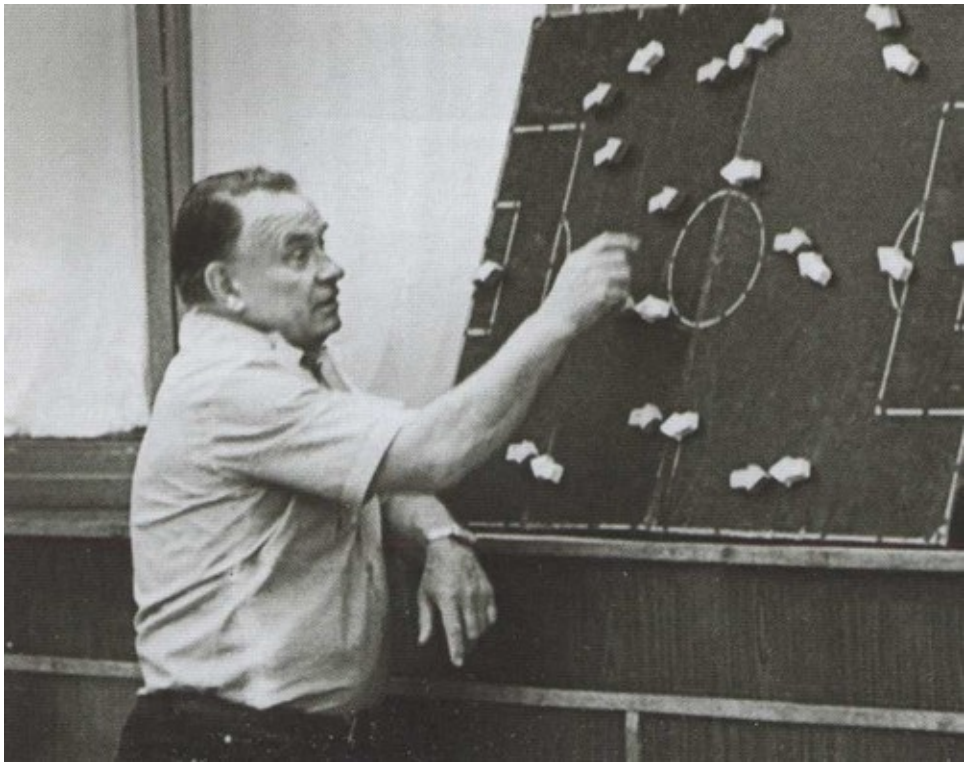
В борьбе за мяч Константин Бесков (слева) и Юрий Седов

Капитан московского «Динамо» Михаил Семичастный прерывает атаку «Глазго Рейнджерс». Глазго, 28 ноября 1945 г.

Константин Иванович Бесков

Во время своих знаменитых теоретических занятий

Всеволод Михайлович Бобров. Фото В. Ганчука

Бобров — хоккеист

Константин Бесков и Всеволод Бобров. Лондон, 1945 г.

Бобров — футболист

Всеволод Бобров в атаке

Цветы от капитана

Тренер сборной СССР по хоккею Всеволод Михайлович Бобров проводит теоретическое занятие

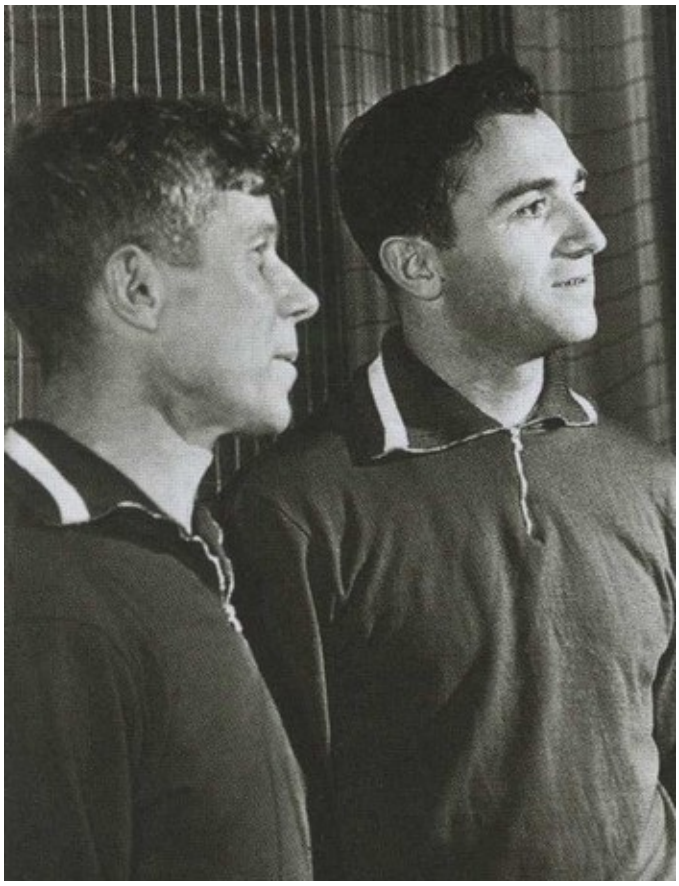
В. М. Бобров вручает приз имени Г. И. Федотова Игорю Нетто. «Спартак» забил больше всех мячей в чемпионате. 1958 г.

Памятник В. М. Боброву в городе Сестрорецке под Санкт-Петербургом

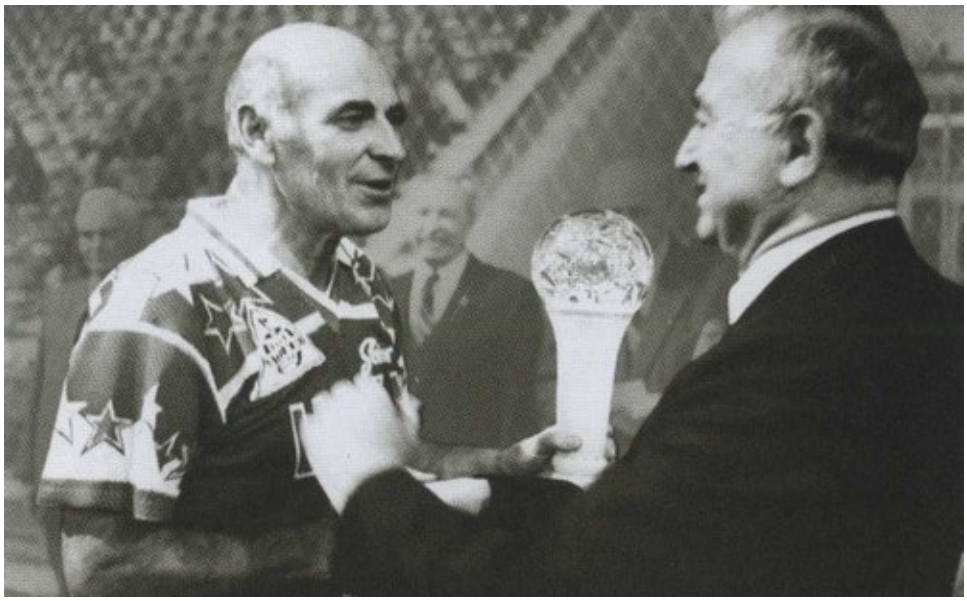
Всеволод Бобров выводит команду на очередной матч. 1952 г.

Никита Симонян (справа)

Никита Симонян («Спартак») — справа, с мячом, и Алексей Анисимов («Торпедо»)

Никита Павлович Симонян (справа) и Валентин Бубукин. Фото В. Ганчука

Легенды отечественного футбола. На трибуне стадиона Никита

Павлович Симонян, Константин Иванович Бесков, Лев Иванович Яшин

Лев Яшин с Кубком СССР по футболу

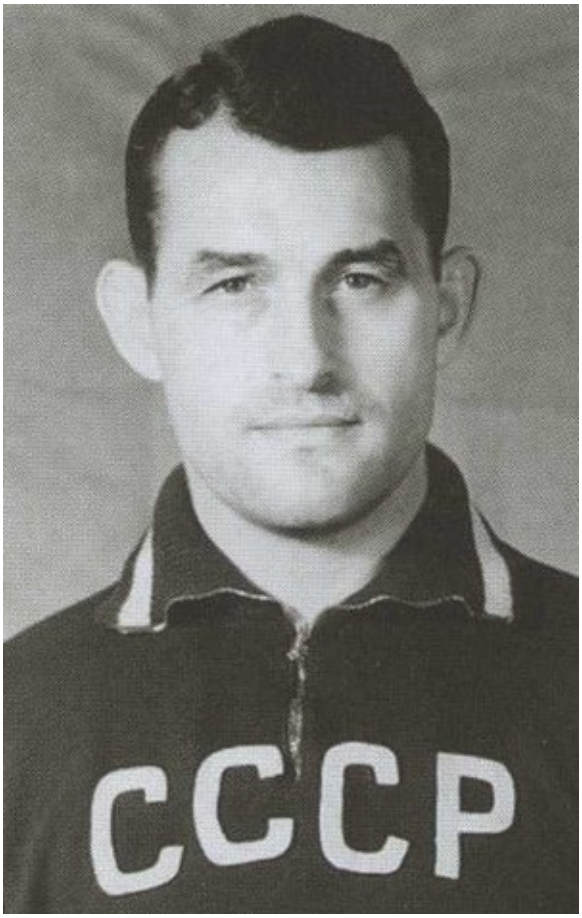
В воротах — Лев Яшин. Игровые моменты различных матчей за сборную СССР и родной клуб

На скамейке труднее, чем в воротах

Лев Яшин

Сергей Сальников

Гавриил Дмитриевич Качалин

Сборная СССР — сборная Англии — 1:1. Центральный стадион им. В. И. Ленина. 18 мая 1958 г.

Абрам Христофорович Дангулов

Ольга Яковлева, жена И. А. Нетто

С мячом Игорь Нетто

Валентин Иванов перед началом отборочного матча к чемпионату мира со сборной Польши. Польша, Хожув. 20 октября 1957 г. Фото Э. Варминьски

Прорыв Валентина Иванова

Валентин Козьмич Иванов — тренер

В атаке Эдуард Стрельцов (№ 8) и Михаил Гершкович

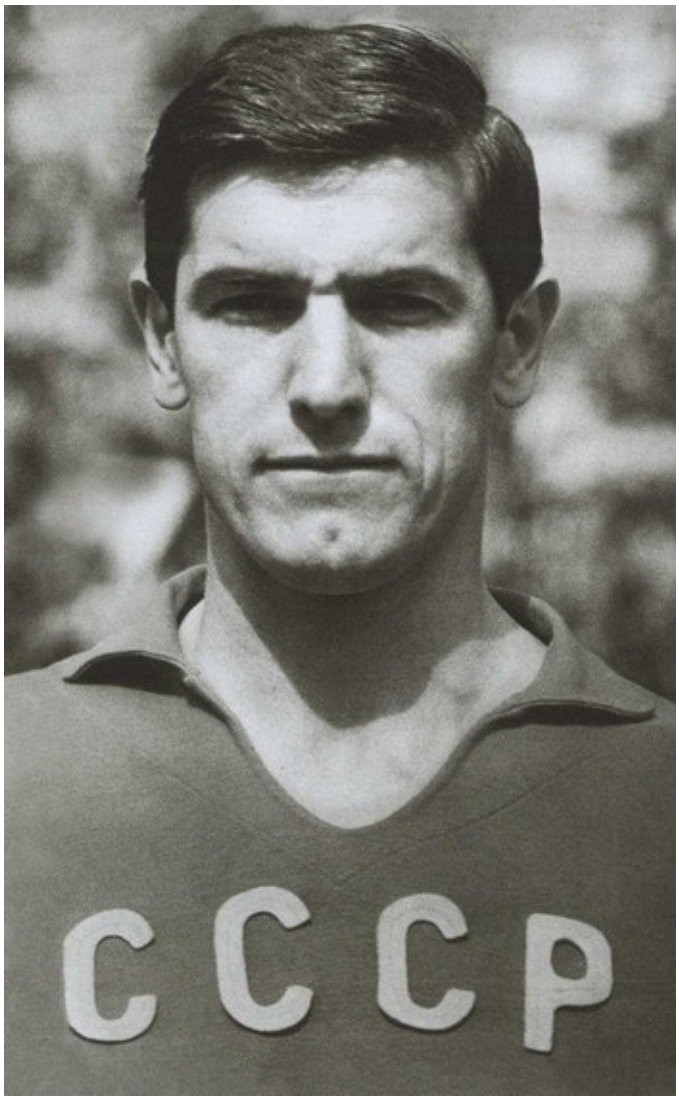
Эдуард Стрельцов перед игрой. 1955 г.

Эдуард Стрельцов с Кубком СССР. 1968 г.

Эдуард Стрельцов (слева) и Валерий Воронин. 1965 г.

Валерий Воронин

Чемпионат мира в Англии. СССР — Венгрия (2:1). Слева направо: Валерий Воронин, Василий Данилов и Флориан Альберт. 23 июля 1966 г.

Игроки сборной СССР середины 1960-х годов. Слева направо: Альберт Шестернёв, Валерий Воронин, Алексей Корнеев, Слава Метревели, Валентин Иванов, Лев Яшин

Программка прощального матча Льва Яшина. Сборная звезд мирового футбола против сборной «Динамо» (СССР). 27 мая 1971 г.

Футбольные календари 1950–1960-х годов

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФУТБОЛА (1897–1967)

***1897**, 24 октября* — в Санкт-Петербурге состоялся первый анонсированный в прессе матч, прошедший согласно всем правилам футбола между английской командой и русским «Спортом». Эта дата считается днем рождения российского футбола. До этого в футбол в основном играли представители английских колоний в России.

***1907**, 27 сентября* — проведение первого в истории матча сборных команд Петербурга и Москвы. Счет — 2:0 — в пользу столицы. За победителей играли англичане, Москву представляли русские футболисты. На следующий день прошел второй матч, где за Петербург играли русские. Столица вновь победила — 5:4.

***1912**, 19 января* — создание Всероссийского футбольного союза. Членами первого правления и главными организаторами союза стали: председатель Артур Давидович Макферсон (Петербург), товарищ председателя — Роман Федорович Фульда (Москва), секретарь — Георгий Александрович Дюперрон (Петербург). В том же году на конгрессе в Стокгольме Россия принята в члены ФИФА. В том же году появились лиги футбола Москвы, Петербурга, Харькова, Киева, Одессы, объединяющие городские клубы.

Июнь — июль — фиаско сборной России на Олимпиаде в Стокгольме. Финляндия — Россия — 2:1, Германия — Россия — 16:0, Россия — Норвегия — 1:2. В первом официальном матче сборная играла в таком составе: Фаворский — вратарь, полевые игроки — Соколов, Марков, Акимов, Хромов, Кынин, Смирнов, А. Филиппов, Бутусов, Житарев, С. Филиппов. Первый гол у россиян забил Василий Бутусов.

***1914**, июль* — последние товарищеские матчи сборной России перед началом Первой мировой войны. Швеция — Россия — 2:2, Норвегия — Россия — 1:1. К 1914 году в крупных городах проходили чемпионаты, причем в 1912 году Петербург выиграл у Москвы звание чемпиона страны. В 1913 году этого титула добилась Одесса. Но в составе одесской команды в финале выступили четыре иностранца, и Всероссийский футбольный союз посчитал первенство не состоявшимся.

1914–1920 — игры команд и сборных двух столиц не прерывались

даже в эти тяжелые времена. Сохранили свои позиции и ведущие городские клубы. Так, 7 сентября 1919 года сильнейший питерский клуб «Коломяги» обыграл чемпиона Москвы — ЗКС — 3:1.

1922–1924 — пролетарская атака на спорт и футбол в частности. Создание и регистрация новых футбольных клубов и команд. Поля, имущество, инвентарь, футболисты переходят под новые знамена. Создателями новой футбольной лиги стали общество «Динамо» в Москве и общество «Спартак» в Ленинграде. Им не удалось создать единый чемпионат, но новые футбольные клубы появляются по всей стране.

1923, *18 апреля* — создание общества «Динамо».

29 апреля — создание ЦСКА (тогда — ОППВ, с 1928 года — ЦДКА).

1924, *16 ноября* — приезд в Советскую Россию сборной Турции. Первый матч сборная СССР выигрывает — 3:0. Первый гол на счету Михаила Бутусова, брата Василия. Состав сборной СССР: Соколов (Москва), Рущинский (Москва), Ежов (Ленинград), Филиппов (Ленинград), Селин (Москва), Привалов (Харьков), Григорьев (Ленинград), Бутусов (Ленинград), Исаков (Москва), Шпаковский (Харьков), Шапошников (Москва).

1925, *15 мая* — ответный визит сборной СССР в Турцию. 2:1 — при сорокаградусной жаре в Анкаре.

1928, *17 августа* — открытие в Москве стадиона «Динамо» в Петровском парке вместимостью 45 тысяч человек.

1930, *ноябрь* — создание общества «Торпедо».

1934, *27 мая* — постановлением ЦИКа учреждено звание «Заслуженный мастер спорта СССР». В числе первых награжденных оказались восемь футболистов: Михаил Бутусов, Павел Батырев, Николай Старостин, Федор Селин, Петр Исаков, Николай Соколов, Иван Привалов, Владимир Воног.

Октябрь — первый матч сборной Москвы против профессиональной команды — «Жиденице» Брно, 3:2 — в нашу пользу. Михаил Якушин забил два мяча, в том числе победный.

1935, *19 апреля* — создание общества «Спартак».

1936, *1 января* — матч в Париже: «Рэсинг» — сборная Москвы — 2:1. Блестящий дебют двадцатилетнего Анатолия Акимова в воротах сборной. Первое знакомство наших футболистов с системой «дубль-вэ».

22 мая — в Ленинграде состоялся первый матч первого чемпионата СССР. Местное «Динамо» победило московский «Локомотив» — 3:1. Первый мяч на счету москвича Виктора Лаврова. Первым чемпионом стало московское «Динамо», в группе «А» (будущей высшей лиге) участвовало

семь команд. Осенью того же года прошел второй чемпионат СССР. В нем победили спартаковцы, а команд в группе «А» стало уже восемь. В рядах победителей — трое братьев Старостиных.

28 августа — финал первого Кубка СССР. «Локомотив» Москва — «Динамо» Тбилиси — 2:0. В играх на Кубок приняли участие 79 команд.

***1937**, лето* — визит сборной Басконии в СССР. Баски разгромили «Локомотив» — 5:1, «Динамо» — 2:1, сборную «Динамо» — 7:4, сборную Грузии — 3:1, Минска — 6:1, сделали ничью со сборной Ленинграда — 2:2. Проиграли они лишь московскому «Спартаку» — 2:6. «Спартак» был усилен футболистами других команд. В частности, играл за него и Григорий Федотов. Арбитр встречи Космачев был затем дисквалифицирован и больше не судил никогда.

1938 — столичное «Торпедо» под руководством тренера Сергея Бухтеева первым в Союзе перешло на систему игры «дубль-вэ».

Создание при Московском институте физкультуры Высшей школы тренеров.

1940 — поездка московского «Спартака», а фактически сборной Москвы, в Болгарию. «Спартак» — «Славия» — 6:1. «Спартак» — сборная Софии — 7:1. Восемь мячей в этих встречах на счету Григория Федотова.

***1944**, 27 августа* — финал Кубка СССР. «Зенит» Ленинград — ЦДКА — 2:1.

***1945**, 13 мая* — спустя четыре дня после Победы стартовал седьмой чемпионат страны, прерванный летом 1941 года. Первое место у «Динамо», игравшего по системе «4–2–4» под руководством Михаила Якушина. Вторыми стали армейцы. Третьими — торпедовцы. Лучший бомбардир чемпионата — Всеволод Бобров (ЦДКА) — 24 мяча.

Триумф «Динамо» в Англии. Динамовцы провели четыре товарищеских матча на родине футбола: с «Челси» — 3:3, с «Кардифф Сити» — 10:1, с «Арсеналом» — 4:3, с «Глазго Рейнджерс» — 2:2. Вратарь «Динамо» Алексей Хомич получил прозвище — «Тигр». За команду играли: Хомич, Радикорский, Семичастный, Станкевич, Блинков, Л. Соловьев, Орешкин («Динамо» Ленинград), Архангельский («Динамо» Ленинград), Трофимов, Карцев, Бесков (забил 5 мячей), Н. Дементьев, С. Соловьев, Бобров (ЦДКА, забил 6 мячей). Тренер — Михаил Якушин.

***1946**, 22 октября* — прием СССР в члены ФИФА. Тогда же вице-президентом ФИФА стал председатель Всесоюзной секции футбола Валентин Гранаткин, известный в прошлом голкипер столичного «Локомотива».

1946–1948 — эра команды лейтенантов — ЦДКА. Под руководством

Бориса Аркадьева футболисты армейской команды трижды подряд становятся чемпионами страны, а в 1948 году побеждают и в Кубке СССР. Имена Федотова и Боброва знает вся страна.

1947 — призерам чемпионата СССР стали вручать золотые, серебряные и бронзовые медали.

1949 — победителем Кубка страны впервые стало московское «Торпедо».

1952*, 11 мая* — после долгого перерыва провела товарищеский матч сборная СССР. Выступая под названием Сборной Москвы, наша команда уступила сборной Польши — 0:1. Через три дня состоялся реванш — 2:1. Оба мяча на счету Всеволода Боброва.

Июль — участие сборной СССР в олимпийском турнире в Хельсинки. СССР — Болгария — 2:1 (дополнительное время). СССР — Югославия — 5:5. Переигровка завершилась победой югославов — 3:1. Виновником поражения была объявлена команда ЦДСА, которая приказом от 18 августа была расформирована. Тренер Борис Аркадьев снят с работы и лишен звания заслуженного мастера спорта. Сняты были звания и с некоторых футболистов, в том числе и с Константина Бескова. Команда ЦДСА была воссоздана, а все наказанные реабилитированы лишь в 1954 году.

1954*, 8 сентября* — официальный дебют Льва Яшина за сборную СССР. СССР — Швеция — 7:0. Два мяча забил форвард «Спартака» Никита Симонян.

1955*, 26 июня* — дебют за сборную СССР молодого Эдуарда Стрельцова. И сразу хет-трик! Швеция — СССР — 0:6.

21 августа — на переполненном стадионе «Динамо» состоялся знаменитый товарищеский матч против действующих чемпионов мира, сборной ФРГ. СССР — ФРГ — 3:2.

1956*, 31 июля* — открытие стотысячного стадиона «Лужники».

15 сентября — ответный товарищеский матч с немцами в Ганновере. И вновь победа — 2:1. Мячи у сборной СССР забили Эдуард Стрельцов и Валентин Иванов.

8 декабря — сборная СССР — победитель Олимпийских игр в Мельбурне. В финале обыграна Югославия — 1:0. Но самым трудным оказался полуфинал с болгарами. 0:0 — в основное время. На 95-й минуте болгарин Колев забивает первый гол, на 112-й Стрельцов сравнивает счет, а на 116-й минуте победу приносит удар Татушина (2:1). Олимпийскими чемпионами становятся: Яшин, Разинский, Тищенко, Башашкин, Огоньков, Парамонов, Масленкин, Нетто, Татушин, Беца, Кузнецов, Иванов, Стрельцов, Исаев, Симонян, Сальников, Рыжкин, Ильин, забивший

победный гол в финале. Старший тренер — Гавриил Качалин.

***1958**, июнь* — чемпионат мира в Швеции. Групповой этап. СССР — Англия — 2:2, СССР — Австрия — 2:0, СССР — Бразилия — 0:2. Из-за равенства очков назначается переигровка с Англией за второе место в группе. Наши выигрывают — 1:0. В четвертьфинале, через два дня, сборной не хватило физических сил. Швеция — СССР — 2:0.

***1959**, май* — Всесоюзная секция футбола, которая руководила этим видом спорта с 1934 года, преобразована в Федерацию футбола СССР во главе с Валентином Александровичем Гранаткиным.

***1960**, 29 мая* — выход в свет первого номера еженедельника «Футбол». Главный редактор — Мартын Мержанов. Упор в издании делался на комментарии известных футбольных людей — Андрея Старостина, Константина Бескова, Михаила Якушина, Виктора Маслова…

10 июля — сборная СССР становится первым чемпионом Европы. В Париже на «Парк де Пренс» обыграна сборная Югославии — 2:1. Голы: Метревели, Понедельник. Состав сборной СССР: Яшин, Чохели, Масленкин, Крутиков, Войнов, Нетто, Метревели, Иванов, Понедельник, Бубукин, Месхи.

1960-е — наивысший расцвет отечественного футбола. В сборной никогда не было такого широкого представительства клубов, а соперничество в чемпионате страны столичных «Динамо» и «Спартака», ЦДКА и «Динамо» дополнилось теперь борьбой между московским «Торпедо» и киевским «Динамо».

***1960**, ноябрь* — «Торпедо» выигрывает чемпионат и Кубок СССР. Во многом этот успех связан с работой в команде выдающегося тренера Виктора Маслова.

***1962**, июнь* — неудача сборной СССР на чемпионате мира в Чили. Групповой этап. Югославия — СССР — 0:2, Колумбия — СССР — 4:4 (наши вели в матче — 3:0). Уругвай — СССР — 1:2. В четвертьфинале — досадный проигрыш сборной Чили — 1:2.

Советский арбитр Николай Латышев проводит финальную встречу чемпионата мира между сборными Бразилии и Чехословакии и награждается «Золотым свистком».

***1963**, 23 октября* — знаменитый матч — сборная мира (ФИФА) — сборная Англии в Лондоне в честь столетия английского футбола. В сборной мира блестяще выступил наш Лев Яшин. В том же году Яшин получает приз — «Золотой мяч», который вручается лучшему футболисту Европы.

***1964**, 21 июня* — проигрыш финального матча второго чемпионата

Европы. Мадрид. Испания — СССР — 2:1. Главный тренер сборной К. Бесков снят с работы, а вокруг матча, носившего густую политическую окраску, развернута необоснованная критика. Ныне второе место на чемпионате Европы было бы расценено как большой успех.

Ноябрь — впервые чемпионат страны выигрывают динамовцы Тбилиси.

Декабрь — еженедельник «Футбол» впервые проводит ставший традиционным и продолжающийся по сей день опрос журналистов, называющих лучшего, по их мнению, футболиста страны. Первым обладателем этого звания стал торпедовец Валерий Воронин.

1965 — возвращение Эдуарда Стрельцова в большой футбол. С ним «Торпедо» вновь становится чемпионом страны, а игра команды признается эталонной.

4 июля — переполненные «Лужники» впервые наблюдали игру двукратных чемпионов мира бразильцев во главе с великим Пеле. Наша сборная проиграла крупно — 0:3. Пеле забил два мяча. Зато в осенне-зимнем турне по Южной Америке наши сыграли с Бразилией 2:2, с Аргентиной — 1:1, а у Уругвая выиграли — 3:1.

1966*, июль* — чемпионат мира в Англии. Сборная СССР заняла 4-е место, и это высший успех по сию пору. Групповой этап: КНДР — СССР — 0:3, Италия — СССР — 0:1, Чили — СССР — 1:2. Четвертьфинал: Венгрия — СССР — 1:2. Полуфинал: ФРГ — СССР — 2:1. Матч за 3-е место: Португалия — СССР — 2:1. Состав сборной: Яшин, Пономарев, Корнеев, Хурцилава, Данилов, Воронин, Сичинава, Метревели, Малафеев, Банишевский, Серебряников. Гол: Метревели. Старший тренер — Николай Морозов.

28 сентября — дебют советского клуба в Кубке европейских чемпионов. Милан, стадион «Сан Сиро»: «Интернационале» — «Торпедо» — 1:0. Ответный матч в Москве — 0:0.

Первый в истории «немосковский» пьедестал чемпионата СССР. 1-е место — «Динамо» Киев; 2-е место — СКА Ростов-на-Дону; 3-е место — «Нефтяник» Баку. Кубок СССР тоже выиграли киевляне.

1967*, 16 июля* — последний матч Льва Ивановича Яшина за сборную СССР. Тбилиси. Отборочный матч чемпионата Европы: СССР — Греция — 4:0. Состав команды: Яшин, Аничкин, Шестернёв, Хурцилава, Ленев, Воронин, Численко, Сабо, Банишевский, Стрельцов, Бышовец. Голы: Банишевский (2), Сабо (с пенальти), Численко.

Ноябрь — первые места в чемпионате заняли динамовские команды — Киева, Москвы, Тбилиси и Минска. Кубок СССР — у столичного

«Динамо».

Декабрь — Эдуард Стрельцов назван лучшим футболистом страны.

Журналисты «Франс футбол» поставили сборную СССР на первое место в рейтинге сильнейших сборных Европы. В том году в товарищеских матчах наша сборная обыграла в Глазго шотландцев — 2:0, в Париже французов — 4:2, в Варшаве поляков — 1:0, в Софии болгар — 2:1, в Сантьяго чилийцев — 4:1. Убедительно команда выглядела и на «Уэмбли», где была зафиксирована ничья с чемпионами мира англичанами — 2:2. В 1967 году сборная СССР обеспечила себе выход в четвертьфинал чемпионата Европы, легко пройдя соперников из Греции, Австрии, Финляндии. Тренировал сборную Михаил Якушин.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акимов А. М. Записки вратаря. М.: Физкультура и спорт, 1953.

Бесков К. И. Моя жизнь в футболе. М.: Физкультура и спорт, 1994.

Васильев П. А. Футбольные люди. М.: Молодая гвардия, 1999.

Васильев П. А. Извините, мистер Круифф. М.: Молодая гвардия, 2002.

Васильев П. А. Последний кумир. М.: Эксмо, 2008.

Всё о футболе: Энциклопедический сборник. М.: Физкультура и спорт, 1972.

Галедин В. И. Лев Яшин. М.: Молодая гвардия, 2014 (серия «ЖЗЛ»).

Горянов Л. Б. Повесть о вратарях. М.: Физкультура и спорт, 1965.

Духон Б. Л., Морозов Г. Н. Братья Старостины. М.: Молодая гвардия, 2012 (серия «ЖЗЛ»).

Есенин К. С. Московский футбол. М.: Московский рабочий, 1974.

Есенин К. С. Футбол: рекорды, парадоксы, трагедии, сенсации. М.: Молодая гвардия, 1968.

Иванов В. К. Центральный круг. М.: Физкультура и спорт, 1973.

Кулжинский И. П. Словарь любителя футбола. Ростов н/Д.: Молот, 1970.

Левин Б. М. Лев Яшин в воспоминаниях современников. М.: Терра-спорт, 1999.

Нетто И. А. Это — футбол. М.: Физкультура и спорт, 1964.

Николаев В. А. Я — из ЦДКА! М.: СПАОЗТ «Контракт», 1995.

Нилин А. П. Век футбола. М.: Терра-спорт, 1998.

Нилин А. П. Эдуард Стрельцов. М.: Молодая гвардия, 2002 (серия «ЖЗЛ»).

Нилин А. П. Валерий Воронин. М.: Книжный клуб, 1999.

Российский футбол за 100 лет: Энциклопедический справочник. М., 1997.

Россия на чемпионатах Европы: Сборник. М.: Эксмо, 2008.

Симонян Н. П. Футбол — только ли игра? М.: Гранд, 1998.

Старостин А. П. Большой футбол. М.: Молодая гвардия, 1957.

Старостин А. П. Повесть о футболе. М.: Советская Россия, 1973.

Старостин Н. П. Звезды большого футбола. М.: Физкультура и спорт, 1969.

Сто лет российскому футболу: Энциклопедический справочник. М., 1997.

Стрельцов Э. А. Вижу поле… М.: Современная опера, 1991.
Тимошкин И. С. Как уничтожали «Торпедо». М.: Эксмо, 2009.
Ткаченко А. П. Футболь. М.: Гелеос, 2001.
Филатов Л. И. Форварды. М.: Физкультура и спорт, 1986.
Шустиков В. М. Футбол на всю жизнь. М.: Советская Россия, 1974.
Якушин М. И. Вечная тайна футбола. М.: Физкультура и спорт, 1988.
Яшин Л. И. Записки вратаря. М.: Библиотека журнала «Огонек», 1976.
Яшин Л. И. Счастье трудных побед. М.: Физкультура и спорт, 1985.

---

notes

Примечания

1

Стилистика и орфография документа сохранены.

2

Этот текст П. Васильева был написан 8 ноября 2011 года.